

Виктор Георги
ПУТЬ
НА ГРУМАНТ

Виктор Сергеевич Георги

Путь на Грумант

Mike

<http://www.litres.ru>

Путь на Грумант: "Карелия"; Петрозаводск; 1991

Аннотация

Это вторая книга мурманского журналиста Виктора Георги. Посвящена она уникальной морской экспедиции – походу на древних кочах к Шпицбергену, который организовал петрозаводский клуб путешественников-исследователей «Полярный Одиссей». Автор был в составе экипажа.

Содержание

Предисловие	5
1. Петрозаводск – Архангельск	11
2. Архангельск – остров Сосновец	46
Строители лабиринтов	68
1. Умбский «вавилон»	68
2. Мыс Востра	74
3. Древний некрополь	83
3. Терский берег	89
4. Мурманский берег	127
5. Норвежское море	168
6. Шпицберген	205
Послесловие	240

Путь на Грумант. Георги Виктор

Фото В. Вешнякова

Предисловие

На моем столе разложены вырезки из советских и иностранных газет, красочные проспекты, сувениры, эмблемы, фотографии, пухлый блокнот обтрепанных листов путевых записей. Впечатления и наблюдения, накопленные за месяцы похода, еще предстоит осмыслить, сложить в связный рассказ об этой уникальной морской экспедиции. Пока же с очередным прожитым днем, отодвигающим благополучный финиш «Помора» и «Груманта» от сиюминутной действительности, все яснее осознаю масштабность и авантюренность предпринятого нами шага. Авантюренность в первоначальном значении этого слова от безобидного французского «приключение», «похождение». Ныне это значение устарело, обросло такими понятиями, как «сомнительный», «рискованный», «рассчитанный на случайный успех», «обреченный на провал». Увы, но двадцатый век заставляет быть реалистом. И на вопрос: как там, было ли страшно? серьезно отвечаю: «Поначалу было, а потом просто-напросто устал бояться...»

Что-то изменилось в психике тех, кто вступил на палубы деревянных скорлупок, осознанно или по неопытности решив достичь на них Шпицбергена.

Еще памятны были газетные корреспонденции о спасении североморцев с затонувшей подводной лодки «Комсомолец», пресса сообщала об аварии второй подлодки в районе острова Медвежий, о столкновении со льдиной теплохода «Максим Горький», а мы тем временем готовились поднять паруса и взять курс к пресловутому «медвежьему треугольнику», как по аналогии с Бермудами окрестили этот район судовые острословы. Впрочем, до выхода в открытое море при переходе из Петрозаводска в Архангельск времени было предостаточно для окончательного выбора, который и сделал каждый.

Итак, путь на Грумант! Но когда и как он для нас начался? Только ли в ночь с 1 на 2 июля 1989 года после недолгого осмотра судов и заполнения участниками экспедиции таможенных деклараций, когда за кормой «Помора» остался Чижовский рейд архангельского пригорода Экономия? Или годом раньше, после очередной безуспешной попытки пробиться через беломорскую горловину в море Баренца? Или два года назад при спуске на воду первого и пока единственного в мире новодела старинного поморского коча? Или...

– Знаешь, почему мы до сих пор не слетали на Марс? – Дмитриев хитро прищурился и, не ожидая ответа на этот полуриторический вопрос, продол-

жил. — В свое время чиновники от науки не поверили в мой проект космических кораблей многоразового использования, не рискнули сломать утвержденную программу строительства традиционных «Союзов». А идея-то проста: топливные баки размещаем не сзади, а спереди отсека космонавтов. И, выводя ракету на орбиту, избавляемся от уже использованных пустых баков, не теряя при этом весь ракетно-двигательный комплекс очередной ступени. Таким образом значительно сокращаем вес корабля. Но главное в другом: как бусины на нитку ожерелья в космосе можно «нанизать» на ракету нужное количество топливных баков. И лететь к Марсу, где, оставив эти баки на орбите, сесть и подняться, а «нацепив» свое «ожерелье», возвратиться на Землю.

Впрочем, этот проект сегодня устарел. Может, и правильно поступила комиссия Госкомитета по науке и технике, отклонив его. Нынче же у меня есть новые идеи, но о них рассказывать пока рано...

Нет, не в кабинете научно-исследовательского института услышал я этот рассказ. И не от кандидата или доктора соответствующих наук. Моим собеседником был работник карельского клуба юных моряков Виктор Дмитриев. Он же — председатель петрозаводского клуба путешественников-исследователей «Полярный Одиссей», он же — капитан-кормщик коча «По-

мор». Коча, в крутой бок которого была тем временем короткая и злая беломорская волна, а грот-мачта постанывала от напряжения, играя упругими мышцами наполненного ветром паруса, И совершали мы, естественно, не космическое путешествие на Марс, а переход из Беломорска в Архангельск на самодельном деревянном судне. Но так уж, видно, устроен человек, что в своих мечтах он всегда хочет достичь невозможного, открыть еще никем не изведенное. Таков, на мой взгляд, и Виктор Дмитриев – увлеченный, непоседливый, умеющий зажечь своей идеей других людей и при этом отдающий всего себя без остатка достижению поставленной цели.

Так с чего и когда начался наш «Путь на Грумант», а именно это название получила экспедиция двух парусных судов для моделирования древнего плавания к Шпицбергену, который русские поморы окрестили батюшкой Грумантом? Наверное, каждый из четырнадцати участников перехода ответит на этот вопрос по-своему.

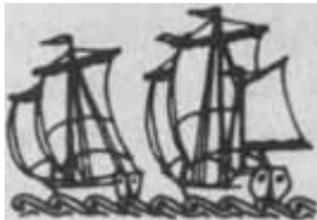
В норвежском литературном памятнике XIII столетия «Королевское зеркало» так сказано о мотивах, заставляющих путешественников лезть к черту на рога: «Хочешь ты знать, что ищут люди в той стране и почему они туда отправляются, несмотря на большую опасность для жизни, знай же, что три свойства чело-

веческой природы побуждают их к тому: во-первых, соревнование и склонность к известности, ибо человеку свойственно устремляться туда, где грозит большая опасность, благодаря чему можно приобрести известность; во-вторых, любознательность, ибо также свойством человеческой природы является стремление видеть и знать те местности, о которых ему рассказывали; в-третьих, человеку свойственно любостяжение, ибо люди постоянно жаждут денег и добра и идут туда, где, по слухам, можно иметь прибыли, несмотря на грозящую большую опасность». Что ж, в целом я согласен с данными рассуждениями. Хотя применительно к нашей экспедиции третье, последнее «свойство человеческой природы» отношения не имеет: многие вложили свои средства, чтобы отправиться на Грумант. И все же...

У каждого из нас есть мечта. И каждый своим путем к ней идет. Идет, продираясь сквозь бурелом сомнений в правильности выбранного пути; идет, отмахиваясь от назойливого комариного звона сверхосторожных современников; идет, не обращая внимания на бьющие по лицу ветви выросших над могилами предшественников берез... Не слишком ли большую цену мы платим за этот путь, который в конце концов становится смыслом жизни? О цели я не говорю – она недостижима, вернее, она всегда там; впереди, куда

не суждено дойти, чтобы упасть головой в знакомый
с детства пьянящий дурман багульника...

Значит – путь на Грумант!

1. Петрозаводск – Архангельск

«Уважаемые пассажиры. Через десять минут наш самолет произведет посадку в аэропорту города Архангельска. Температура воздуха в Архангельске 24 градуса тепла...»

Я откидываюсь на спинку кресла и рукой прикрываю глаза от бьющего в иллюминатор света. Часы показывают полночь. Растет – приближается земля, и вдруг, словно проснувшаяся кошка, встает и прогибается, стараясь дотронуться острыми шерстинками лесов до горящей вполнакала лампы-солнца. Но солнце скатывается к горизонту, становится все меньше, все краснее и одновременно с самолетом замирает, оставшись где-то там, в самом начале взлетно-посадочной полосы.

Десять минут заката.

Полтора часа лета от Петрозаводска до Архангельска.

И час ожидания редкого ночного автобуса в город...

Вот она, проза быстротекущей жизни. Лишь немного обидно за наш скоростной век, в котором, казалось бы, нет места раздумьям и сомненьям. Может, оно и правильно? Но все же я рискну не торопясь рассказать о переходе под парусами из Петрозаводска в Ар-

хангельск. И вспомню другой закат и другой восход в общем-то равнодушного к нашей суете светила...

На Онежском озере штиль. И если на широте Мурманска, а тем более где-то у туманного Шпицбергена, хозяйничает полярный день, то здесь в полночь раскаленный диск солнца на глазах сползает к едва различимому берегу, над которым провисли легкие длинные облака. И кажется, что это не солнце вошло в облака, а современный авиалайнер пошел на посадку и через минуту уже скрылся, оставив на горизонте лишь причудливо изогнутые облака-крылья. Интересно, с чем сравнили бы этот закат древние мореходы? С горящим в последних лучах светила крылом чайки? Или со спинным плавником сопровождающей судно белухи?

За кормой «Помора» остался Оленеостровский могильник, донесший до наших времен следы материальной культуры неолитических охотников Беломорья. Людей, которые несколько тысячелетий назад вот так же шли на байдарках по Онежскому озеру-мору от одного его берега к другому, запечатлев свои довольно-таки вместительные суда-пироги, украшенные головой лося, в каменных рисунках Бесова Носа. До 24-х гребцов можно насчитать на их судах, а нас на коче семеро. И вряд ли большим экипажем ходили поморы на матку Новую Землю, на батюшку Грумант

– Шпицберген. Учитывали все: чтобы скорость была и в морях арктических не сгинуть, чтобы было куда добытые моржовый клык, рыбу и зверя сложить и самим отдохнуть – соснуть часок-другой...

Плещет за бортом онежская вода, мелким мусором унося прочь неизбежные в день отхода хлопоты и тревоги. Пока что они у каждого свои: один забыл дать телеграмму родственникам и рассчитывает сделать это в Повенце, другой беспокоится за свой отпуск, которого может не хватить на всю программу перехода, третий просто-напросто так и не принял окончательного решения, приглядываясь и прислушиваясь к соседу по жестким нарам общего кубрика. Но скоро на смену этим личным сомнениям и тревогам придет общая озабоченность судьбой экспедиции. И мы простим друг другу мальчишеский азарт бежать наперегонки с «Грумантом», ведь даже при попутном, ветре внезапный шквал может разбросать суда в открытом море и лучше не рисковать, рассчитывая на прочность буксирного каната и надежность сорокакаильного движка нашей лодьи сопровождения. Усталые, истощенные ветрами, мы после вахты будем не раздеваясь валиться на нары и засыпать, прислушиваясь не к себе, а к рыскающему на волнах кочу. Кочу, который столь мирно и спокойно бежит в эти минуты по Онеге. И я, стоя на руле, прислоняюсь щекой и украд-

кой целую отполированное ладонями темное дерево румпеля. Назад хода нет. И самое время вспомнить, рассказать о том, что предшествовало этой экспедиции.

Не сразу, не вдруг решили ребята из клуба «Полярный Одиссей» построить коч. Поначалу была тяга к морским Путешествиям, так называемая романтика дальних дорог. А у кого, спросите вы, ее нет? Но чаще всего, совершив два-три перехода, самые ярые «романтики» оседают на берегу, и, остепенившись, лишь с тоской вспоминают давние мальчишеские забавы. Так было бы и на этот раз, если б не энтузиазм Дмитриева. Ему удалось приобрести списанный за ненадобностью малый рыболовный бот и сплотить вокруг себя надежных товарищей. Точкой же отсчета следует, наверное, считать 1978 год, когда первая группа энтузиастов вышла в море на восстановленном боте. С тех пор плаванья проходили ежегодно. И постепенно пришла идея воссоздать коч – деревянное поморское судно для ледового плаванья.

Петр I в свое время издал указ, в котором запретил строительство кочей – все новые суда сжигались, а слушники выплачивали плюс к тому немалые штрафы. Царю, видите ли, нужно было за несколько лет обзавестись значительным количеством боеспособных фрегатов и галиотов... Так за два с половиной

столетия были утеряны секреты древних мастеров. Почти навсегда – если бы не ребята из Карелии.

Обстоятельства диктовали древнему мастеру выбор формы. В стародавние времена в арктических походах почти неизбежно приходилось зимовать на необитаемых островах. И малая осадка, плоскодонность кочей позволяли выволакивать их на лед, однако при переходе по чистой воде выявляли и ряд неудобств – валкость, плохую управляемость при крупной зыби. Этот недостаток мореходных свойств, как утверждают специалисты, неизбежен для всех судов, приспособленных для ледового плавания.

В первых же походах по Беломорью поняли, что невозможно будет воссоздать коч, не уяснив до мелочей не только условия плавания, но и быт, жизнь поморов. Поначалу думали, что лишь в Сороке (нынешнем Беломорске) и Архангельске строились раньше большие морские суда. Но оказалось, что по всему побережью шились и шняки, и лодьи, и ёлы. И в каждой деревне мастер привносил свои, неповторимые элементы в это древнее ремесло.

Никаких чертежей коча не существовало, а рисунки этого судна помочь нам при его постройке не могли. Поэтому годами по крупицам мы постигали опыт старых мастеров, изучали технологию постройки лодок и карбасов в Поморье. С одним из народных умель-

цев, Григорием Ивановичем Белым, познакомились в Кеми. Он и рассказал об особенностях известных ему конструкций поморских судов, показал, как раньше сшивали корпус вицей.

Несколько лет назад, в походе по Беломорью, нам пришлось оставить свое парусно-моторное судно «Полярный Одиссей» в одной из бухт Терского берега Кольского полуострова и сушей добираться до поморского села Варзуга. На речной тоне Колониha задержались посмотреть, как колхозники выбирают из невода улов семги. Здесь и разговорились с рыбаком, который в то время шил себе карбас. Нас заинтересовали некоторые подробности строительства лодки. Дело в том, что у карбаса, как и коча, обшивка идет внакрой – кромка на кромку. И в конечном итоге вырастает судно с прочным яйцевидным корпусом и срезанными в виде салазок носом и кормой. Кроме того, и собственный опыт мореплавания помог понять и разобраться, каким же должен быть поморский коч. К его строительству ребята приступили, надеясь, что, как говорят поморы, «доска сама покажет, что делать». Так и получилось.

Разработали несколько вариантов чертежей. Остановились на одном. И на ученом совете в Институте археологии Академии наук СССР, где довелось выступить Виктору Дмитриеву, работа клуба получила вы-

сокую оценку специалистов.

Во-первых, удалось собрать воедино ценные для науки материалы, составленные из архивных данных, из воспоминаний старожилов, из анализа поднятых с морского дна останков судов. Во-вторых, был воссоздан облик старинного коча, сделан его новодел, а не просто модель. В-третьих, мы провели морские испытания, в сложных погодных условиях доказали отличные мореходные качества коча. Кстати, в отличие от технологии работ, оснастка его чрезвычайно проста. Даже мне, в общем-то далекому от практического мореплавания и не увлекающемуся парусным спортом человеку, удавалось вполне сносно выполнять команды кормщик;) при смене галсов, не путая шкоты с брасами. Скептикам же можно сказать одно: попробуйте повторить уже пройденный клубом путь. И только тогда, выйдя в море на двух новоделах старинных судов, можно будет сравнить – оценить: у кого получилось лучше.

Вплоть до XVIII века на кочах «бежали под парусом» и «ходили гребью» по неласковым северным морям карелы и русские – отважные мореходы, искусно строившие надежные суда. На Руси повсеместно знали о высоком потомственном мастерстве поморов. Они накапливали веками опыт вождения своих судов, постичь который за короткое время мы, есте-

ственно, не могли. Но надеялись на удачу.

...Вернемся на борт «Помора», пересекающего Онежское озеро, чтобы войти в шлюзы Беломорканала. Шлюзы, которые ранят душу гнетущим осадком. Уж слишком массивны, тяжелы и бессчетны загнанные в их стены деревянные брусы. Страшно подумать, как и каким трудом достался нам этот канал, построенный 55 лет назад. И подобное чувство испытал не я один.

«Все же Беломорканал был нужен стране и давно окупил затраты на свое строительство», – высказал кто-то, казалось бы, разумную мысль. «Перевози по нему еще сотню лет корабли, груженные только золотом, все равно ничем нельзя искупить загубленные здесь жизни тысяч людей в те бесправные тридцатые годы», – отвечу ему я. Так уж получается в наше переломное время: пишешь путевые, почти жанровые заметки, хочешь рассказать об увлекательных встречах и открытиях – ан все равно нет-нет, да затронешь актуальную, болезную, как бьющие током оголенные провода, тему...

К концу первой ночной вахты, к четырем часам утра, над горизонтом вновь показался яркий, наливающийся краснотой диск солнца. К этому времени мы успели заполнить холодной онежской водой питьевой бак – водой свежей и вкусной, в чем не раз пришлось

в дальнейшем убедиться. Развели и единственный на борту «паровой двигатель» – судовой самовар. Можно было будить следующую вахту, а самим спускаться в кубрик-кухарню, названную так поморами за устроенную в ней печь, используемую как для приготовления пищи, так и для обогрева команды, в уютную, пахнущую смолой и свежим деревом кухарню с подвешенным посередине на железных цепях общим обеденным столом. Нам всем еще предстоит убедиться в разумности даже таких мелочей – при качке кружка с горячим чаем стояла на столе как приклеенная...

Основной целью экспедиции было так называемое моделирование традиционного поморского маршрута на новоделе средневекового судна. Но каждый из нас, составивших его экипаж, имел и свои, более «узкие» задачи. И мне хотелось пройти Онежским озером и каналом до Беломорска, вновь побывать на Соловках, чтобы посмотреть на этот маршрут как бы глазами неолитических охотников, живших здесь несколько тысячелетий назад. Потому что в совместных походах по Русскому Северу с профессиональным археологом и писателем Андреем Никитиным я проникся верой в его, казалось бы, невероятную гипотезу о существовании морского народа Беломорья. Думаю, что и читателям небезынтересно будет вникнуть в суть этой гипотезы. Тем более, что маршрут «Помора» как раз

проходит по местам стоянок древних мореходов.

...До сравнительно недавнего времени наши знания о морском промысле первобытных племен на европейском Севере страны были крайне скудны. Считалось, что человек здесь появился восемь-десять тысяч лет назад, но поселения его имели временный характер, а основу хозяйственной деятельности составлял сбор в полосе отлива рыбы и моллюсков. Однако в семидесятых годах нашего века археологи стали находить на Кольском полуострове следы неолитических стоянок, в «культурном горизонте» которых сохранились скопления костей ластоногих и китообразных Животных. О том, что они были добычей древних охотников, свидетельствуют отобранные во время раскопок лопаточные кости тюленей, пробитые в строго определенном месте. А также орудия охоты – костяные и каменные наконечники гарпунов. И тогда Никитин первым сделал вывод, что коренные жители – протосаамы – не могли заниматься столь трудоемким промыслом. Ведь для этого необходимо было строить надежные морские суда, владеть технологией обработки камня. Значит, где-то здесь могла сформироваться культура рыболовов и охотников. И существует связь между древними наскальными изображениями Бесова Носа под Пудожем и находками в Оленеостровском могильнике близ Петрозаводска. А

контакт между этими двумя точками побережья мог поддерживаться только через значительные водные пространства со всеми привходящими сюда обстоятельствами: ветрами, высокобалльным волнением, опасностью плавания, отсутствием берегового горизонта.

Какими же средствами располагал древний человек, чтобы совершать продолжительные и сложные морские походы? Об этом рассказывают выбитые на красноватой скале рисунки «Бесовых следов» на реке Выг. Изображения лодок-байдар мореходов эпохи неолита более трехсот раз запечатлены в петроглифах Карелии. Особенно выразительны сцены морской охоты на наскальных изображениях Новой Завлуги, где показана охота на белуху. В лодке изображено 12 человек. Все они с гарпунами в руках, а один охотник, стоящий на носу байдары, уже вонзил свое орудие в тело животного. Ремень от наконечника гарпуна пока собран в «гармошку», но не трудно представить, как через минуту он натянется, как в зверя вопьется еще десяток гарпунов...

Так что же заставило морских охотников Онежского озера оставить обжитые места, податься на север, к морю? Очевидно, считает Андрей Никитин, этот народ потеснили более воинственные племена, пришедшие с юга, из района Волго-Окского междуречья,

о чем свидетельствуют археологические находки.

Следует помнить, что тогда в Онежском озере водились тюлени, лососевые породы рыб, и оно по своему пищевому набору мало отличалось от Белого моря. К тому же, наверняка, древние мореходы выходили в море и гораздо раньше, так как все хозяйство первобытных охотников и рыболовов строилось на постоянном кочевании, на сезонном перемещении из одного места в другое. Средства добывания пищи, условия существования были слишком скудны, чтобы человек мог осесть на одном месте.

Возможно, на выход целого народа к берегам Беломорья подействовала и смена климата. Где-то в третьем тысячелетии до нашей эры наблюдается климатический оптимум, когда все условия ритмических изменений биосферы сложились настолько благоприятно, что на Севере значительно повысились среднегодовые температуры и до Ледовитого океана продвинулась зона широколиственных лесов. Резко повысилась и продуктивность Белого моря. Именно в это время на Соловецких островах создавались загадочные каменные лабиринты, в огромных количествах выбивались наскальные изображения в низовьях реки Выг...

Вот так, перемещаясь не только в пространстве, но и во времени, прошел для меня первый этап нашей

экспедиции от Петрозаводска до Беломорска. Что ж, сделаем здесь небольшую остановку, вернувшись к делам и заботам сегодняшнего дня.

Ранним утром, пройдя многочисленные шлюзы 227-километрового Беломорканала, соединившего онежский Повенец и Сорокскую бухту Белого моря, коч пришвартовался к причалу торгового порта Беломорска.

«Передо мною селение Сорока, густонаселенное, разбросанное на значительном пространстве, с церковью, с красивыми, выкрытыми тесом и покрашенными краской домами...» – таким более века назад увидел с моря нынешний Беломорск писатель Сергей Васильевич Максимов. Увидел и добавил, пересказывая байки местных жителей: «В губу эту Сороцкую заходит такое несметное количество сельдей, что, по словам туземцев, вода густеет как песок или каша: шапку кинь на воду – не потонет, палку воткни туда – не упадет, а только вертится...»

Сегодня о запасах сельди в Белом море пишут уже не этнографы-путешественники, а чаще всего журналисты-публицисты да ученые-биологи. И шапки при этом кидают на пол, в жарких спорах доказывая свою правоту. И палкой тыкают, но опять же не в воду, а в сторону госпромышленности, вычерпавшей море океанскими тралами как сачком рыбу в аквариуме.

Был создан даже целый флот – «Мурмансельдь», специализировавшийся в этом деле. В середине шестидесятых годов его скромно переименовали в «Мурманрыбпром», а теперь понемногу расформировывают из-за «наличия отсутствия объекта лова».

В первые же часы после швартовки в Беломорске состоялась одна незапланированная встреча – рядом у причала стояли два мурманских траулера «Юпитер» и «Меркурий». Как вскоре выяснилось, суда эти купили у «Мурманрыбпрома» одесские колхозники и теперь перегоняли их к себе на Черное море. Любопытные и общительные, одесситы стали первыми гостями на борту «Помора». Однако далеко не все они высказывали слова удивления и одобрения, совершив короткую экскурсию по кочу, длина которого чуть превышает расстояние от вратаря до бьющего пенальти футболиста, а ширина, согласно многовековому опыту поморских судостроителей, равна одной трети длины.

Слышались и такие речи: «И куда только государство смотрит, выбрасывая деньги на ветер? Это же надо – построить никому не нужную деревянную игрушку! Иной моряк годами работает, а крышу перекрыть в родительском доме все денег не хватает. А здесь – целое судно!»

Чем возразить на столь резкие высказывания? Ес-

ли уж быть откровенным до конца, то государство очень неохотно идет на подобные расходы. Да, строительство коча велось на петрозаводском заводе «Авангард», руководители которого помогли достать необходимые для этой цели материалы. Спасибо им. Но практически все делалось руками самих ребят из клуба «Полярный Одиссей» в вечерние и ночные часы. И делали они действительно на совесть, не считаясь с личными затратами и временем. Для чего? Чтобы ответить на этот вопрос, надо, наверное, рассказать о каждом, кто вошел в состав экспедиции «Путь на Грумант». Пока же назову лишь Юрия Наумова – в прошлом работника специальных научно-реставрационных мастерских музея «Кижы». Как раз перед началом нашего похода общественность Карелии выступила против скоропалительного решения коллегии Министерства культуры РСФСР о немедленной переборке кижской Спасо-Преображенской церкви. Чиновники из Москвы посчитали этот способ единственно возможным для сохранения древнего храма. Активное участие в развернувшейся полемике принял и Юрий.

А вы б посмотрели, как он владеет топором! Во время одной из стоянок местные мужики специально приходили понаблюдать за работой современного кижского умельца. Он же знай себе приговаривал: «Топо-

ром тесать – не пером писать». То есть намекал, что сначала надо решить, подумать, а только потом всегда можно будет задуманное выполнить своими руками. Было бы желание.

Присказку эту Юрий повторил еще раз, услышав мой рассказ о том, как расшили – раздели горе-реставраторы уникальный памятник русского деревянного зодчества на Кольском полуострове – варзугскую церковь Успения. Расшили, да так и оставили гнить на берегу реки. Повторил и добавил: «Не знал я, что до сих пор, пусть даже на периферии, делается подобная глупость...»

Да, о многих, с кем сдружился я за месяцы плавания, можно было бы рассказать. Да боюсь утомить читателя на первый взгляд незначительными подробностями. Главное – не случайные ребята подобрались для участия в экспедиции. И не прогулочное путешествие по Беломорью предстояло нам совершить, как может показаться отдельным скептикам. Впрочем, пора от слов переходить к делу: отдавать швартовые концы и брать курс в открытое море, оставив за кормой воды Онежского озера' и шлюзы Беломорканала.

В день выхода на Соловки дул отнюдь не попутный для нас северо-восточный ветер. Поэтому решили пробиваться сначала на север Кемскими шхерами, где остановиться на ночевку на Кузовах – удивитель-

ных по своей красоте небольших островах между материком и заповедным архипелагом. Одна из поморских лоций, этих изустных книг древних мореплавателей, советует: «Заходить в становище у камня, салма проходная с Шуерецкую сторону (о правой наволок) в полуношник, а в Соловецкую сторону о правой наволок неблиско есть отмель. В те же Кузова с полуношничну сторону становище Чернецкое, салма проходная, заходить в него с Шуерецку сторону о правую луду гладко, а о леву есть корга, ити в север».

Что ж, попробуем последовать совету первопроезжих, переведя сначала писанное ими на современный язык. Не ручаюсь за точность, но звучать это будет примерно так: «Подходить к селению можно проливом (от камня?), продвигаясь при северном ветре от Шуерецкой губы и оставив справа по борту морской мыс, северо-восточнее которого есть мель. На севере тех же Кузовов расположено селение Чернецкое, пролив к которому тоже проходной, заходить в него можно с юго-запада, оставив справа голый остров, по другую сторону которого тянется каменистая мель; идти следует на север».

До этого не один раз суда нашего клуба останавливались на Кузовах. Вот и нынче мы расположились в сохранившейся просторной избе с печью (очевидно, оставшейся от становища, которое «у камня»).

Соловецкие монахи считали эти острова языческими, так как здесь сохранились капища саамов, установивших на одной из пологих вершин свои святилища – каменные сеиды. О них-то я и хочу сейчас рассказать.

Немецкий остров системы Кузовов, в уютной бухте которого бросил якорь наш «Помор», назван в память об одном из нашествий шведов в здешние края. Издалека он, остров, чем-то схож со знаменитой Аюдаг – крымский Медведь-горой. Там, у Черного моря, при большой доле фантазии можно представить себе хозяина лесов, вышедшего на берег испить соленой водицы. Здесь же, на Белом море, Немецкий остров сравним с тюленем, выползающим из воды погреться в лучах щедрого на свет, но скупого на тепло северного солнца.

Так вот по спине этого каменного «тюленя» мы и взобрались на его темечко-вершину, достигнув долины сеидов. И как ни готовил я себя к предстоящей встрече с древним святилищем, но внезапно открывшийся вид заставил остановиться, замереть от безотчетного чувства тревоги и восхищения.

Нет, не грандиозностью строений потрясает эта долина, а скорее многочисленностью, даже можно сказать скученностью усеявших ее сеидов. Наверное, и египетские пирамиды лишь сначала восхищают наших современников величиим, а после первого вос-

приятия все же угнетают взор своей бессмысленностью, напрасностью гигантского труда, затраченного на их возведение. Думаю, что по мысли создателей этого святилища долина с хаотично разбросанными по ней сотнями крупных и мелких камней должна была, прежде всего, заставить человека задуматься о бренности своего существования. И не верится, что камни эти смогли столетия простоять на открытом всем ветрам плато...

О сеидах, их культовом предназначении написано немало популярной литературы. Я же, побывав на Кузовах, склоняюсь к одной романтической, что ли, версии. Суть ее в том, что поставленные друг на друга в кажущемся беспорядке камни эти не что иное, как... театр теней. Что приходить в священную долину надо как в театр на вечерний спектакль, когда заходящее солнце тянет от камней четкие длинные тени. И только тогда, как утверждают старожилы, можно увидеть в оживших тенях фантастические фигуры – контуры прошедших столетий.

Не знаю. Может, мне. не повезло, но ничего особенного я в тех тенях увидеть не смог, даже дождавшись заката. А вот вид, который открывается с вершины острова, действительно великолепен: в лучах солнца шелестит – переливается ласковое штилевое море, а в колышущемся мареве, значительно при-

ближающем отдаленные предметы, различимы купола кремля Соловецкого монастыря. Согласимся, хотя бы после празднования тысячелетия крещения Руси, что монахи были рачительными хозяевами, заботившимися не только о материальном, но и о духовном в человеке. И разве той заботой и той смекалкой, с которыми они вплетали в свою хозяйственную деятельность легкокоранимую северную природу, нельзя не восхищаться? Это ли не упрек всем нам, на десятилетия упрятавшим соборные маковки в строительные леса и продолжающим варварски эксплуатировать природные богатства Соловков, выдирая со дна заповедных бухт морскую капусту вместе с налипшими на ее листья икринками морских рыб?

Небезызвестный для историков Севера шведский ученый первой половины XVI века Олаус Магнус, первым нанесший на свою морскую карту Кольский полуостров, сообщал в «Истории северных народов» о Белом море: «...Оно очень длинное и широкое и так богато рыбой, что даже, несмотря на огромное количество рыбаков, которые туда приезжают, оно не может никоим образом быть исчерпано». Где сейчас та рыба и те рыбаки? Да и не только в Белом – в Баренцевом море? За все утро до выхода «Помора» на Соловки лично мне удалось поймать лишь несколько керчаков – этих сорных лупоглазых морских бычков,

годных разве что на корм скоту, да и то в вареном виде...

Однако рассвет торопит. Подняли паруса. Кормщик, прежде чем взяться за правило, поскреб мачту, дразня – вызывая попутный ветер: в море не до шуток – станешь суеверным. И коч пошел – побежал навстречу всплывшему над горизонтом берегу.

Попутный ветер и поднятый на двенадцатиметровой грот-мачте парус, который поморы по праву называли «прямой благодатью», сделали свое дело – мы вошли в фарватер гавани Благополучия. Последние несколько сот метров пришлось попотеть на веслах: отливное течение пыталось отбросить коч от желанной цели. Желанной для нас в тот вечер, хотя уже на вторые и третьи сутки вынужденной стоянки на Соловках, мы будем все чаще посматривать на гонимые полуночником тучи, с надеждой ожидая попутных южных ветров.

Тем летом на Соловках приступила к работе комплексная экспедиция Академии наук СССР, составляя каталог-свод древних памятников Беломорья. 90 тысяч рублей было отпущено ученым для этих целей. Если разобраться, то это мизерная сумма по сравнению с теми средствами, что тратятся ежегодно не для учета и сохранения, а для промышленной эксплуатации природных богатств заповедного архипелага.

Есть в том и доля просто-напросто узколобого мышления отдельных горе-руководителей. Приведу лишь один пример, свидетелем которого был сам.

1 В монастырской гавани Соловецкого кремля

В поселке решили восстановить действовавший когда-то на Соловках водопровод. Для этого вырыли экскаватором канаву и стали выдирать из земли диковинные трубы-бревна. Лишь ученым, прибывшим с нами на остров, удалось прекратить это варварство – трубы-то оказались действительно уникальными. Почти метрового диаметра осиновые стволы были удивительным образом просверлены или прожжены по сердцевине. И служили они монахам, наверное, не одну сотню лет. И еще могли бы послужить при умелом ремонте-реставрации. Во всяком случае, намного дольше, чем современные стальные трубы. Вот вам и Соловки, вот вам и государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник союзного значения...

Но не будем драматизировать случившееся. Как с легкой руки писалось в старые застойные времена, есть на Соловках и положительные примеры. Да и трудно, очень трудно вести затянувшуюся реставрацию кремля при ежедневном наплыве сотен и сотен туристов. Во всяком случае, к концу пятых суток стоянки коча в гавани Благополучия местные экскурсово-

ды уже рассказывали туристам и о нашем «Поморе», включив его в перечень подлежащих показу достопримечательностей, которых здесь немало. Взять те же самые каменные лабиринты, разбросанные по островам и побережью Белого моря. С ними связана одна из загадок появления и исчезновения морских охотников неолита. Что ж, пользуясь вынужденным затишьем в нашем плавании, расскажу о некоторых гипотезах, так или иначе пытающихся объяснить существование каменных «вавилонов», как называют лабиринты поморы.

В одном из наших походов по Беломорью я познакомился с Владимиром Афанасьевичем Евтушенко – краеведом из поселка Полярные Зори Мурманской области. Помню, как впервые подошел ко мне этот невысокий человек с непокорными седоватыми кудрями и, сунув под нос листок с какими-то кругами-схемами, спросил: «Вы знаете, что это такое? Нет? А ведь это чертеж знаменитых каменных лабиринтов: вот здесь начинается „дорожка“, а двойная спираль доведет ее до центра круга и вернет обратно. Понимаете, как все просто? Посмотрите внимательнее... А теперь попробуйте нарисовать схему лабиринта самостоятельно», – Владимир Афанасьевич, перевернув листок чистой стороной, с нескрываемой иронией следил за моими попытками нарисовать нечто похо-

жее на только что виденный чертеж. – «Не получается? И ни у кого не получается с первого раза, потому что надо знать саму идею „дорожки“, до которой люди додумались тысячелетия назад. „Дорожки“ в неолит...»

Лет двадцать назад Евтушенко «заболел» лабиринтами. Увлечение началось случайно: просматривая историческую литературу, в одной из книг он увидел схему Кандалакшского каменного «вавиллона» и добросовестно перенес чертеж в тетрадь. С тех пор Владимир Афанасьевич миллион раз вычерчивал схемы всех известных на Беломорье и в странах Скандинавии лабиринтов и пришел к мысли, что их строители использовали идею исключительного рационализма – стремились выложить из камней непрерывную дорожку на ограниченном участке местности. Зачем? В этом-то и все дело.

– Древний человек всегда делал что-то осмысленное, поддающееся логике. Так? – убеждал меня Евтушенко. – И если сегодня мы не можем найти смысла в его поступках, значит... Значит, первоначальная конструкция лабиринта эпохи неолита до нас дошла в измененном виде. А что может быть разумнее использовать это сооружение в рыбном промысле? Ведь нашли же археологи общее сходство плана лабиринта с устройством «тайников», «убегов» и подобных им

простейших приспособлений для ловли рыбы в полосе отлива, правда, выдвинув предположение о возможном использовании лабиринтов древними рыбаками в магических целях для удачи на промысле. Карельский же краевед Мулло пошел по пути объяснения утилитарно-хозяйственного назначения лабиринтов, считая, что они служили моделями рыболовных ловушек или даже... сами были такими ловушками.

(Надо сказать, что в последние годы наши беседы с Евтушенко, которые так или иначе касались его увлечения, всегда переходили в спор. Причем каждый оставался при своем мнении. Поэтому пусть читатель не удивляется некоторой резкости в отдельных высказываниях.)

– Может, вам, Владимир Афанасьевич, надо было просто-напросто повнимательнее выслушать доводы сторонников теории назначения лабиринтов как культурных сооружений?

– Я изучил точки зрения всех исследователей. При этом исходил из того, что развитие общества связано с совершенствованием орудий труда. Тысячелетия назад люди не знали сетей – и они додумались до лабиринтов... Говорят, что был когда-то «золотой век» изобилия. Неправда! Человеку всегда приходилось кровью и потом добывать свой хлеб насущный.

Да, сама загадочность структуры лабиринтов очень

привлекательна для религии, построения разнообразных мифов, основанных на вере в сверхъестественные силы. Для таких, как вы, Виктор Сергеевич, сторонников культового назначения лабиринтов. Однако мы ведь вместе были на Соловках и видели, что там рядом с древнейшими, истинными лабиринтами выложены даже более поздние «псевдовавилонны» времени Петра Первого...

– А что означает для вас «истинный лабиринт»?

– Я думаю, что он связан с цивилизацией арийцев-индоевропейцев (не путайте с фашистской теорией арийской расы!). Почему в индийских ведах и персидских авестах, дошедших до нас как предания жрецов, говорится, что когда-то прародители арийцев жили у Северного полюса? Почему в них описываются такие явления природы, которые нельзя придумать – например, северные сияния? Так, может, действительно человеческая цивилизация зародилась на Севере? Ведь доказано, что шесть-восемь тысячелетий назад у нас было намного теплее...

– Постойте, Владимир Афанасьевич. Ну а при чем здесь лабиринты?

– Как при чем?! Арийцы ушли через Урал на юг, где не было приливов и отливов и такого множества камней на берегах. Ушли, унося с собой идею «дорожки», которая им больше не понадобилась в практи-

ческих делах. Пришедшие на территорию Северной Европы представители новой цивилизации не смогли сразу понять назначение и идею оставленных лабиринтов.

– И когда, по вашей теории, это произошло?

– Мы знаем, что два тысячелетия назад было великое переселение народов. Если же основываться на датировке самих лабиринтов, то одни считают, что их строили не более трех тысяч лет назад, а Другие – пять тысяч. Очевидно, что надо лабиринты «привязывать» к стоянкам неолитических охотников. И мы – я имею в виду секцию краеведения Северного филиала Географического общества СССР, председателем которой я являюсь, это Делаем. Разработали свою методику и сейчас исследовали все известные лабиринты на Соловецких островах и на Кольском побережье. И доказали, что все древние лабиринты имеют равномерную по ширине «дорожку» в 15–20 сантиметров, ограниченную одной или двумя стенками спиралей, а специальные камни-наполнители регулируют ее ширину и плавность поворотов...

– Извините, Владимир Афанасьевич, но я все равно не понимаю: при чем здесь камни-наполнители и арийцы, индийские веды и «равномерные по ширине „дорожки“»? Вслед за Мулло вы утверждаете, что лабиринты – это схемы рыболовных ловушек или даже

древних нерестилищ. Но ведь надежнее и проще бы эту схему-чертеж выбить на скале, чем выкладывать камнями – на морском мысу. Это первое.

Второе. Почему эти модели дошли до наших дней, а сами ловушки-нерестилища – нет?

Третье. Если настаивать на подобном чисто хозяйственном назначении лабиринтов, значит, рядом с ними должны находиться постоянные стоянки людей времен неолита...

– Отвечу по порядку.

Во-первых, на скале выбить чертеж труднее, чем выложить камешками на берегу. Да и на берегу надежнее – лабиринт представляет собой очень устойчивую конструкцию, в которой ни ветер, ни снег не сдвинут камни с места.

Ваш второй вопрос вообще наивен: доказано, что морская вода никогда не заливала сохранившиеся макеты-лабиринты. А те, настоящие, что использовались для ловли рыбы, находились, естественно, в полосе прилива. И не могли не разрушиться со временем.

Ну а третье... Да, рядом с лабиринтами жили люди. И вы, Виктор Сергеевич, походив по Терскому берегу, знаете об этом лучше меня. Кстати, гипотеза, связывающая северные лабиринты с древнегреческими мифами и, в частности, упоминание кносской

серебряной монеты с изображением схемы лабиринта только подтверждают мою теорию.

– На той монете схема нанесена неправильно – с разорванной «дорожкой», что говорит о чисто механическом перенесении данной схемы и что в античные времена идея «дорожки» уже была утеряна. Хотя суть осталась прежней: выложить на ограниченной площади максимально длинную извилистую дорожку, в которой конец отделен от начала перемычкой. Например, по этому же принципу выложена спираль современной электроплитки...

– То есть вы считаете, что как человек изобрел колесо – точно так же он должен был изобрести и лабиринт?

– Да. И как колесо было необходимо для облегчения труда человека, так и лабиринт использовался в различных операциях по добыванию хлеба насущного. В нашем случае – для ловли рыбы.

Мы говорим: труд создал человека. Но не тем человек отличается от животного, что он умеет трудиться, а тем, что он умеет воспроизводить результаты своего труда. Совершенствуя способы лова рыбы, додумавшись до идеи «дорожки» в лабиринте, человек сделал из ловушки нерестилище.

Вы понимаете, о чем я говорю? Во время прилива в поисках пищи рыба заходила в лабиринт, и древне-

му рыбаку не составляло особого труда собрать улов. Но если в лабиринте убрать перемычку, отделяющую начало «дорожки» от конца, то такая конструкция уже превращалась в искусственное нерестилище... Представляете себе: в круге диаметром около 11 метров такая «дорожка» достигала длины около 180 метров!

– Владимир Афанасьевич, вот мы сейчас с вами беседуем, а я думаю: окажись на моем месте современный рыбак-промысловик, так он и слушать вас не будет, ну какая же рыба и зачем полезет во все эти лабиринты? Семга? Треска? Мурманчане норвежский завод по производству смолта до сих пор смонтировать не могут, о товарном выращивании семги только мечтают – а вы об искусственных нерестилищах эпохи каменного века рассказываете... Да ведь тогда, небось, рыба в реках кишела, да и от дичи проходу не было...

– Вы ошибаетесь. В природе не может быть «перебора» – все и вся находится в оптимальном количестве. И древний человек, как часть природы, очень хорошо понимал и чувствовал это. И все, что брал у реки или моря, он возвращал, переоборудуя лабиринты-ловушки в лабиринты-нерестилища.

– Да, нам бы сегодня так понимать и чувствовать...

– Мне могут возразить: запруди нерестовый ручей и бери рыбу руками. Но не надо думать, что древний человек был чистым прагматиком. Вспомним остров

Пасхи, вспомним знаменитый Стоунхендж в Южной Англии...

– Наверное, наши лабиринты имеют наибольшее сходство с такими сооружениями древности, как кромлехи – культовыми круговыми оградами из огромных камней в Северной Франции и Англии. Автор книги «Соловецкие лабиринты» Виноградов (эта книга была выпущена в 1927 году мизерным тиражом) считает, что «лабиринтами на севере, Европы заканчивается общий стройный ряд мегалитических памятников, начинающихся кромлехам в Бретании и стоунхенджами на юге Англии». И так или иначе исследователи все же говорят о культовом предназначении лабиринтов. А вы упорно твердите о промысле рыбы столь хитроумным способом.

– Конечно, для кого-то все мои рассуждения могут показаться детским лепетом. Как доказать свою правоту? Думаю, надо поставить эксперимент: построить на побережье Белого моря лабиринт и попытаться с его помощью ловить рыбу.

– Вы думаете, это удастся?

– Как бы там ни было, но моя теория снимает шторы загадочности с каменных лабиринтов. А идея «дорожки», этого рыбхода древних людей, должна привести нас не только в неолит, но и к осознанию места сегодняшнего человека в хрупком и ранимом ми-

ре природы...

Мы с вами, уважаемый читатель, еще обязательно поговорим о том, кто и зачем построил каменные лабиринты Беломорья. Времени для этого будет предостаточно – впереди тысячекилометровый путь к Шпицбергену. А пока вернемся вновь на борт коча «Помор», так как ветер переменялся и пора покидать гостеприимные Соловки. Курс на Архангельск, и я перелистну несколько страниц своих дневниковых записей.

«Наконец-то ветер попутный – юго-западный шелоник. Скорость коча около четырех с половиной узлов. Стоять у руля и держать курс по компасу трудно – слишком шибкий ход для нашего судна. Раньше поморы в таких случаях бросали с кормы плавучий якорь: обвязывали бревно с двух концов гасили скорость.

Видимость хорошая. Справа заметен Жижгинский маяк. Значит, проходим Соловецкую салму. К концу вахты открылся Двинской залив.

На следующий день идем голоменно, то есть открытым морем. Моросит мелкий дождь. В старину такую погоду называли кратко – бухмара. Как кашель простуженного кормщика.

Ветер скисает. Неужели правы поморы, говоря: „У шелоника женка красива – к ночи стихнет“? Слева по курсу едва различим Терский берег Кольского полу-

острова.

Ночью повернули к Архангельску. словно по заказу набирает силу побережник, этот северозападный ветер. Мы как перекасти-поле: всегда в пути, пока не зацепимся за надежную бухту.

Скорость около трех узлов. Качки почти нет – это когда упадут паруса да подыметесь зыбь, то муторно становится внутри и вокруг. Ближе к полуночи виден Зимний берег...

На траверзе остров Мудьюг. Вошли в створ фарватера. Волна ржавая, с белыми гребнями. Нам еще повезло – входим в Двину во время прилива. К вечеру на полных парусах подлетели прямо к городской набережной, отшвартовались в архангельском яхт-клубе...»

2. Архангельск – остров Сосновец

Двинская волна слабо плещет о борт «Помора», будто кто там, за деревянной переборкой казенки, сбивает масло из жидких сливок. Неделю мы стоим в Архангельске, мучаясь от нестерпимой жары и, несмотря на добрую поветерь, в очередной раз оттягивая официальный старт нашей экспедиции к Шпицбергену. На то есть свои причины: надо запастись продуктами, дровами, свежей водой, добиться безотказной работы сорокасильного движка «Груманта». Это, как говорится, видимые невооруженным глазом предосторожные хлопоты. Но есть и другие, отнимающие значительно больше времени и сил: оформление загранпаспортов с визами для захода в Норвегию, окончательная комплектация экипажей. Так что дни заполнены в общем-то обычной в таких случаях суетой, и лишь в короткие ночные часы бетонный пирс городского яхт-клуба пустеет. Вот и сейчас ребята ушли отдыхать в гостиницу, бронированную для участников экспедиции спонсорами из «Спутника», а я лежу на нарах в узкой казенке коча и, прислушиваясь к доносящимся из-за переборки звукам, никак не могу

уснуть. Масло, очевидно, ужеросло на брошенный в банку со сливками кусочек черного хлеба, и теперь кто-то невидимый, подготовив себе закуску, начинает разливать в стаканы водку по булькам, – раз-два-три – плещет о борт двинская волна. В такие минуты, когда пройден или подходит к концу определенный жизненный этап и начинается новый, пока неведомый, хорошо думается. Не о пустяках, а о чем-то важном, личном; пережитом.

Мой отец – коренной одессит. В послевоенное время судьба забросила его в Мурманск, связала со старейшим в стране траловым флотом: диплом штурмана дальнего плавания ценился в те годы весьма высоко. Возможность посмотреть мир, промышляя не только в Баренцевом, но и в морях Западной Атлантики, неплохие заработки, а затем семья, квартира, относительное благополучие с расчетом на растущие вместе со стажем северные льготы заставили отца надолго осесть в Заполярье. Но сколько я, по праву считающийся северянином, помню себя – в семье постоянно велись разговоры о необходимости переезда – возвращения в Одессу.

Выйдя на пенсию, отец стал искать варианты обмена жилья. Однако море, которому было отдано тридцать лет жизни, неохотно отпускает от себя ветеранов: вдали от берега оно своенравной хозяйкой

с необычайной легкостью в одночасье расшвыривает жесткой метлой антициклона зазевавшие сейнеры-траулеры, а в городах продолжает мертвой хваткой сжимать сердца старых моряков. И после, казалось бы, желанного переезда, когда уже веришь, что эта крепкая, как мужское рукопожатие, хватка слегка ослабла, сказываются накопленные годами бессонные вахты – и сердце не выдерживает. Так вырастают на далеких причерноморских кладбищах скромные памятники с выбитыми в камне якорями. Места последних стоянок для многих одесситов и херсонцев, чьи имена еще помнят заполярные капитаны, но о чьих делах не знают земляки-южане...

Нет, не только и не столько об отце вспоминаю я в эти минуты: думаю о себе, о своем сыне. Как же это получается в нашей жизни, что всё как-то не находим мы случая поговорить по-хорошему с самым близким человеком? Пока рос, учился в школе – отец ходил в море, появляясь на берегу лишь на короткие, празднично-суматошные сутки междурейсовых стоянок. Отслужил в армии, надумал жениться – и не отцу, а будущей супруге смог высказать переполняющие душу слова благодарности. Родился сын – а отца уже нет... И остался я в родном и одновременно чужом для себя городе один. С годами Мурманск, созданный трудом таких, как отец, людей, у которых была своя

малая родина на юге или в средней полосе России, не становился ближе. По счастливой случайности судьба забросила однажды на Терский берег, подарила встречу с Беломорьем, откуда есть пошла вся Кольская земля. И жизнь стала осмысленнее, появились корни – пусть не по крови, а по нутряной тяге – тоске к этому краю. Мало, наверное, для человека иметь лишь штамп о прописке в паспорте. Нужна и есенинская березка под окном не абстрактного, а знакомого до боли родного дома. Дома эти еще сохранились у нас по побережьям – большей частью заколоченные в забытых беломорских селах.

А Архангельск, этот город-символ досельной поморской славы? Так вот, оказывается, в чем кроется сила архангелогородцев, притяжение этого города: здесь почти нет временщиков, здесь без излишних потуг помнят свое прошлое, ведут отсчет поколений от дедов и прадедов.

В Архангельске я позвонил Ксении Петровне Гемп, спросил разрешения встретиться с ней. Удивительный человек эта девяносточетырехлетняя женщина! Неунывающая, с цепкой памятью и энциклопедическими знаниями. Вся какая-то светлая, приподнятая, хотя по квартире ходит с костылями – годы...

И рассказала Ксения Петровна о своих встречах с легендарными теперь уже полярными исследовате-

лями Георгием Седовым и Владимиром Русановым. О взаимоотношениях этих двух отважных мореходов, о том, какого цвета были глаза у Седова: если спокоен – серые, а когда злится – зеленые. Рассказала о том, как хлопотала она, чтобы повысили пенсию вдове Седова, получавшей 18 рублей в месяц. А ей уже в наши, шестидесятые годы, один чиновник от власти говорит: «А кто такой этот ваш Седов и при чем здесь его вдова?» «А я ему отвечаю, – волнуясь, вспоминает Ксения Петровна. – Георгий Яковлевич был таким человеком, каким вы никогда не станете...»

О многом – вечном и сиюминутном – заставит вспомнить двинская волна в короткие часы ночных раздумий. Надо только научиться слушать ее бесхитростное повествование и не пытаться отделить будни от праздников: горький пьяница и сбивающая масло хозяйка равны перед струящейся водой жизни, в которую, как известно, не войдешь дважды. Как ни старайся.

В один из дней стоянки архангелогородские комсомольцы помо ли организовать для нашей экспедиции экскурсию в Малые Корелы – этот своеобразный музей деревянного зодчества под открытым небом. Ярких впечатлений, правда, он не оставил. Как-то уж слишком мертво выглядят собранные в одном месте сбору по сосенке старые дома и мельницы. Уж если со-

хранять, то сохранять их надо, на мой взгляд, в живых еще поморских деревнях. Потому что как человек без Родины, так и эти дома – сироты на новом месте при всем кажущемся благополучии. Так, наверное, выглядел бы и наш коч где-нибудь у черноморского побережья. Ведь вся конструкция судна от шпангоутов–«опруги» до бушприта-«накозыи» выверена веками и как костюм хорошим портным подогнана к походам по Беломорью, а не по южным морям...

Поначалу старт экспедиции был намечен на 25 июня – сразу после празднования Дня города. Заранее, еще зимой, мы сговорились с местными властями принять участие в костюмированном шоу, когда на Красную набережную стекутся тысячи архангелогородцев. И вот этот день настал: на борт коча вступили вельможи петровской эпохи – в париках, камзолах, старомодных сапогах-ботфортах. Входя в роль, артисты вальяжно расположились на корме, а мы тем временем отдавали швартовы, поднимали паруса, готовясь к короткому переходу. И не ударили в грязь лицом: первым к запруженному людьми причалу подошел «Груммант», вслед за ним наш «Помор». И пока на набережной пел и плясал праздник, палубы лодьи и коча прогибались под каблуками сотен любопытствующих горожан. Мужчины со знанием дела проверяли на прочность рабочий такелаж парусов, женщины

приподнимали крышки люков, пытаясь заглянуть во внутрь, а детишки все норовили взобраться на борт и пройтись по узкому деревянному планширю... Во всяком случае, после этого пришлось трое суток драить палубу, чтобы привести ее в надлежащий вид. Праздник удался – не удалось выйти в море. Мы ждали норвежцев.

Экспедиция задумывалась как советско-норвежская, ведь в освоении Арктики именно нам и норвежцам отводится особая роль. И не случайно современный Шпицберген имеет два исторических названия: они именуют его Свальбардом, мы – Грумантом. Так что представители именно двух стран, составив единую экспедицию, должны были как бы вновь открыть эту суровую землю, с давних пор известную их предкам – рыбакам, промышленникам, купцам. И тем самым еще раз подтвердить обоюдное желание крепить мир и добрососедство, доверие и дружбу между народами арктического региона. Но... Ох как часто это «но» встает на пути всякой инициативы, мало-мальски выходящей за привычные рамки международных контактов!

По весне центральные газеты обошла тассовская байка под названием «Лодья для Сенкевича». Действительно, всем известный Юрий Александрович согласился стать руководителем нашего похода, но в по-

следний момент, вступив на покачнувшийся на волне борт лоды, изменил свое решение, сославшись на объективные причины. Что ж, дело хозяйское. Лично я не представляю себе популярного ведущего «Клуба путешественников» стоящим в рокане у румпеля или убирающим паруса на уходящей из-под ног скользкой палубе. А пассажиры для нас слишком большая роскошь. Но мы надеялись на помощь Юрия Александровича, на его имя, известное далеко за пределами страны. Да и кому, как не другу норвежца Тура Хейердала, возглавить наш поход?

Так или иначе, но удалось выйти на скандинавскую общественную организацию «Общее будущее», чей девиз «Мир, окружающая среда, развитие». Норвежцы поставили три условия: они идут весь маршрут, начиная от Петрозаводска; в экспедиции участвует их кинооператор с правом в дальнейшем самостоятельно использовать отснятый материал; в случае благополучного достижения Шпицбергена экспедиция финиширует не в Мурманске, а в одном из городов материковой Норвегии... Мы, конечно же, согласились, хотя при оформлении виз пришлось безоговорочно вычеркнуть первый пункт данных условий. И вот теперь, откладывая выход в море, все же ждали в Архангельске «своих» норвежцев. Как оказалось, напрасно. Почему? Этот вопрос остался для нас загадкой, так как

все необходимые документы для старта именно международной экспедиции были оформлены. Хотя в какой-то мере ответ был получен на пресс-конференции в Архангельском горисполкоме, организованной для советских и норвежских журналистов.

Первый же вопрос, заданный скандинавами, звучал так: «Не собираетесь ли вы своим переходом доказать приоритет русских людей в открытии Шпицбергена?» Честно сказать, такую цель никто перед нами не ставил. Нынешнее международно-правовое положение ледового архипелага определено договором, подписанным в Париже в 1920 году представителями США, Великобритании, Франции, Италии, Японии, Норвегии, Нидерландов, Дании и Швеции. Эти государства согласились признать суверенитет Норвегии над Шпицбергом, а Советский Союз впоследствии присоединился к этому Парижскому договору. И никто не собирался влезать в большую политику – спонсоры экспедиции преследовали свои задачи, мы же просто-напросто хотели как можно быстрее выйти в море, поставить паруса, полной грудью вдохнуть свежего соленого ветра.

Кстати, несколько слов о спонсорах. 43 тысячи рублей вложило в переход Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ, 9 тысяч – Научно-исследовательский институт культуры Мини-

стерства культуры РСФСР, 2 тысячи – журнал «Вокруг света». Спасибо им – без спонсоров подобную экспедицию не поднять. И значительная часть этих денег ушла на постройку судна сопровождения – лодьи «Грумант». Мы были научены горьким опытом предыдущих плаваний и знали, что в критических ситуациях, когда не могут помочь ни парус, ни весла, пусть слабосильный, но движок «Груманта» крайне необходим.

Помню, как в прошлом году мы трижды на «Поморе» пытались пройти беломорское Горло – и трижды встречные северные ветры играючи отбрасывали коч назад, в море. Упрямый и злой норд-ост заставлял менять курс, уходить – прятаться за скалистым Зимним берегом Двинской губы. Это ли не обидно? И как здесь не вспомнить многовековой опыт поморов, записавших в своих книгах-лоциях такие слова: «Весною и летом наибольшую непогоду в Белом море разводит ветер-полуночник. Из океана ударит в горловицу, что в трубу, вырвется, катит взводень...» Но одно дело читать эти строки в тиши городских библиотек, и совсем другое – испытать на себе превратности плавания, когда под ногами тонкая дощатая палуба двенадцатиметрового коча, а не стальной корпус современного судна с загнанными во внутрь тысячами «лошадьми» послушного воле человека дизеля. Ко-

гда над головой не освещенные электрическим светом надежные переборки каюты, а лишь постанывающая, испытываемая на прочность мачта со звенящим от натуги парусом. И это еще полбеды: при очередной попытке пробиться на коче в Баренцево море волной вырвало и унесло перо руля – вот когда положение действительно было крайне сложным. Однако отданный во власть ветров и течений, перехлестываемый с борта на борт, наш «Помор» все же выдержал натиск стихии, полностью доказав преимущества своей конструкции. Без кия, при всего метровой осадке яйцевидная форма коча позволила ему, скользя и крутясь между гребнями волн, удержаться на плаву...

Итак, в ночь с 1 на 2 июля после недолгого осмотра и заполнения участниками экспедиции таможенных деклараций за кормой «Помора» остался Чижовский рейд архангельского пригорода Экономия. Както вдруг ливанул крупный сильный дождь, засверкали молнии. Но никто не ушел в кубрик: возбужденные и радостные, мы в суматохе убрали оставленные на палубе вещи, укрывали брезентом лодку-кижанку, сшитую для клуба онежскими мастерами, прятали в трюм припасенные заранее дрова. Надо сказать, что не только сам коч, но и его внутреннее обустройство по мере возможности соответствуют поморским меркам. Мы не стали устанавливать в кухарне плиту с га-

зовым баллоном, а для приготовления пищи и обогрева пользовались печкой. Отказались бы и от консервов с концентратами, но в наше время намного труднее вместо этих тоже дефицитных продуктов достать хоть пару бочек моченой морошки и ящик-другой вяленой дичи. Впрочем, поморы делали запасы, охотясь и рыбача в ходе самого плавания. Но попробуй сейчас пострелять или поставить сети в Канда-лакшском заповеднике...

2 Коч «Помор»– проход на веслах в узкости между островами

Как и начался, ливень внезапно кончился. Если верить приметам, то дождь в начале пути сулит добрую дорогу. Дай-то Бог, ведь теперь надеяться можно лишь на везение и попутный ветер. А ими, как известно, заведует небесная канцелярия, которая пока что к нам благосклонна. И мы при каждом удобном случае пытаемся поддерживать с ней хорошие отношения. В общем кубрике висит иконка Николая угодника – дар петрозаводского епископа Мануила, освятившего впервые спущенную на воду лодью «Грумант» и благословившего всех мореходов. На радость собравшихся на морском вокзале зевак церковнослужители прошлись с кадилом по палубе, окропили суда святой водой, стараясь обязательно тряхнуть метелочкой на лица и нацеленные объективы фото-кинооператоров...

Есть иконка Божьей матери и во втором жилом помещении коча – казенке, предназначенной для капитана-кормщика и его помощника – штурмана экспедиции московского журналиста Галенко. Но бывалому моряку-североморцу не оформили визу для захода в Норвегию, что, кстати, крайне возмутило всех

нас – и освободившееся в Архангельске «командирское» место занял я: не по должности в судовой роли, а по желанию капитана коча и председателя клуба «Полярный Одиссей» Виктора Дмитриева, с которым нас связывает многолетняя дружба. Занял с удовольствием, так как казенка комфортабельнее, если можно так сказать о тесном пенале с двумя дощатыми нарами-банками. Преимущество в одном – есть возможность регулярно вести дневник, ловя свет из узкого кормового оконца в изголовье. Надеюсь, что товарищи по экипажу после прочтения моих путевых заметок простят автору этих строк и матросу коча «Помор» такую маленькую слабость.

Кстати, назову тех, кто вышел в плавание на «Поморе». Это Александр Скворцов – заместитель начальника экспедиции по науке, сотрудник НИИ культуры Министерства культуры РСФСР; Владимир Королев – краевед из Сыктывкара, ходивший много лет капитаном тральщика по Печоре; петрозаводчанин Юрий Колышков – боцман коча, профессиональный шофер; Владимир Панков – матрос, преподаватель Мурманского высшего инженерного морского училища; Владимир Вешняков – кок, кинооператор Архангельской студии телевидения. И, конечно, работник карельского клуба юных моряков кормщик Виктор Дмитриев, возглавивший экспедицию.

Все члены экипажа, за исключением отлично вписавшегося затем в команду Вешнякова, знали Друг друга и раньше. До этого дважды коч выходил на морской простор. Первый раз, поставив перед собой сверхзадачу – достичь легендарной Мангазеи в русле Оби, экспедиция из-за сложной ледовой обстановки в море и распрей внутри команды, не выдержавшей моральных и физических нагрузок, закончилась на полпути. В 1988 году, практически обновив состав современных кочманов (извините за неологизм, но как еще назвать плывущих на старинном коче людей?), мы планировали дойти до Мурманска. И вновь неудача – после трех безуспешных попыток пересечь беломорское Горло повернули назад. Но за это время успели сдружиться, «притереться» друг к другу. Так что костяк экипажа сохранился, а это, согласитесь, немало важно. Особенно если учесть, что перед началом экспедиции предусмотрительные спонсоры из «Спутника» любезно попросили каждого расписаться под необычной «грамоткой». Из ее текста следовало, что я, имярек, прошу в случае чего никого не винить... мол, иду в экспедицию добровольно, находясь в здравом уме и твердой памяти... И мы расписались, не забыв перед выходом из Архангельска поставить свечку в местной церкви. А что оставалось делать после подобных «грамоток»?

...В первую ночь на буксире у «Груманта» прошли остров Мудьюг, на траверзе мыс Инцы Зимнего берега. Волнение небольшое, ветер попутный, слишком «многолюдный» фарватер двинского русла позади – можно ставить паруса. Для начала подняли фок, и качка заметно уменьшилась, парус заработал, потянул яйцевидный корпус вперед. Румпель приятно подрагивает в руке, словно приложил ладонь к крупу породистого скакуна. Хотя со скакуном «Помор» сравнивать трудно – в предыдущих походах он развивал максимальную скорость до семи узлов. Так ведь не для состязаний гоночных строили наши предки эти суда, а для плавания в ледовых морях, где в первую очередь нужны не скорость, а надежность конструкции и простота управления. И пусть на прямых парусах не пойдешь против ветра – значит, надо знать четкие сроки выхода в плавание, чтобы оседлать попутный обедник и бежать на северо-запад или поймать полуденник для северного хода. Не за год-другой постигал древний мореход и знания морских течений. Иной раз падет ветер с горы, а навстречу ему приливная волна – столкнутся, схватятся промеж собой силы подводные и небесные, застучат по кораблю злым и жестким сувоем – уж лучше отстояться – пожировать в укромной бухте, чем плыть таким морем...

По радиостанции «Причал» с идущей впереди

лоды сообщают о курьезном случае: попробовали определить координаты по навигационному бую «Сарсат-Коспар» (на борту «Груманта» находятся два радиста Петр Стрезев и Василий Заушицин – опытные коротковолновики, не раз работавшие в международных экспедициях Шпаро), так американский спутник дает незначительное отклонение к западу, а советский вообще указывает на наземную точку, будто мы не на кораблях идем, а на оленях скачем по берегу...

«Собачья вахта» – с 0 до 4 часов утра – по традиции, заведенной на коче, у капитана. Значит, и у меня. Стоим по двое – всего три вахты, а кок работает по индивидуальному графику. Такой экипаж из семи человек для коча минимальный:

при управлении двумя парусами – фоком и гротом, общая площадь которых 80 квадратных метров – приходится звать на подмогу подвахту. Всего же на «Поморе» можно разместить 12 человек – для дюжины кочманов есть и спальные места, и спасжилеты;

На второй день пути, ближе к полуночи, задул устойчивый норд. Теперь вся надежда на сорокасельный движок «Груманта», который упрямо держит курс на север. Все ребята отдыхают, на палубе мы с Дмитриевым. Обсуждаем варианты: если не сумеем пройти беломорское Горло, то остается одно из двух – или

возвращаться к Зимнему архангельскому берегу, к Канину мысу, или бежать на юг до острова Сосновец, а может до Умбы, так как по Терскому берегу надежных укрытий нет.

Северный ветер крепчает, заходит на норд-ост, заставляет держаться носом на волну. Идем милях в двенадцати от берега: ближе подходить опасно, а вдруг повернет «роза ветров», бросит суда на скалы? Трудяга «Грумант» практически стоит на месте, зря жжет топливо, борясь с катящимися из морской горловины длинными, с белыми гребнями, волнами. Объявляем общий аврал.

...Облачившись в роканы, ребята занимают свои места на палубе. Отпущены шкоты, чтобы враз, обрубив буксир, поднять паруса. Кормщик до упора оттягивает румпель в сторону – начали! Волна, чуть замешкавшись, раз-другой запоздало перехлестывает через борт. Но уже поднатужился поднятый на двенадцатиметровую высоту грот, взвился фок. И словно почувствовав шпоры опытного наездника, наш «Помор», сделав разворот, набирает скорость. Волны, шипя, гаснут за кормой, белой пеной изливают по бортам свою бессильную ярость, мерно прокатываясь под днищем коча. Курс на Сосновец...

К утру добежали, а что толку? Между пологим берегом и островом мелководье. С трудом выбрали ме-

сто поглубже, бросили якорь, вытравив весь конец, но все равно сносит ветром на берег. С помощью «Груманта» вручную выбираем якорь и вновь раз за разом пытаемся найти на дне бухты хоть какую-то зацепку. Кажется, удалось...

Что ж, начало скверное. За первые полутора суток похода лодья израсходовала четверть всего запаса топлива, а экспедиция отброшена от желанной цели миль на сорок. Неужели придется возвращаться в Архангельск? Впереди просторы Белого, Баренцева, Норвежского и Гренландского морей. Мы же стоим на якоре и подсчитываем первые потери: при вынужденном бегстве к Сосновцу не успели поднять на борт лодку-кижанку, и ее волной бросило на корму, разбив оконце в казенке. Неисправным оказался построенный по старинным чертежам и установленный на баке деревянный ворот коча – пришлось при критическом сносе судна на берег выбирать якорь вручную. Кок «Помора» Владимир Вешняков, пытаясь согреть усталую команду горячим чаем, обварил себе руку кипятком...

Сквозь пазы дощатой палубы кое-где проступает вода – сыро и холодно внутри и вокруг. Да, упустили мы добрую поветерь, простояв в Архангельске лишнюю неделю и изнывая от одуряющей жары. Для меня эта небывалая в конце июня жара запомнилась

неприятным вкусом теплого и липкого «Тархуна», которым нас угощали соседи по яхт-клубу, разместившиеся на пассажирском пароходе-гостинице участницы Мезенского поморского хора. По утрам они репетировали на бетонном пирсе, а днем выезжали выступать с концертами. Поначалу бойкие селянки, невзирая на жару, разминались в полной амуниции – длинных глухих красно-синих костюмах и с высокими кокошниками на головах. А под конец, освоившись с городской жизнью и не устояв под жгучими лучами солнца, скинули с себя потные балахоны. И тогда наши кочманы могли бесплатно присутствовать на необычных представлениях, наблюдая, как под игривую запевку «А как Ваня приглашал к себе Дуняшу кочевать» мезенки в купальниках водили хороводы. Сейчас бы хоть полчаса посушиться – погреться под тем солнцем...

И пока мы ждем погоду, в самый раз вспомнить рассуждения заполярного краеведа Владимира Афанасьевича Евтушенко о тайне каменных лабиринтов, продолжить рассказ о гипотезе московского писателя и археолога Андрея Леонидовича Никитина о существовании загадочного морского народа Беломорья. Тем более что, насколько хватает глаз, тянется за бортом пологий Терский берег, по которому мне посчастливилось совершить однажды увлекательный

поход во времени и в пространстве вместе с Никитиным. Иной раз, склонившись над россыпями колото-го кварца у очага первобытных охотников, или осторожно переступая через камни лабиринта, или шагая по плоским плитам песчаника среди древних захоронений, или просто отсчитывая километры по отливу, подставив лицо солнечному ветру, мне казалось, что за новым поворотом откроется не очередная морская губа с покосившейся тоневой избушкой, а распахнется тысячелетней давности лукоморье, где на приливной волне покачиваются байдары времен неолита...

Строители лабиринтов

1. Умбский «вавилон»

О каменных лабиринтах Беломорья, этих удивительных сооружениях, назначение которых до сих пор не разгадано наукой, написано так много, что мне стыдно повторяться. Как и стыдно признаться в том что в свое время за целый год жизни в Умбе я ни разу не побывал у близлежащего лабиринта, хотя порой и выезжал подергать трески в Островскую губу, огибая выступающий в море крутой каменный мыс. Но на этот раз дора Умбского рыбозавода уверенно взяла курс в небольшой залив, где и пришлось бросить якорь, добираясь до берега на лодке.

По рассказам старожиллов, байкам очевидцев я ожидал увидеть менее впечатляющую картину. Конечно, это было не внушительное сооружение из каменных глыб, а просто выложенные из крупной гальки круги. И все же явно «прочитывалась» характерная двойная спираль довольно-таки приличных размеров. Кое-где она была скрыта моховой подушкой, пряталась в пористой корке лишайника, покрывшей за тысячелетия камни и открытую площадку морской

скалы.

Удивительным контрастом могла служить нижняя часть одного из поднятых нами камней – чистая, сохранившая бледно-розовый рисунок гальки. Вот, пожалуй, и все, что может увидеть на этом мысу дилетант. Разве что вспомнить еще легенды и предания различных народов, на чьей территории встречаются подобные лабиринты. Так, в Англии и Ирландии считали, что на них при лунном свете танцуют эльфы и феи, которые увлекают к себе, под землю, неосторожного свидетеля плясок обещанием вечной молодости, бессмертия и сказочных богатств. В горной Норвегии, где лабиринты лежат в глубине фьордов, люди полагали, что их создатели – зловредные йотуны, этакие ледяные великаны. А народ Швеции считал, что каменные спирали отмечают входы в подземные дворцы карликов-двергов, владеющих всеми секретами кузнечного ремесла, а потому оружие, которое они выковывали героям саг, делало их владельцев непобедимыми...

Совсем иную картину исследователь встречает в Карелии и на Беломорье. Ничего таинственного и волшебного, по мнению поморов, в лабиринтах нет. Ну а к каким все-таки выводам пришли ученые?

– Археолог, привыкший к тому, что определенный вид памятника связан со столь же определенным на-

родом, который его оставил, при взгляде на лабиринты невольно останавливается в недоумении. Огромные расстояния, ничем не связанные территории не позволяли принять тот единственно возможный вывод, что каменные спирали выложены руками одного народа...

(Я слушаю Андрея Никитина и не устаю поражаться стройности его системы доказательств.)

– Что же это был за народ, столь многочисленный, освоивший огромные морские пространства, в которых должен ориентироваться по звездам? Куда он исчез? Где искать его корни? Наконец, когда именно происходило строительство лабиринтов? И для чего их создавали?

Собственно говоря, все, что высказывали по этому поводу ученые, можно свести к двум точкам зрения, попеременно преобладающим в науке: «реалистической», или бытовой, и «магической», сакральной. Первая предполагает, что лабиринты являются моделью рыболовных ловушек, которые сооружались на морском дне, обнажаемом отливом. Спирали, выложенные из камней, служили основанием для шестов, переплетенных еловыми или ивовыми прутьями. Логика в таком предположении есть, но только семга в подобную ловушку вряд ли зайдет. Да и зачем нужны столь громоздкие сооружения? Давайте подни-

мемся на мыс, осмотрим противоположную лагуну.

Предложение Никитина было принято и через несколько минут мы стояли у края обрыва, откуда открывался вид на низкий и ровный берег с сосновым бором и узкой полоской пляжа. Отлив уже достиг своего максимума, обнажив широкую полосу песчаного дна, посередине которой параллельно берегу шел своеобразный желоб, «труба», как называют его рыбаки, оставшийся заполненным водой. Именно он и был причиной богатых уловов на этом тоневом участке. Ведь идущая морем рыба не просто прижималась здесь к берегу, скользила над песчаной отмелью. Ее путь проходил по этой самой «трубе», которую перегораживали неводами. Столь идеальное для ловли семги место действительно, как мы убедились позже, было единственным на всем протяжении Терского берега. Не потому ли его отметили когда-то знаком лабиринта?

– Однако это не так, – продолжил рассказ Никитин. – Почему тогда на Соловецких островах в одном месте расположены сразу несколько одинаковых гигантских лабиринтов? Дело в том, что каменные спирали следует рассматривать в комплексе не с материальной культурой обитателей древнего Беломорья, не в одном ряду с каменными скребками и очагами, остатками жилищ, охотничьими и рыболовными ло-

вушками, а в комплексе культуры духовной.

Все дальнейшие исследования убедили меня, что лабиринты служили входами, в подземное царство мертвых, о чем, кстати сказать, недвусмысленно напоминают связанные с ними легенды. Феи, эльфы, дверги, йоуны – все они были выходцами «с того света», куда завлекали неосторожных путников или искаателей приключений.

(На мой взгляд, сила доказательства Никитина в том, что он пытается смотреть на все Беломорье в целом, старается решить его загадки во взаимосвязи всей истории человека на протяжении чуть ли не десятков тысячелетий.)

– Классический тип лабиринта мы находим на древнегреческой монете с острова Крит, где легендарный лабиринт царя Миноса, который на самом деле состоял из переплетений многочисленных залов, переходов, дверей и лестниц, представлен точно таким, как этот, под Умбой. А почему, собственно, критский лабиринт, о котором рассказывает древнегреческий миф, не мог быть именно таким? Для жертвоприношений требуется жертвенник, алтарь, стоящий в храме, но никак не здание-лабиринт. И алтарь этот находился не во дворце, а в подземелье, как о том повествует древний миф. Он вполне мог оказаться примитивной двойной каменной спиралью, которая у са-

мых различных народов земного шара символизировала Солнце. И художник, вырезавший штампель для древнегреческой монеты, знал гораздо больше, чем сообщал слушателям распространенный миф о Тезее и Минотавре...

(Итак, лабиринты – это алтари Солнца, единственного действительного божества северных народов, которое дарило жизнь всему существу на Земле? Но кто же все-таки был их строителем?)

– Единство лабиринтов заставляет предполагать, что это памятники одного и того же народа. Поскольку наибольшее количество лабиринтов находится на Соловецких островах, то, вероятно, именно оттуда шло расселение, а если не расселение, то шли плавания строителей лабиринтов. Плавания, которые распространяли границы известной им Ойкумены все дальше, и в конце концов мир для древних мореходов расширился настолько, что они уже не вернулись назад. Почему? Мне думается, что главной причиной явилось резкое похолодание, изменение климата, которое мы наблюдаем во второй половине второго – начале первого тысячелетия до нашей эры. Белое море стало замерзать. Морскому народу пришлось держаться севера Кольского полуострова, омываемого теплым Гольфстримом. А когда Беломорье стало полностью покрываться льдом, они ушли еще дальше.

Возможно, стали шотландцами, смешались с населением северных датских островов... Тут остается только гадать.

Каким-то отражением этих скитаний, вероятно, остались воспоминания об «островах блаженных» на далеком севере, которые дошли до нас в эпосе кельтов Уэльса. Эти «острова блаженных», где обитают души умерших, очень похожи на наши Соловецкие острова...

– Андрей Леонидович, ну а откуда пришел, где сформировался этот морской народ Беломорья? Есть ли еще следы его обитания?

– Да. Это прежде всего два древних поселения на мысе Востра под Чапомой, а также древнейшие могильники, которые удалось недавно обнаружить у мыса Корабль, напротив тони Великие Юрики...

2. Мыс Востра

– Прошу ступать осторожно, дабы не повредить очаги, не сдвинуть с места камни...

По этому строгому предупреждению можно было понять, что сейчас рядом со мной уже не Никитин-писатель, а Никитин-археолог. Причем профессиональный. Его слова были не лишними: впереди на десятки метров протянулся береговой бар, Разделенный рус-

лом пересохшего ручья. На каждом Шагу попадались выложенные из обожженных камней очаги, порой четкие, словно вдавленные в песок остатки мостовой – большие и маленькие круги, обозначавшие границу раскинутых над ними тысячелетия назад жилищ первобытных людей.

Наклонившись, Андрей Леонидович ощупал, взглядом песок.

– Смотрите: вот наконечник гарпуна. А это обломок ножа, сделанный из черного роговика. Камень стал слоиться, и его, очевидно, бросили за ненужностью...

С трепетом поднял я сколотую под тупым углом каменную пластину, которая, казалось, еще хранила тепло чьих-то рук. Нож привычно и удобно уместился в ладони. Пожалуй, им еще можно было бы, хотя и с трудом, распластать крупную рыбу, а если подточить, то и освежевать тюленя.

– Разбросанные здесь колотый кварц и горный хрусталь – не что иное, как древние резцы и отбойники, скребки и ядрища, – словно угадав мои мысли, сказал Никитин. – По этим признакам мы стоим на типичной северной стоянке людей, строивших свою индустрию на кварцевой культуре и на кости.

Определив для себя цель поиска, вскоре и я заметил выступающий из песка характерный камен-

ный предмет. Им оказалась заготовка для топора или большого гарпуна, выполненная из серого шифера. Среди мелких жальцев гарпунов удалось обнаружить одно столь совершенное, что, уверен, любой сегодняшней мальчишка с удовольствием приспособил бы его наконечником к самодельной стреле...

Так в чем же уникальность стоянки Востра близ села Чапома? Почему именно сюда вновь через 16 лет после ее открытия вернулся уже не Никитин-археолог, а Никитин-писатель, пытающийся понять и связать воедино не поддающиеся пока объяснению каменные лабиринты Беломорья и петроглифы Онежского озера, наскальные изображения в низовьях реки Выг и загадочные могильники, о которых еще пойдет речь в этих заметках?

– Отличие данной стоянки от остальных в том, что здесь жили не протосаамы, а охотники на морского зверя, – рассказывает Никитин. – Похоже, что в целом на побережье Кольского полуострова мы находим остатки по меньшей мере двух народов, так как наконечники копий и гарпунов, таких, как на мысе Востра, пока нигде не обнаружены.

Во-первых, эти стоянки ближе к морю. Во-вторых, количество очагов во много раз больше, чем на месте одного сезонного поселения охотников-оленоводов. Здесь их около семидесяти. То есть на мысе оби-

тала мощная группа людей, которая могла не бояться нападения чужаков. В-третьих, близость Горла Белого моря...

Тем временем мы поднялись на следующую, более высокую морскую террасу, откуда в обе стороны открывалось широкое лукоморье. Море дышало, и в белесом дневном мареве вода сливалась с небом, оставив линию горизонта где-то там, за пределом морского простора. Позади были длинные, трудные, но отнюдь не утомительные сутки пешего перехода, когда, спасаясь от гнуса, приходилось вышагивать километры по куйпоге, надеясь на чуть заметный встречный ветерок. Сюда же из тундры выбегали дикие олени: гордые быки и осторожные важенки с телятами уходили за сотни метров от берега и взбивали копытами соленую пыль прибоя... Так было, наверное, и сто, и двести, и тысячу лет назад. Но кем были те, кто в далекие времена вот так же любовались широким простором, стоя на берегу? Ответ на этот вопрос и искал А. Л. Никитин в своих археологических экспедициях, подобных походах по Беломорью, которые давали толчок к различным гипотезам, находящим свое отражение в писательской работе. О своих догадках он рассказывал мне короткими июльскими ночами на тоневах избушках под неумолчный шум ворочающегося за окном моря. Попробую пересказать услышан-

ное.

Архангельский археолог А. А. Куратов, давний друг Никитина, произвел однажды разборку одной из каменных куч в кольце лабиринтов на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага. Примерно на глубине полуметра от поверхности археолог обнаружил темное пятно: немного песка, пронизанного тленом, как бы от давно сгнившего дерева, мелкие угольки и кусочек обожженной кости.

Кость оказалась человеческой. А вместе с ней лежали куски колотого кварца, совсем такие же, как на стойбищах неолитических охотников и оленеводов Терского берега. Получалось, что каменные кучи, а стало быть, и лабиринты создавали люди, пользовавшиеся кварцевыми орудиями, то есть приплывавшие на Соловецкие острова с Карельского или Терского побережий Белого моря. Люди эти должны были быть «морским народом», не боявшимся пускаться в далекие и опасные плавания. Предки саамов, обитатели летних стойбищ Терского берега, не были мореходами и не занимались сколько-нибудь активным промыслом на море. Единственно, кто действительно мог претендовать на эту роль, были загадочные обитатели стоянки Востра – первого доисторического поселения, открытого Никитиным.

– Еще раньше меня поразило на нем обязательное

присутствие на земле возле каждого очага от одного до трех наконечников гарпунов, сделанных из сизоватого шифера или роговика, – рассказывает Андрей Леонидович. – Точнее, то были не сами наконечники, а их каменные жальца, которыми оснащались наконечники поворотных гарпунов, совершенно необходимых для охоты на зверя в открытом море. Это было, пожалуй, одно из самых больших открытий, сделанных нашей экспедицией. Почему? Потому что поворотный гарпун произвел, если можно так сказать, революцию в промысле морского зверя.

В эпоху палеолита гарпуны, которые дошли до нас, имели костяной наконечник, который крепился намертво к деревянному древку. Таким образом, каждый раз для поражения морского зверя требовалось несколько гарпунов. Больше того, они часто ломались. А поворотный гарпун позволяет оснащать себя последовательно любым количеством наконечников, которые остаются в теле зверя. Собственно говоря, именно такой гарпун и применяется до сих пор в китобойном промысле, только теперь пушка выстреливает не гарпуном, а его наконечником...

Так вот, на мысе Востра мы находим жальца поворотных костяных гарпунов, которые относятся, по моим подсчетам, где-то ко второму, а может, восходят и к третьему тысячелетию до нашей эры. Судя по все-

му, они одновременны с наскальными изображениями в Карелии, в районе реки Выг. Там очень много рисунков, связанных с охотой на морского зверя. Можно видеть изображения нерп, белух, в которых сидящие или стоящие в лодках охотники метают гарпуны.

На всех без исключения «каменных полотнах» один и тот же определенный тип судна с высоко поднятым форштевнем, с выступающим снизу наподобие тарана килем, предохраняющим судно от внезапного удара о камень. Суда легкие, широкие, маневренные, с высокими бортами, не боящимися морской волны. И представлены они двумя видами. Первый – большие суда, предназначенные, как можно думать, для дальних морских путешествий или охотничьих экспедиций. На них можно насчитать от 16 до 24 человек команды, и в этой повторяемости уже чувствуется определенная стандартизация. Второй вид – собственно промысловые суда, которые, как правило, несут на себе экипаж из трех, реже из двух или одного человека. И это особенно интересно, потому что на память сразу же приходят каменные очаги на мысе Востра, вокруг которых мы неизменно находим один, два, но, как правило, именно три жальца от наконечников гарпунов!

Кстати, открытие поворотного гарпуна приписывалось берингоморским эскимосам и относилось где-то к концу первого тысячелетия до нашей эры. Теперь

же можно сказать, что на Белом море подобный гарпун был известен по крайней мере на две тысячи лет раньше.

Итак, каждый из очагов стоянки Востра можно достаточно надежно связать с экипажем одной промысловой байдары, изображенной на скалах Выга. А это позволяет уже прямо отождествлять обитателей сезонного стойбища морских охотников на Терском берегу с художниками, изображавшими их морской быт на скалах Карелии.

Сезонный поселок на мысе Востра существовал долго, только так могло накопиться вокруг очагов столь большое количество потерянных или выброшенных предметов. А вот погиб он в одночасье и скорее всего от какой-то эпидемии или стихийного бедствия. Ведь у очагов остались лежать гарпуны и прочие предметы – ножи, топоры, шлифовальные плиты, на которые никто из современников не покусился. Поодаль от этого было еще одно подобное стойбище, значительно менее разрушенное, что дает возможность в будущем заняться его исследованием. На востоке Терского берега обитатели этих двух крупных стойбищ были явно пришлыми людьми, их родину следует искать восточнее и южнее – там, где были известны лабиринты и где находятся надежные свидетельства именно морских охотников.

– Андрей Леонидович, но где все же доказательства, что владельцы поворотных гарпунов, создатели наскальных изображений в Карелии были строителями лабиринтов? – задал я Никитину наивный вопрос. – Ведь среди тысяч рисунков не найдено ни одного, похожего на изображение каменной спирали!

– Да, на скалах Выга напрасно было бы искать изображения лабиринта, – продолжил рассказ Никитин. – Эти рисунки являют собой «зеркало живого», а лабиринты принадлежат миру трансцендентному, связывая собой мир живых и мир мертвых. Гораздо важнее увидеть то, что есть на самом деле. Всю ту морскую тематику, которая подтверждает догадку о существовании на Белом море высокоразвитой и, что особенно важно, единственной среди всех остальных культуры морских охотников и мореходов. Это ее создатели, отправляясь во все более далекие плавания, открывая для себя берега Северной Европы и осваивая их, приносили не только свое мореходное и кораблестроительное искусство, но также возводили лабиринты, магически связывавшие их через подземный мир с другими, уже построенными, и в первую очередь лабиринтами Соловецких островов...

3. Древний некрополь

Основной целью нашего похода по Терскому берегу были мало кому известные, да и на первый взгляд мало чем привлекательные галечниковые террасы под Кузоменью, близ заброшенной тони со странным названием – Великие Юрики. Первым из археологов-профессионалов там побывал мой спутник А. Л. Никитин. Было это в 1983 году, когда и состоялось наше знакомство с Андреем Леонидовичем.

Тогда я только открывал для себя Терский берег. Поэтому рассказ о каких-то древних захоронениях на одной из террас у мыса Корабль нарисовал в моем воображении иссеченный морем и временем скальный мыс, внутри которого, в спрятанной от посторонних глаз полупещере покоятся останки первобытных людей, а вокруг аккуратно разложены различные ритуальные предметы...

Пишу об этом для того, чтобы еще раз подчеркнуть, насколько отличаются наши стереотипные представления об археологических открытиях, почерпнутые из книг и кинофильмов, от действительности, особенно если речь идет о Беломорье.

Прежде всего несколько слов о самих террасах, этих грядах, или ступенях гигантской лестницы, на

каждый шаг по которым море затрачивало по две – три с половиной тысячи лет. Причем не на подъем, а на спуск. Если же быть более точным, то отступало не море, а поднимался весь североευропейский берег, вдавленный в глубь земной коры тяжелым ледяным щитом последнего ледникового периода. Поднимался отдельными блоками, рывками, с внутренними сдвигами, разломами, остановками, во время которых и происходило образование береговых террас. Наглядный пример тому – место, на котором за одно мгновение, по сравнению с сутками тысячелетий, раскинулся Мурманск, ступеням новых микрорайонов карабкающийся на сопки, где когда-то плескались волны древнего моря. Так что, сами понимаете, ни о каких таинственных и сумрачных скальных уступах с аккуратными захоронениями каменного века не может быть и речи.

...Из Умбы мы выехали на испытанном вездеходе-уазике, которым, с ходу преодолевая крутые подъемы и полуразрушенные мостки через многочисленные речки и ручейки, умело управлял председатель Терского райисполкома Виктор Владимирович Диденко. У него были свои заботы – именно там, где начинались галечниковые террасы, в скором будущем должна пройти новая дорога из Кашкаранцев на Варзугу, и председатель желал лично убедиться, что эта доро-

га не заденет, не уничтожит древних памятников. Что ж, остается только приветствовать подобную тревогу мэра района.

За мысом Корабль – впрочем, теперь уже не мысом, варварски взорванным добытчиками аметистов, а карьером, но об этом разговор особый – началась Великая Кузоменская Дуга. Подобно гигантскому спущенному луку, она, казалось, слабо дрожала, выпустив в сердце Кольского полуострова свою единственную стрелу – речку Варзугу. И не хватало дыхания, не хватало взгляда, чтобы объять открывшийся простор, словно достался тебе билет на первый ряд в широкоформатном кинотеатре...

Когда уазик увяз в сухом моховом ковре, из которого торчал молодой низкорослый сосняк, наш дальнейший путь проходил по ничем не примечательным Кольским тундровым болотам, где на песчаных буграх выдолблены глубокие, обманчивые для неопытного путника оленьи тропы. Когда поднялись выше, на следующую террасу, под ногами закрипел колотый терский песчаник – сначала мелкий, а потом все крупнее, так что под конец приходилось чуть ли не перепрыгивать с плиты на плиту, чтобы не оступить в окаменелом прибое. Галечник был покрыт сине-зеленым лишайником – точно таким же, как и камни Умбского лабиринта. Лишайники росли только сверху, со сторо-

ны, обращенной к дождю, свету и солнцу, и были своего рода «дипломом на вечность», как точно сформулировал Никитин. Впрочем, предоставим слово самому Андрею Леонидовичу, чей взгляд профессионального археолога, безусловно, будет значительно интереснее.

– Сначала мне в глаза бросились несколько каменных плит, приподнимавшихся над галечниками. Они находились на некотором расстоянии друг от друга. Одни стояли более прямо, другие почти лежали, но все они, как я мог убедиться, подойдя ближе, увенчивали вершины невысоких каменных круч, сложенных отнюдь не для того, чтобы дать опору этим плитам. От двух до пяти метров в диаметре и около метра в высоту, кучи эти в два ряда тянулись вдоль края верхней террасы, лишь очертаниями своими выделяясь из остальной россыпи. Составлявшие их плиты точно так же равномерно покрывала сине-зеленая накипь лишайников, и точно так же светилась розовым цветом исподняя сторона. Приглядевшись, можно было обнаружить, что кучи от остальной массы галечника отделяют как бы неглубокие канавки – места, откуда собирали гальку на их постройку. Я не оговорился – именно на постройку, ибо то, что лежало передо мной, что я с удивлением и радостью обходил, было отнюдь не кучами, а настоящими погребальными со-

оружениями, сложенными из плиток так, что внутри всякий раз оказывалась небольшая овальная камера, предназначенная, по-видимому, для того, чтобы вместить в себя скорченное тело человека или то, что от него осталось. Ни для чего другого они были явно не пригодны.

Я насчитал их около трех десятков. У большинства плиты обваливались вовнутрь, у других можно было заглянуть даже в камеру, чтобы убедиться в ее пустоте, но в том и в другом случае разрушение оказывалось очень давним: сдвинутые в сторону плитки ничем не отличались от тех, что лежали рядом на террасе...

Тем временем солнце все круче клонилось к морю, и мне оставалось только удивляться энергии Андрея Леонидовича. Еще бы, ведь мы в буквальном смысле слова стояли на краеугольном камне его гипотезы о строителях лабиринтов. Что найдет будущий исследователь в погребальных камерах галечниковых могильников? Этот вопрос еще ждет своего ответа, потому что на земле уже столько всего уничтожено скороспелыми раскопками, что теперь археолог может гордиться не тем, что он раскопал, а тем, что он хотя бы на время спас от раскопок...

Именно там, на открытой всем ветрам террасе, я окончательно поверил в существование морского на-

рода Беломорья. Этих отважных и гордых мореходов, приплывших сюда, на берег древнего моря, чтобы навечно оставить в камнях тела своих вождей, ибо нет на всем побережье более достойного и величавого места для погребения...

Пора, однако, вернуться на борт «Помора» и готовиться в дальнейший путь к Святому Носу. Этот мыс, как длинный нож, приставленный к беломорскому Горлу, вставал на пути всех наших древних мореходов. Помните, как трактуется название мыса в многосерийной киноленте «Михаиле Ломоносов»: «Свят-свят», – невольно повторяли поморы, проходя это страшное место с извечным сувоем и подводными коргами. По другой легенде там во множестве водились морские черви, которые враз проедали днища деревянных парусников. И лишь святой Варлаамий, следуя из Колы в Кандалакшу, смог изничтожить – заговорить тех прожорливых тварей. Будем надеяться, что за несколько сотен лет они не воскресли...

3. Терский берег

Читатель, наверное, может задать резонный вопрос: как же так, ведь автор взялся рассказать о плавании двух самодельных парусников к Шпицбергену, а сам все уводит в сторону от основного повествования, вспоминает и пересказывает побочные встречи и события. И будет прав в своих претензиях. Но предупрежу сразу: походные будни, за исключением отдельных критических моментов, не отличались особым разнообразием. Постепенно все мы втянулись в размеренный ритм вахтенной службы. Если был попутный ветер – ставили паруса, эту «прямую благодать» поморов, в противном случае работала одна лодья, таща коч на буксире по заранее проложенному маршруту. И каждый из четырнадцати участников экспедиции по-разному воспринимал этот переход в зависимости от своих судовых обязанностей, расписания вахт и личных целей, заставивших пуститься в плавание. Я же, думается, меньше других строил какие-либо иллюзии: участок пути от Терского берега до выхода в Баренцево море и далее на запад вдоль Кольского полуострова так или иначе был мне хорошо знаком. Во многих точках побережья бывал ранее, а что не видел своими глазами, то отчетливо представ-

лял по рассказам очевидцев и исторической литературе. Так что, оказавшись на борту средневекового коча, идущего маршрутом древних поморов, я стремился на собственной «шкуре» испытать все превратности подобного плавания. Превратности не от слова «приврать» – для этого дела и без меня мастеров и охотников хватает...

Напомню и о том, что «Путь на Грумант» – лишь официальное название нашей экспедиции. Мы же договорились с самого начала, что в книге речь пойдет о пути на Грумант без кавычек, то есть о той дороге, которая со временем становится смыслом жизни, которую каждый однажды выбирает и следует по ней до конца. Впрочем, впереди у «Помора» и «Груманта», отброшенных непогодой к Сосновцу, действительно почти тысячемильный путь. И пора переходить от слов к делу.

Нет худа без добра: вынужденная якорная стоянка в проходной, чистой салме между материком и островом и предшествовавшие ей отнюдь не радужные события заставили нас стряхнуть налет береговой беспечности, понять, что малейшая оплошность может стать для экспедиции последней. Каждый новый этап пути следовало просчитывать на два-три шага вперед, имея в запасе варианты на любой случай.

Своенравные и непредсказуемые беломорские

ветры, издревле расчлененные на основные румбы – от севера до полуденника, от запада до востока, от обедника к побережнику и от полуношника к шелонику, – сплетались в причудливую розу ветров, скорее напоминая не этот невиданный в Беломорье экзотический цветок, а просоленный, измочаленный, перекрученный пеньковый канат. По морю «без веры ходить не можно – ходят знаючи» – говаривали в старину. А где те знания, если сегодня одна забота: отойти подальше от берега, врубить дизеля – и полный вперед! Вперед, наплевав на оставшиеся в прошлом корги и корюшки, одинки и бакланцы, воронухи и поливухи, которые «на погоды играют...» Вперед, оставив за бортом не только из поколения в поколение накопленный опыт поморского судовождения, но и сами родительские дома в некогда центральных, а ныне периферийных районах Мурманской и Архангельской областей. Разве что осторожный гидрограф, стоя на якорю под самой горой, блеснет иллюминатором в окуляре бинокля, оживляя мрачноватый, безлюдный берег. И нам, как сотни лет назад поморским мореходам, поневоле приходилось быть первопроходцами.

Если в современных лоциях на отрезке пути от Сосновца до Святого Носа нет надежных укрытий, то в поморских книгах «мест для ухода» судов обозначено немало. Получается, зря мы бежали от непогоды до

этой проходной салмы. Можно было свернуть раньше, у Даниловой Потычи, где как раз «стоят от полуношников», то есть северо-восточных ветров. Или не проскакивать мимо По-нойской Лахты, а «заходить: от Красного носу в север о землю чисто, ити за остров, стоят на салмы у острова. А на середины есть баклыш обсыхает, а в губы стоят под наволоком на обсушки; прям Лахты в мори пески обсыхают с наволоками наравни. Под Корабелной нос ити о наволок праве песков в полводы, от Красного носу лева песков ити, в полводы пустит; стоят прям човруя, толко якоря худо держат; за остров ити праве острова, в полводы пустит; стоят за островом на салмы на обсушки». Но кто знал, кто знал...

Итак, рано утром 4 июля, к концу нашей с Дмитриевым «собачьей вахты» от ноля до четырех часов, решили продолжить маршрут. За сутки после аврала ребята успели отоспаться, и с подъемом очередной вахты снялись с якоря. Я же по крутому трапу в шесть ступенек спустился в казенку и мгновенно уснул, так и не стянув с заочеченвших ног резиновые сапоги, а лишь с трудом заставив себя скинуть с плеч рокан и мокрую фуфайку. Сказались усталость и нервное напряжение. О качке разговор особый – во всяком случае на этот раз встал без синяков, набитых о деревянные переборки узкой казенки. Постельное же белье,

выданное перед отходом, так и осталось неиспользованным за все дни плавания...

Пока отдыхал – на палубе уже собрался весь экипаж. Дмитриев так и не ложился, памятуя, что «путь-дорога честна не сном, а заботою». Оно и верно – кому как не кормщику следовать этой поговорке. Течения и ветры, отливы и приливы, едва заметный взводень над водопойминой – все мотает себе на редкий рыжий ус Виктор, вглядываясь в близкий костистый берег. У него действительно есть какое-то шестое чувство, выработанное за годы плаваний в Беломорье. Спокойный в, казалось бы, критических ситуациях, Дмитриев, наоборот, бывал чересчур нервным в на первый взгляд пустячных вопросах. И, в чем нам предстоит убедиться, тем самым неоднократно выручал команду.

Помню, как однажды начало замолаживать – наносить туман. Виктор же, наказав не менять курс и разбудить его через час, ушел в казенку. Без видимых ориентиров мы стали слегка паниковать, решили определить скорость коча, бросая спички с носа судна и замеряя время их прохождения за кормой: где-то впереди по карте был обозначен выступающий в море мыс. Запутавшись в расчетах, все же не посмели тревожить кормщика. А он через час сам поднялся на палубу и, взглянув по сторонам, спокойно пере-

ложил руль, направив коч к берегу. И вскоре в редющем тумане открылась по траверзу оконечность того мыса. Что это, интуиция? Наверное, да, но интуиция или шестое чувство, основанные на многолетнем опыте и постоянном нервном напряжении. Здесь приходится решать не арифметическую задачу со спичками и заданной длиной коча, а вкладывать в совершеннейший компьютер человеческого мозга десятки и сотни отправных данных, среди которых решающей может стать не длина, а цвет волны...

Кстати, в тот день цвет воды заметно изменился – от белесой и грязно-синей она приобрела чистый темно-зеленый оттенок. Остался за кормой и пологий Терский берег, уступив место уходящим в море скалам, в распадках которых по оврагам невидимых рек и ручейков лежали грязные бинты снега.

– Понойские лудки, – подсказал Дмитриев, отхлебывая горячий чай, который мы разлили по кружкам из установленного на палубе самовара.

– А как узнал?

– А водицы забортной зачерпнул, – усмехнулся он, хитро поглядывая на ребят, как бы приглашал всех к полушутливому разговору о старых поморских секретах. Может, это лишь байки, которые любо потравить в свободные минуты, но уверен – опытный кормщик по вкусу воды с закрытыми глазами определял местопо-

ложение коча. Правда, для этого приходилось испытать не одну кружку той соленой водицы, меняющей не только цвет, но и вкус вблизи впадающих в море рек. И, надо сказать, все мы регулярно совершали этот ритуал: поднимаясь на палубу, я предусмотрительно нацедил полкружки воды из бидона, чтоб умыться и зубы почистить. Так Дмитриев пристыдил. Нельзя, говорит, быть таким расточительным. Кончилась прибрежная прогулка вокруг Соловков. Вылей, мол, питьевую воду в самовар, а сам умывайся забортной – кто его знает, сколько еще дней в море бедовать придется...

Что добавить к его словам? Лишь одно: у Понойских лудок беломорская водица несолона на вкус и почти пригодна для питья. При желании можете проверить сами...

Да, любо потравить байки в свободную минуту, пока в меру шибкий попутный ветер гонит коч вдоль побережья. Но трудно настроиться на лирический лад при виде этих безжизненных мест с островами догнивающих факторий и становищ. Когда-то село Поной было районным центром, а колхоз «Север» имел животноводческую ферму, свинарник, овчарню, пять рыболовецких бригад и два оленьих стада до пяти тысяч животных. И еще в семидесятые годы, когда закрывали колхоз, на его счету оставалось около двух миллионов рублей. В чью же бедовую голову пришла мысль

записать Поной в число неперспективных? Этот вопрос и сейчас далеко не риторический: лично я могу пофамильно назвать тех, кто поставил крест на селе. Нет, не поморский путный крест, дабы о себе след оставить и сотоварищам дорогу указать, а всего лишь галочку-закорючку под списком подлежащих ликвидации деревень. И они, руководители теперь уже отнюдь не районного масштаба, продолжают вершить судьбами людей, чьи прадеды кровью и потом обжигали этот суровый край.

В книге царского писца Алая Михалкова от 1608 года можно прочесть: «Погост Понойский на реке на Поное, а на погосте храм верховных апостолов Петра и Павла деревян поставлен по челобитью терских лопарей и для их крещения и веры православные, а в церкви образы и книги и ризы и на колокольнице колокола и все церковное строение государево данье...»

Данье – значит дар, подарок государев. И пусть в тридцатые годы устроили в храме склад, а те образы, книги да ризы порастеряли – но стоял четырехсотлетний сруб в опустевшем селе, и я жалел, что нет возможности хоть на час подойти к берегу, провести ребят меж покинутых домов, густо заросших дикой смородиной, показать знаменитый понойский каменный лабиринт, выложенный еще во втором тысячелетии до новой эры, взглянуть на древнейшую из оставших-

ся на Кольской земле церковей. Но не знал я, не мог знать, что как раз в эти июльские дни квартировались в Поное молодые солдаты, демонтируя старый военный аэродром. И они, а не мы, вошли в церковь, а найдя там дымовые шашки – подожгли их. «Просто так», – как потом объяснили. «Просто так», потому что видели солдаты перед собой не памятник архитектуры, а сарай-склад с гнилыми оленьими шкурами и обрывками сетей. Да еще в богом и людьми забытом селе.

– Так не стало на Поное храма верховных апостолов Петра и Павла, – закончил свой рассказ мурманский поэт и публицист Владимир Смирнов. А помолчав, добавил: – У саамов есть обычай называть место лесного пожара именем поджигателя. И тогда долго, из поколения в поколение, передается в народе имя того, кто вольно или невольно стал врагом природы. В музее на фотографии понойской церкви я бы тоже написал имена людей, по чьей вине она погибла. Не одних солдат, а тех, кто значительно раньше мог спасти храм – и не спас, мог действительно сделать из него памятник – и не сделал, кто мог сохранить его – и не сохранил.

– И имена тех, кто в свое время назвал село «бесперспективным», – дополню я, пересказывая слова Смирнова.

Не уверен, нужны ли в книге о нашем пути на Грумант подобные рассуждения, но ведь именно ради этого, ради возрождения вот таких, как Поной, старинных сел мы и отправились в плавание. Опрометчиво, на свой страх и риск пытаюсь доказать всем и вся живучесть поморских традиций, хоть так привлечь внимание осевших по городам земляков к славной истории Беломорья.

За день прошли Терский берег, приблизились к границе Белого и Баренцева морей. Подгадали как раз к отливу, когда гигантская беломорская воронка, захлебнувшись арктической водой, заклинивает, морские течения поворачивает вспять, расчерчивая пространство длинными лентами сувоя.

В клочьях тумана показался острый, как нож, Святой Нос. Всего-то в несколько миль длиной, мыс этот вставал на пути всех древних мореходов. И был им, образно говоря, как кость в горле: можно, конечно, при попутном юго-западном шелонике взять мористее и выбраться на открытый простор, но как потом на прямых парусах повернешь на запад, к закату? Этак, глядишь, разогнавшись, к другому Носу – Канину – выскочишь. А отнесет коч миль на полета в море – что делать без доброй поветри?

У мыса ветер слабеет – Святой Нос защищает нас от северо-западного побережника. Но начинаются

зыбь и знатная толчея, что для морехода похуже иной волны. Паруса срублены, концы такелажа закреплены, ребята отдыхают. Ночная вахта – на палубе мы с Дмитриевым. Заведенный на «Грумонт» буксирный канат, натягиваясь, с резким, звенящим звуком вспарывает воду, срезает, будто косит, колосья взводня. Казалось бы, можно расслабиться, отдохнуть, положившись на выверенный компас и мастерство «лодейных» сотоварищей, наших ведущих. Но как буксир, звеня, натянуты нервы: стоять на руле и держать курс ведомого, словно пленник на аркане у всадника, коча не так-то просто. Крутобокий, как брошенная в воду половинка скорлупы грецкого ореха, корпус судна все норовит податься в сторону, а подхлестнутый буксиром, начинает отклоняться – выписывать вслед за лодьей широкие амплитуды-зигзаги. И сразу же шелестит – похрипывает оставленная на приеме рация, подтверждая бдительность «грумантлянов»:

– «Помор», «Помор», на приеме...

– «Помор» слушает, – берет микрофон Дмитриев.

– Вы что же там, спите? Думаете, нам легко такую бабафугу за собой тащить?

– Да тише ты, лучше скажи, какой курс держишь, – пытается переменить тему разговора Дмитриев, с укоризной поглядывая на меня.

Кстати, уже потом, на берегу, я так и не смог отыс-

кать в словарях этого колоритного и частенько упоминаемого в нашей ватаге слова – бабафуга. Ввел его капитан «Груманта» Ростислав Гайдовский, первый раз назвав им привязанный к вантам солидный, килограммов на десять, окорок. В предотходной суматохе брошенный в трюм вместе с другими продуктами, окорок этот не без труда был вскоре извлечен и вывешен «проветриваться». После чего «бабафугой» стало зваться все, что висит без движения. И как ни обидно, в данном случае это слово подходило и к кочу...

Однако вернемся к Святому Носу, тем более что он всего-то в какой-то миле от нас. Но ближе подходить опасно, хотя предки наши, вне сомнений, без боязни взяли бы курс в глубоко вдавленную с восточного края мыса губу Волоковую. Эту большую зазубрину на лезвии мыса-ножа.

Нет, не случайно поморы рисовали на старых картах этих мест не мыс, а остров. Подходили к берегу, крепили по бортам весла и впрягались в бурлацкую лямку. И метр за метром, подкатывая под днища судов припасенные заранее бревна, перетаскивали кочи и лодьи в широкий Иоканьгский залив, надежно защищенный от теперь уже ненужного шелоника. Перетаскивали и жировали, выжидая северо-восточных полуношников.

Нынче волок тот давно порушен. Да и не в бурлящем сувое видели предки главную опасность. Рассказывают, что во множестве обитали здесь морские черви – корабельные сверлила, что протачивали самые прочные деревянные суда. А вот куда они делись – о том записал Василий Иванович Немирович-Данченко в своей книге «Страна холода». Мол, жил когда-то в Коле поп Варлаамий, молитвенник и заступник, но не смог благочестивый совладать со своими страстями. И, поддавшись козням сатаны, в порыве ревности порешил супружницу законную, а осознав содеянный грех, сел один-одинешенек в лодку и повез жену свою убиенную на родину, в Кереть, что на карельской стороне.

У Святого Носа среди ночи услышал Варлаамий голоса, а ему все звериные языки понимать дано было. И слышит он гласы: «Беспременно, братцы, надо лодку потопить». Опосля слышит, как стали шнячку его из-под низу грызть-сверлить. Он и сообразил сразу, что к чему. И всех червей этих, что были вокруг Святого Носа, созвал к своей лодке. Собралось их видимо-невидимо, аж море-окиян побелело.

– Все ли? – спрашивает.

– Все.

Тут-то Варлаамий их и заклил, и после его святого слова ни единого червя в живых не осталось – околе-

ли твари противные...

Байки байками, но вот что интересно. Ученые утверждают, что именно в районе мыса Святой Нос находятся значительные запасы дробленого ракушечника – отличной минеральной подкормки для птицы. А образовались они из обломков домиков-пирамид усоногого рачка-бальянуса, которые за тысячи лет покрыли морское дно трехметровым слоем на десятки километров. Вот и не верь после этого поморским преданиям!

...Признаться, все, что я сейчас рассказываю, записывая свои рассуждения в теплой городской квартире и жмуря глаза от слишком яркого света электрической лампы, нависшей над столом, – совсем не интересовало нас в ту бессонную ночь, когда, казалось, вновь решалась судьба экспедиции. (А сколько их еще будет впереди, таких ночей на тысячемильном пути к Шпицбергену! Но одно дело потерпеть неудачу в конце маршрута, совсем другое – в его начале, в самом зачатке честолюбивой надежды на успех.) Словно проведенные грубым рубанком по необструганной доске, тянулись от берега в море широкие ленты суволя – не мифическая, а резко очерченная граница между двумя морями. Беспорядочная, хаотичная толчея мелких волн, играя, валяла суда с боку на бок. А с севера, где час назад скрылось в черном маре-

ве бледное, уставшее за день светило, наваливалась великая хмарь. Помните? Если солнце село в тучу – жди, моряк, большую бучу! И буча началась.

За окончательностью Святого Носа шквалистый ветер подмял, скрутил в узел и как новогодние бумажные ленты разорвал полосы сувоя. Вдруг ожила и поползла по баку лодка-кижанка. С трудом удалось завести под нее дополнительный канат, закрепив конец от борта к рыму – металлическому кольцу на палубе. Стоя на коленях, мы с каждым критическим креном корпуса коча падали ниц, вжимаясь телами в холодное дерево перехлестываемой волнами палубы. А потом короткими перебежками – от бака к грот-мачте, от грота на корму, собрались – расселись в ногах у кормщика: Дмитриев один в эти минуты стоял, широко расставив ноги, и двумя руками едва удерживал трехметровое правило руля...

Я говорю мы, так как к тому времени все ребята, скинутые болтанкой со своих нар в темном и тесном кубрике, уже собрались на палубе. В резиновых сапогах, роканах, надетых на фуфайки, спасжилетах – мы, сгрудившись на корме, представляли в тот миг, наверное, весьма живописную картину. И картину эту в различных вариациях можно было наблюдать весь следующий день: до глубокой ночи, уводя коч и уходя сам от беломорской Воронки, работал трудяга «Груммант»,

взяв курс на запад вдоль мурманского побережья. Так встретило нас море Баренца.

Признаться, уважаемый читатель, мне жаль расставаться с Беломорьем, хотя на пути к Груманту нас еще стерегут немало трудностей и перипетий этого уникального по своей авантюристике и дерзости перехода. Но Белое море – как колыбель, которую, повзрослев, нельзя выбросить за ненадобностью из дома. Поэтому-то я и предлагаю твоему вниманию вставную главу о Терском берегу, уже оставленном нами на траверзе повествования. Ну а если она покажется лишней – перелистни с десятков страниц, и мы вновь вступим на борт «Помора», следующего вдоль мурманского побережья.

Заполярье – это там, за полями...

О своеобразной красоте Терского берега Кольского полуострова написано немало восторженных строк. Я встречал по-настоящему влюбленных в этот край людей, готовых все свои отпуска проводить на Белом море. Как ни странно, среди них много приезжих, жителей не Мурманской, а центральных, срединных областей страны, москвичей да ленинградцев. Чем же притягивает их русский Север, заполярная окраина Российского Нечерноземья?

Трудно ответить однозначно. Давно уже не добывают здесь речной жемчуг, инспекторы рыбоохраны

бдительно следят за семужьими нерестилищами и нагульными ямами, не так-то просто найти на мысе Корабль чистую, небитую аметистовую друзу. Еще труднее заказать в дорогу хорошую погоду. Добро, если шелоник подует. Хуже, когда налетит норд, а в скулу ему ударит юго-восток – тогда погоды не жди. Да и клева тоже: забьется кумжа под камень, ляжет хариус на дно, разве что окунь или щука соблазнятся на блесну, доставят радость рыболову-любителю.

Богатые рыбой и зверем, эти места привлекали предприимчивых новгородцев. «Терь», «Тре» – древнее название Кольского полуострова. В XIII веке наряду с другими северными землями он официально входил в состав владений феодальной республики на правах особой волости, то есть даннической территории. Находился в ведении «новгородских мужей», должностных лиц, подчиненных посаднику, а не князю. Однако и князья посылали сюда своих слуг. Так, Александр Невский и его преемники отправляли на «Терскую сторону» ватаги промышленников за кречетами для охотничьей потехи.

Одновременно с русскими людьми на северо-восток продвигались норвежцы и требовали пушной дани от терских саамов и карел. Русские стойко защищали свои заполярные владения, снаряжая «ушкуи» громить «норманнов». Сами норвежцы произносили

это слово как «нурман», откуда и пошло название северного, Мурманского берега Кольского полуострова. Ныне Терский означает только южную, беломорскую его оконечность, занимающую без малого седьмую часть территории области и производящую 0,4 процента валовой промышленной продукции, 1,3 процента – сельскохозяйственной. Считаю, глухая глубинка, давшая жизнь всему краю и ныне ставшая ему ненужной, лишней. Так ли это? Попытаемся ответить на этот вопрос.

В середине восьмидесятых годов мне выпало счастье недолго пожить в Умбе, а журналистский труд подарил радость встреч со многими людьми, помог прикоснуться к их делам и заботам.

Так, на исходе своей первой терской зимы, став редактором местной районной газеты, выбрался я в село Тетрино колхоза «Беломорский рыбак». Решил посмотреть отдаленное хозяйство, познакомиться с людьми. Зимой два раза в неделю на импровизированном аэродроме ждали здесь жители неприхотливый АН-2, да чаще всего напрасно – в распутицу месяцами село отрезано от «большой земли». Только летом оживают ветшающие избы. Обзаведясь на стороне семьями, приезжают в отпуска бывшие хозяева. Наперегонки гоняет по деревне ребятня, в охотку помогая старшим и сено косить, и телят пасти. Успева-

ют привыкнуть дети к парному молоку, полюбить вкусные колхозные сливки – и то хорошо. А сливки эти настолько густы, что наутро из остатков сбивают к завтраку масло.

В кабинете председателя колхоза «Беломорский рыбак» прикреплен кнопками к стене самодельный календарь внутрихозяйственных работ. Самые протяженные по времени – вывозка дров, сена, удобрений. С июня начинается промысел семги, а как только очистится ото льда Горло Белого моря – навигация. Все остальные работы коротки, как росчерк пера: яровизация, весенняя пахота, ремонт жилья... Сезонность. Как избавиться от нее рыбакам-колхозникам побережья? Чем занять людей в зимние месяцы и как управиться с грудой летних неотложных дел, когда почти все мужики сидят на тонях, ждут – стерегут красную рыбицу?

Война подрубила корни терских сел, поставив скромные обелиски с именами не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной земляков. Их детей, уже в пятидесятых годах, позвал город, заставил покинуть отчие места. А оставшиеся люди как и год, два, десять, сто лет назад продолжали рыбачить, бить морского зверя, промышлять пушного. Свыкшись со своим положением, поморы все осторожнее относились к любым изменениям. Устали, затаились, а не

принесут ли они новые напасти, не отнимут ли единственное, что осталось у людей: именное рыбное угорье да землю с покосившимися крестами родительских могил? Не с тех ли пор стали поговаривать по селам, что невмочь колхозам быть многоотраслевыми, развивать животноводство? И не только поговаривать.

Летом разъезжаются колхозники по тоням, где берут идущую с моря семгу, а вот зимой жизнь замирает. Самая тяжелая работа – дрова заготавливать. По побережью леса не так много осталось. И решили как-то в Тетрино одним махом убить сразу двух зайцев: с дровами быть и от лишних хлопот с общественным животноводством избавиться. Сказано – сделано: организовали субботник и распилили на дрова добротный телятник... Не верится, что при крестьянской хватке не подумали колхозники о последствиях. В том-то и дело, что подумали, и крепко! А потом сходили в сельский магазин, посмотрели на полки с доставленными за сотни верст маслом, банками сухого, сгущенного и пастеризованного молока и разошлись по домам. Может, посылки родственникам с продуктами в среднюю полосу России отправлять, в обратный путь допайком... А когда не было этого изобилия, не 20, а 40 коров держали в «Беломорском рыбаке». Да столько же скота в личном пользовании было. Теперь все поку-

пают свежее молоко на ферме – его на несколько десятков жителей вполне хватает.

По данным районной госстатистики сейчас на все Терское побережье в личных подсобных хозяйствах числится... одна корова. Хоть в музей ее веди, а не в хлеву держи. И это в районе, где сосредоточена большая часть естественных кормовых угодий Мурманской области, до половины всех сенокосов, две трети пастбищ. Для декорации на радость редким туристам раскинулись обширные лайды – заливаемые водой луга с прекрасной молокогонной травой. Сохранился еще в хозяйствах и. высокопродуктивный скот, а относительно мягкий климат этих мест, казалось бы, должен привлечь на поселение новых людей. Да, видно, порвалась в них жилка древних новгородцев. А если это не так, то что же за река огненная преградила людям дорогу, заказала путь на берег более чем миллионному населению области?

Ответ прост. Заявив, что они не готовы к приемке молока и мяса от терских колхозников, руководители местной промышленности по сути дела отмахнулись от них, оставили колхозников наедине со своими проблемами. Лишили хозяйства рынков сбыта. А убыточность, бессмысленность своего труда погасили природную творческую смекалку поморов. Зачем напрягаться, если знаешь, что молоко все равно будет про-

дано за бесценнок или скормлено скоту? Возникло даже мнение о новом укрупнении оставшихся трех от недавних двенадцати колхозов.

Неперспективность, отягощенная отсутствием элементарных с точки зрения горожанина бытовых удобств, породила и своеобразную семейную агитацию. Смысл ее в ориентации самими родителями своих детей на выезд из села. Мол, мы уж здесь доживем век, а вам нечего мучиться. И правы ведь! А ты, уважаемый читатель, посоветовал бы повзрослевшей дочери остаться искать женихов в терском селе? Вряд ли. И перестают колхозники верить, что на речке Чаваньге можно вновь поставить маленькую гидроэлектростанцию, не вызывает у них энтузиазма мысль о значительном увеличении поголовья оленей, хотя ягельных мест в округе для этого достаточно, не хотят жители лишних хлопот с организацией зимнего лова озерной рыбы. И не в отдаленности здесь дело.

...Пробежав на лыжах десятков-другой метров, замер на сельском аэродроме долгожданный самолет. Первым на мотонартах подъехал к нему почтальон. Потом уже подбежали пассажиры с чемоданами, рюкзаками, бидонами. Несколько минут – и под крылом с одной стороны пологая озерная тундра, с другой – Белое море. Самая южная точка Кольского полуострова. Остаются в памяти измеренные по побережью

снежные километры. Зароды сена с накинутыми на них сетями (не для зайцев заготовляли!). Деревни, где по субботам так топят бани, что в воскресенье до вечера стоит туман.

Остаются в памяти дороги. Автострада от Мурманска до Кандалакши и грунтовый путь до Умбы: на «Жигулях» 6–7 часов езды с комфортом. Твердый, как взлетная полоса, песок отлива под Кузоменью. Пыльные дороги-тропы между селами, на которых твои следы пересекают отпечатки медвежьих лап. И обманчивое ночное бездорожье, когда снегоход, минуя опасные спуски, уверенно идет по старой колее. Путь не самый короткий, но верный. Можно бы срезать морскую губу, но есть риск застрять в накопившейся под настом воде или наскочить на ропак – одинокую, ребром стоящую льдину. Ее лучше объехать, да разве в ночи углядишь? А еще лучше, добравшись до избы, поскорее 'отогреться крепким чаем. И только потом выйти на крыльцо и слушать невидимый в темноте прилив. Там, за береговой линией припая, гулко дышит студеное море...

Хозяйка дома – Нина Гордеевна – угощая гостей, поставила на стол две сковороды. Одну с семужьей печенью, другую – с жареной рыбьей икрой. За разговорами вспомнили рыбаки, что после войны был на фактории свой маленький консервный завод и не вы-

брасывали в реку, как сейчас, внутренности красной рыбы. Конечно, требования к качеству пищевой продукции возросли, но ведь обидно терять такие деликатесы...

Вернувшись в райцентр, я передал эти слова молодому директору Умбского рыбозавода Александру Ульянову, рассказал ему и о младшем сыне Тропных, вернувшемся из армии с правами водителя и не знающем, куда устроиться на работу. Директор каждый раз отправляет в Кузомень транспорт для сбора и доставки семги, выписывая шоферу командировку на неделю. Почему бы не доверить технику местному парню? Оказывается, нельзя. Опасается руководитель, что не по делу будет использовать машину новичок, у которого на каждой тоне если не родственники, так знакомые сидят. Здесь нужен чужой человек, умеющий держать себя с людьми «на расстоянии». А вопрос о сохранении семужьей икры совсем зряшный. По ГОСТам она подвергается первичной обработке в течение нескольких часов. Разве это возможно при многоверстном бездорожье? На рыбпункте же надлежащих условий не создашь.

Прав директор. Меня вообще удивляет правота руководителей даже самых убыточных хозяйств. Все-то они всегда делают согласно чему-то и в соответствии с чем-то. Не подкопаешься. И все новое в их глазах

по меньшей мере – авантюра. В чем же дело?

Некоторые объективные причины уже названы мною. Есть и другие, упирающиеся в структуру отношений ответственности за общественный характер производства. То есть при «вертикальных» и «горизонтальных» связях нашего управления в периферийном районе резко проявляются элементы ведомственности и местничества, ведь колхозы числятся за Мурманским рыбколхозсоюзом, а находятся на территории, закрепленной за Терским райисполкомом. Ведомственность и местничество проступают, как корги во время отлива, при решении многих экономических и социальных задач.

...На стыке времен года – весной и осенью – нарушается регулярность авиарейсов. И если при летней погоде АН-2 все же идут «на восток», а так местные жители называют маршрут на Чапому, Тетрино, Чаваньгу, Кузомень, то в Варзугу попасть труднее: взлетно-посадочные площадки побережья, как правило, бесснежны, в этом же старинном поморском селе аэродром защищен от ветра и уже в начале зимы покрыт снегом. И пока он не превратится в твердый наст, на риск не идут.

На этот раз рейс был особенным, специальным. Вернее, груз, который доставил самолет: первые 9 цветных и 11 черно-белых телевизоров. И понятно бы-

ло волнение начальника площадки Валерия Попова – молодого парня, мечтающего попасть в летное училище, да и всех встречающих, поспешивших из своих домов на гул мотора. Хотя и не был я в тот момент вместе с ними, но яснее ясного представляю, как бережно были переложены тяжелые коробки на сани и бойкая лошадка с заиндевевшей от мороза мордой тронула в сторону села, кося любопытный глаз на необычный груз. Накануне наземной станцией космической связи «Москва», смонтированной на правом берегу реки, был принят первый сигнал со спутника. Так на Терский берег пришло телевидение.

Спросите у любого мурманчанина, что он знает о Варзуге. И человек, возможно, вспомнит о неповторимой природе этих мест, уникальном памятнике русского деревянного зодчества – Успенской церкви, песнях поморского народного хора, северном речном жемчуге. Но наверняка скажет о добываемой здесь семге. Сами же терчане стараются в разговоре это слово не упоминать. Говорят просто – рыба. Подобное «табу» до этого дня было наложено и на слова с приставкой «теле». Есть в этом что-то и от заскорузлой, как руки старого рыбака, обиды на невозможность вернуть былую славу некогда многолюдной родной стороне, и чувства боязни спугнуть, произнося вслух, нечто заветное, затаенное в самом укромном

уголке широкой русской души. А попросту не верили уже варзужане приезжим лекторам о скором возрождении берега, да и своим колхозным руководителям, даже когда приступили на селе к монтажу станции и установке цветного ретранслятора. И не мудрено – столько лет год за годом на их глазах уезжала молодежь, забивались окна осиротевших домов. Не было в том вины терчан – могли понять люди необходимость большого строительства в городах, а с детства приученные к нелегкому крестьянскому труду, как должное принимали мизерные трудодни колхозников в послевоенные годы.

3 Село Варзуга Терского берега

Помните, как у М. М. Пришвина, побывавшего в Беломорье еще до революции, рыбаки море делили? До сих пор здесь видят в каждом приезде чужака и в лучшем случае как соседи по коммунальной квартире несут ему свои обиды, прося разрешить давно уж потерявшие смысл споры. Не только о варзужанах я веду речь. Тяжелый хмельной осадок тех лет остался в думах жителей всего Беломорского побережья. Вспоминают про Устав рыболовецких колхозов, указывают на бессмысленность многоотраслевых хозяйств, на развитие животноводства. Нет-нет, и в наши дни, выступая на каком-нибудь совещании, кольнет председатель руководителей района тем фактом, что такая-то тонева бригада одновременно с ловом рыбы заготовила энное количество сена. И хорошо это, вроде бы, а по Уставу-то колхозному не положено. Но рабочих рук не хватает. И хотя не желают родители приучать к отцовскому труду своих детей, но все же как о самом сокровенном говорят в Варзуге о будущей смене, переживают потери, борются за каждого человека.

...Вы знаете, как ловить хариуса «на всплеск». Стоишь на мелководье с удочкой наготове, ждешь. Как только рыба сыграла – забрасывай поплавок и вытас-

кивай на берег упирающуюся добычу. Детская забава, скажут рыбаки. Да, конечно. Именно этим и занимались ребята на разливах Варзуги. Рыбинспекция специально отвела им место на реке для подобной рыбалки. Меньше будут браконьерить, да и все же каникулы. А польза на селе от школьников большая, когда на счету каждый человек, а многие мужчины выехали на тони. Посадка картофеля, рассады капусты (только в Варзуге выращивают знаменитую на весь берег белокочанную), уход за посевами – это забота школьных полеводческих бригад.

Как-то осенью вернулись на село после службы в армии пять парней. Встретились с уволенными в запас воинами члены правления колхоза, переговорили с их семьями. И четверо остались. Не потерял окончательно и пятый – поманило его море, уехал в Мурманск, на флот. Выдали ребятам подъемные, поставили на работу. Теперь на всех тоневых участках есть молодежь.

С первых же минут знакомства секретарь партбюро колхоза «Всходы коммунизма» Анатолий Федорович Брюховецкий с болью рассказал мне о судьбе варзугской церкви. Вот уже четвертое столетие стоит она на правом берегу реки, а простоит ли еще год-два – кто знает? Договорившись о встрече, наутро я первым подошел к ее крыльцу. Сторож Никита Григорьевич Ро-

гозин, прикрыв за собой двери, не пустил незнакомца на порог. Мол, кто его знает, а я на службе. Зато потом можно было неторопливо всматриваться в стертые временем доски, лишь по рассказам старожилов восстанавливая краски икон. Обходя нагромождения поздних картин, останавливать глаз на нехитрой церковной утвари, перелистывать влажные листы старых тяжелых книг. И слушать повествование того же Никиты Григорьевича о том, что были в Варзуге не одна, а четыре церкви, и собирались люди на праздники, пройдя на оленях, а чаще пешком, сотни верст, чтобы прикоснуться к затерянному в лесу чуду. И все это, – под монотонный пересчет работников Мурманского областного управления культуры, которые сверяли свои реестры, регистрируя какие ценности уже вывезены, какие еще остались (как тяжелобольные, которых нельзя транспортировать), а какие потеряны безвозвратно. Еще в середине XIX века, как гласит рукопись, церковь Успения Святой Богородицы обветшала, и тогда кузоменский крестьянин Алексей Петрович Заборщикова взял на свои средства произвести все необходимые работы. И в 1889 году завершил свой труд. Наверное, и сегодня мог бы найтись подобный энтузиаст, да не позволят. А есть ли, спросят, у тебя разрешение министерства на строительные-реставрационные работы? Да и вообще, кто ты такой и по-

чему тебе больше других надо? И ведут второй десяток лет мурманские работники культуры переписку с Владимирскими научными мастерскими, и пылится в шкафах проект реставрации. Да простят меня наши руководители, но в данном случае, говоря об их действиях, невольно вспоминаешь пословицу: «И сам не гам, и другим не дам».

Не буду оригинален, если начну сейчас вспоминать далекое прошлое и плакаться в жилетку, пересказывать байки о самобытном словаре поморов и добротных рубленных северных избах. Все так. Но не этим живут нынче селяне. Красоты, экзотика – они для туристов, гостей. А мужиков и баб больше волнуют, например, сроки доставки в Варзугу бензина, без которого стоят зимой снегоходы, а летом приходится как сто лет назад на шестах поднимать вверх по реке лодки-плоскодонки...

В одном из походов по побережью моим проводником был опытный и удачливый охотник Антонин Павлинович Чунин. Однажды мы с ним вышли на заповедную речку Кицу – левый приток Варзуги. Остановились отдохнуть в скрытой от лишних глаз промысловой избушке. И мое внимание привлекла каменка, выложенная из плоских красноватых камней. Такая порода характерна для аметистовых жил, к ней крепятся друзья этого полудрагоценного камня.

На вопрос Антонин Павлинович ответил утвердительно – да, обычные камни через несколько лет трескаются, покрываются копотью, а эти всегда чисты и очень прочны.

– А где же сами аметисты? – полюбопытствовал я.

– Пришлось их сколоть. Нам эти безделушки ни к чему, а для каменки опасны: при нагревании светятся и выделяют какой-то ядовитый газ...

Не для красного словца рассказал я этот эпизод. С подобным месторождением аметистов (а их, кстати, на земном шаре лишь два – в Бразилии, и у нас, на Терском берегу) можно сравнить все южное побережье Кольского полуострова. Надо только суметь увидеть и понять красоту и ценность полудрагоценного камня, который в умело сделанной оправе станет украшением области. И не торопиться брать на хозяйственные нужды пустую породу, скалывая сиреневые друзы.

Варзуга – одно из самых многолюдных нынче сел побережья. Здесь я как-то гостил несколько дней в семье Поповых.

Хозяйка дома Капитолина Михайловна – пенсионерка, участница знаменитого Варзугского поморского хора. Народные певуны – Попова среди них чуть ли не самая молодая – легки на подъем, с удовольствием ездят, когда приглашают, в областной и район-

ный центры, а то и в Москву на ВДНХ. Но с годами слабеют голоса запевал, а подхватить песню некому. Одни и те же слова по-разному произносятся в городской квартире и на берегу реки-кормилицы. По-разному и песня поется. Для приезжих она как бесплатное приложение к командировке, этакая местная достопримечательность. Для других, может, даже не часть, а вся жизнь с ее радостями и бедами, молодостью и старостью, вечерними посиделками с подругами и тяжелым ежедневным трудом рыбачки.

Пацанкой вместе со стариками сидела Капитолина Михайловна в годы войны на тони, семью кормила. Потом вышла замуж, дети пошли. Выросли незаметно, поразъехались. Нынче рядом остался лишь младший – Геннадий.

Но не только от мизерных трудодней рвались люди в города.

Восстановление народного хозяйства, индустриализация страны – стройки и заводы нуждались в дополнительной рабочей силе. И она пришла из деревни.

Сегодня уже наметился и набирает ускорение обратный процесс – тяга людей из города в село, от комфорта и стрессов в обезлюдившие, забытые деревни. Будь то в Сибири, в центре России, на Терском побережье. Но возвращаются младшие варзужане, от-

служив в армии, в отчие дома, к стареющим родителям, а в колхоз работать идти не спешат. Уж лучше в лесничество, в рыбоохрану или на сельский аэродром? на оклад в 85–90 рублей, хотя на денежных тоневых участках в бригадах не хватает рыбаков. В чем же дело? Нет, наверное, у парней уверенности в том, что будут они всю жизнь трудиться в колхозе. Желание, силы, подходящие специальности есть, а уверенности – нет. Уверенности в том, что смогут они найти на селе невест и удержать их здесь, что если не через год-два, то через пять-десять лет не ликвидируют колхоз совсем, не укрупнят, как это было после войны с другими хозяйствами Терского побережья, что всерьез и без кампанейщины пойдет экономическое и социальное возрождение старинных поморских сел периферийного района.

Конечно, вспоминать минувшее и критиковать день нынешний проще простого. И все же просчет кроется в том, что за принимаемыми планами и цифрами отчетов мы порой не видим тех, для кого берег – не тысячи гектаров сенокосных угодий и заповедные семушки нерестилища, а кровная родная сторона, где есть и покосившиеся кресты родительских могил, и сегодняшние сельские новостройки.

Как щедрый хозяин, прижав буханку к груди, надевает путника солидной краюхой свежего хлеба, так и

полярный круг, не скупясь, отмахнул своим солнцеворотным лезвием Беломорское побережье Кольского полуострова. Терский берег – южный берег. Еще до мая ветер играючи пропихнет ледовые поля через беломорское Горло. А стоит ветру перемениться – и на глазах исчезнут искрящиеся на солнце километровые разводья чистой воды. Распрямясь, ледовая пружина потеснит береговой припай, черными ропаками оставит на горизонте тихоходные суда.

В это время года в терских селах гостей мало. Знающие люди не испытывают больше судьбу, потопив уже однажды печь в колхозной гостинице. неделю-другую в ожидании лётной погоды. Любителям же экзотики делать нечего: одинокими погорельцами сторожат побережье живописные летом тоневые избушки. И кажется, что злой ветер выдул из них последнее воспоминание о человеческом тепле.

Мало кто, добираясь из Тетрино в Чапому, не рассчитывает отдохнуть, обогреться чайком в доме Семена Семеновича Чеченина. Он до последнего времени был одним из трех, да и то «неофициальных» жителей Стрельны.

После революции интервенты сожгли старое село, но люди отстроились вновь, ближе к морю. Послевоенное экономическое развитие Терского района постепенно, но теперь уже навсегда, стерло Стрельну

как населенный пункт с географических карт. Да, отдельное село может быть занесено в список перспективных. Но в каких списках сохранить человеку святое чувство отчего крова?

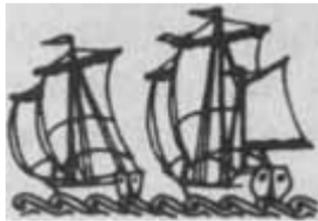
В углу жилой части дома, у широкой русской печи с полатями закипает самовар. Семен Семенович ставит на стол кружки, сахар на блюдечке, тарелку с кисловатым самодельным белым хлебом. И разговор, как обычно в таких случаях, заходит о судьбе медленно умирающего села...

Дорогое, заветное острее чувствуешь издалека, в разлуке. Так получается нынче и с Терским берегом. Сейчас кажется, что встречался я там не с теми людьми, задавал им не те вопросы, забывал главное, порой жизненно необходимое. Хотя настоящий человек, как драгоценный камень, не нуждается в лакировке. На солнце так или иначе блеснет острая грань кристалла, осветив память неслучайными встречами, наполнив блокнотные записи живыми голосами попутчиков.

Говорят, что Терский берег надо пройти пешком. От села к селу, останавливаясь на ночлег на гостеприимных рыбацких тонях. Привыкнуть, вобрать в себя свет полярных ночей, когда солнце за каких-нибудь полчаса скатится по склону сопки с запада на восток, и, зацепившись за сосну, вскарабкается по ее ветвям

и вновь заиграет чешуйками воды, превратив море в одну серебристую рыбину. «И радость, и горе помору – все от моря», – поговаривали в старину. Какое-то тревожное чувство остается после каждой встречи с берегом. И чем чаще, тем острее. словно дали тебе прикоснуться к давно забытому, почти неосязаемому, что в детстве, давным-давно, хорошо знал и понимал. А с годами забыл, замутил... И, ломая породу, взрывая скалу, выгребают добытки из кладовых мыса Корабль ободранные аметистовые щетки. А в то же время где-то на склоне Варзуги поднимет путник сиреневую гроздь кристаллов, удивится ее чистоте. И, оглянувшись вокруг, будто впервые увидит этот лес, открывшуюся за речным поворотом деревянную церквушку.

Родимая сторона. Заполярное Нечерноземье.

4. Мурманский берег

Из путевого блокнота:

«5 июля. Вечер.

Закончилась дневная вахта.

Мы с Дмитриевым в казенке.

„Птица счастья“ повернулась к югу и слегка раскачивается.

По курсу Дальние Зеленцы...»

На этом запись обрывается. Но мне, сегодняшнему, достаточно нескольких прыгающих строк из путевого блокнота, чтобы вспомнить и пересказать впечатления тех дней.

Каждый человек живет в своем, особом временном измерении. Счастье, когда неотложные дела захлестывают тебя целиком и держат в постоянном напряжении. Когда кажется, что нет и не может быть важнее именно этой, ближайшей и вполне достижимой цели. И так день за днем, как бьющие в борт волны вечно живого моря.

Вечно живого? Да как сказать...

Итак, Дмитриев с трудом примостился на своей узкой дощатой лежанке-банке и заполняет судовой журнал. Изредка спрашивает – уточняет:

– В котором часу встретили мотоботы мурманского

училища?

– К концу ночной вахты, часа в четыре. Две штуки, шли на восток.

– Так... А Семиостровье проходили днем...

– Днем. И течение было встречное, узла четыре.

– Как узнал?

– А помнишь буй у Харлова острова? Стоял как на стремнине, аж кильватерный след тянулся.

– Это точно...

Наш диалог недолог. Виктор прячет журнал и через минуту уже спит, забыв снять свисающий с груди бинокль. Засыпаю, наверное, и я, успев сделать лишь куцую запись в блокноте. И вот сейчас, живя уже в другом временном измерении, который раз прокручиваю в памяти события тех дней. И стены городской квартиры растворяются, клочьями тумана прячутся в распадках сумрачного мурманского побережья. Все реальнее полумрак пропитанной смоляным духом казенки, где над изголовьем рядом с маленьким квадратом оконца свисает на тонкой нити лучинная «птица счастья» – подарок архангельских поморов. Как давно это было? Да всего лишь неделю назад, неделю с суматошно-радостным дождем при выходе из дельты Северной Двины; штормовыми порывами ветра в проходной открытой салме у острова Сосновец; извечным святоносским сувоем; океанской морской зы-

бью у северо-восточной оконечности Кольского полуострова... Берегом Ломоносова называют эту землю, куда отец будущего гения российской земли Василий Дорофеевич «начал брать его от десяти до шестнадцатилетнего возраста с собою каждое лето и каждую осень на рыбные ловли...»

Каков же он, этот берег, сегодня?

– Вот и опять к моей вотчине подходим, – невесело шутит кок Владимир Вешняков, стоя на палубе и рассматривая в бинокль показавшиеся по курсу Харловы острова. Один из них, действительно, Вешняк, и это уже третий за наш недолгий путь остров с таким названием. Может, просто выдаётся он дальше, выше прочих остальных семи островов архипелага, в море – потому-то и назвали Вешняком? А еще вешняками нарекли бедных крестьян-покрученников, что отправлялись пехом через леса и мерзлые тундры к мурманскому берегу (не в пример промышленникам-летнякам, прибывавшим на рыбные промыслы в июне на лодьях, когда беломорское Горло очищалось ото льда). Или стояли на острове архангельские поморы, ведя весновальный, весенний промысел морского зверя – били тюленя или моржа и подтаскивали снятые шкуры-хоровины к острову? Трудно сейчас судить, как не может и архангелогородец Володя Вешняков сказать' наверняка, были ли избы-станови-

ща именно его предков в этих местах, ведь раньше каждый мало-мальски длинный поморский род имел здесь, на краю студеного моря, свои наделы. Теперь же побережье пустынно: редко где рядом с маяком можно заметить жильё. И хотя свежий ветер с каждым вдохом переполняет грудь, а морской простор, казалось бы, заполнил самые укромные уголки души – чувство такое, как будто подходишь ты не к заповедному Семиостровью, аходишь в заброшенный дом, где давно выветрился жилой дух. И белые просоленные бревна полусгнивших срубов на островах как белые обглоданные кости вымерших доисторических чудовищ. Останки фантастической и далекой жизни, исчезнувшей на нашем с вами веку за каких-то несколько поколений, вместивших в себя орудийный выстрел «Авроры» и Соловецкий лагерь особого назначения, красный флаг над Рейхстагом и последнее, 60-х годов укрупнение северных колхозов, ядерные взрывы на Новой Земле и начало промышленной добычи нефти на шельфе арктических морей...

4 Московский писатель Андрей Никитин

Входим в Семиостровье между Вешняком и Зеленцом, где «с моря... чисто, хотя и велика бывает зыбь, но глубоко», как гласит одна из поморских лодий. Кстати, почему Зеленец, если острова архипелага больше похожи на высокие гранитные утесы, чем на среднерусские травяные лукоморья? Вот вам еще одна загадка. И ее вряд ли разрешит тот, кто не знает особенностей поморского зверобойного промысла: по весне вместе со льдом ветра и течения выносят из Белого моря лежки тюленя-утельги с народившимися детенышами. Так вот они-то, детеныши тюленя, и имеют зеленоватый оттенок, который через день-два исчезает, а мех зверя становится пушисто-белым. Таким образом зеленец превращается в белька; белек через десять-двенадцать дней в хохлушу с рыжеватым подшерстком; хохлуша, в свою очередь, в серку... Впрочем, может я и ошибаюсь, так как в те июльские дни остров Зеленец мало походил и на только что народившегося тюленя...

Весь экипаж поднялся на палубу – как раз подошел долгожданный обед. Располагаемся у грот-мачты, расставив миски на покрытой клеенкой слегка покатою, сделанной под конус крышке трюма. Кач-

ки практически нет, так что комфорт обеспечен, если учесть, что это первый за последние два дня обед по полной, как говорится, программе: горячий суп из тушенки с картошкой и сушеной морковью, гречневая каша с банкой пастеризованного молока, чай с пряниками.

Вешняков молодец. Крепитесь и не подает виду, что болит рука, – обваренная крутым кипятком кожа с его предплечья сползла и мы несколько раз меняли тугую повязку, густо смазав ожог какой-то мазью из судовой аптечки. Я же до сих пор удивляюсь, как вообще на небольшом пяточке у печки-буржуйки, установленной в общем кубрике в самом носу коча, можно пусть даже в слабую болтанку умудриться что-то приготовить.

Каждый, чем может, помогает коку. Поначалу мы приглядывались к Вешнякову, ведь он был единственным новичком в нашей ватаге. Но вскоре непосредственность и спокойствие, тактичность и трудолюбие Володи были оценены по заслугам. А также профессионализм – именно благодаря мастерству кинооператора архангельской студии телевидения Владимира Вешнякова один из сюжетов «Клуба путешественников» был посвящен нашему переходу. Но об этом мы узнаем через полгода, а пока... Пока что входим в Семиостровье, предварительно срубив паруса и заведя буксир на «Груммант», чтобы без лишних хлопот

и неожиданностей проплыть между островами. И, удобнее устроившись на палубе и вооружившись фото- и кинокамерами, запечатлеть знаменитые птичьи базары. Подобная морская прогулка могла бы стать заманчивой целью любого туристического маршрута. Но архипелаг – часть Кандалакшского государственного заповедника, куда запрещен доступ судам. Но что значат все эти запреты для малой части нещадно эксплуатируемого Баренцева моря с его отравленными нефтяными сбросами водами и подорванными рыбными запасами?

...Каменные утесы вертикально спускаются вниз и трудно понять, что там – зеркальное отражение нависших над нами скал или уходящие в глубину основания островов. Вода чистая, как протертое спиртом стекло компаса. В расщелинах, на едва заметных выступах камня примостились черно-белые кайры. Их не пугает слабый стук движка «Груманта» – птичий базар спокоен. Или мы пришли сюда в неурочный час, когда основная купля-продажа уже закончилась? А ведь это шутовское сравнение недалеко от истины, если под часом подразумевать последние несколько лет.

Пока ребята с увлечением щелкают затворами фотоаппаратов, нацеленных на элегантных кайр, доверчивых гагар и яркоклювых тупиков, попробую пере-

сказать то, о чем поведали мне коллеги из кандалакшского клуба «Гандвик», которые за несколько лет до нас побывали в Семиостровье и сделали отличный фильм с грустным названием «Они уходят от нас». На кинокадрах навечно остались погибшие от голода птенцы и взрослые птицы. Иногда большие морские чайки, умерев, сохраняли естественные позы. И казалось странным, почему не взлетает при появлении человека спокойно сидящая птица. А она, оказывается, прислонилась к камню, чтобы тихо умереть...

Помню подводные киносъёмки, когда на смену зарослям морской капусты, россыпям морских ежей, щупальцам-отросткам кумарии-голотурии, похожим на веточки кустов, вдруг выплывал мусор, усеявший дно бухты. А на поверхности – радужное пятно солянки. Ближе к берегу – бревна, бочки, ржавый металл, яркий пластик экзотических бутылок. Современная интернациональная свалка, созданная Гольфстримом и нашим бескультурьем.

Здесь, на птичьих базарах Семиостровья, эхом отозвалась экологическая драма всего Баренцевоморья. Сначала люди уничтожили – выловили сельдь, затем мойву, осталась непромысловая песчанка – последняя из стадных рыбешек, служащих основой питания колониальных птиц. Но однажды работникам заповедника потребовалось всего несколько десят-

ков песчанок, чтобы произвести их размерный анализ. Ископав песок на границе отлива, они не нашли ни одной рыбки. Ушли в более сытные дальние воды дельфины. Ушли подальше от родных берегов армады промысловых кораблей. А что остается делать птицам? Как и люди, они или умирают на родине, если не могут бросить обжитых мест, или покидают их. Вот что пишет о баренцевоморской драме член-корреспондент Академии наук СССР А. Яблоков в статье «Сбережем ли среду обитания?» (газета «Правда» от 13 января 1989 года):

«Печальным примером экологической катастрофы в океане является судьба Баренцева моря. В 60-е годы здесь был допущен преступный (иначе не назовешь!) перелов трески и сельди. Затем рыбная промышленность СССР и Норвегии переключилась на сайку и мойву. К 1988 году удалось выловить их практически полностью. Мойва и сайка были ключевыми видами в экологической системе Баренцева моря, основой питания трески и сельди, морских птиц и тюленей. Без достаточной пищи птенцы чаек и кайр несколько лет подряд погибали от истощения, общая численность этих птиц сократилась в несколько раз.

Обитающее в Баренцевом и Белом морях стадо гренландского тюленя, почти полностью истребленное к концу 50-х годов, к середине 80-х было с боль-

шим трудом восстановлено. Этот вид до Последнего времени давал высококачественную продукцию поморским хозяйствам. За 1986–1988 годы численность этих тюленей сократилась вдвое. В отчаянных поисках пищи тюлени третий год в массе мигрируют к берегам Северной Норвегии. Здесь только в прошлом году 60 тысяч их погибло в прибрежных сетях норвежских рыбаков. Баренцево море, еще несколько лет назад дававшее миллионы тонн рыбы, теперь на многие десятилетия потеряло былое значение».

...«Птица счастья» отвернулась от меня – вытянув лучинную шею, она стремится вперед, на запад. До полуночи, начала нашей вахты, еще минут сорок. Но Дмитриева в казенке нет. Поднимаюсь и я. Не без труда натянув на ноги непросохшие резиновые сапоги, откидываю крышку люка, выползаю на палубу. На море штиль. Капитан вызывает по радиации «Грумант», решает зайти – отстояться в Зеленецкую бухту – надо пополнить запасы солянки, вызвать врача для Володи Вешнякова. На траверзе Большой Олений остров. Где-то здесь, в высоких каменных берегах губы Щербенихи, расположено древнее родовое становище Ломоносовых – Кекурское.

«...От города Архангельска до становища Кекурского всего пути едва на семьсот верст, скорее около оно-го времени не поспевал как в четыре недели, а один

раз в шесть недель», – записал в одном из своих сочинений Михаиле Васильевич, восстанавливая по памяти поездки к местам дедовского промысла. Вот так – четыре-шесть недель, а мы, имея лодью с сорока-сильным движком, преодолели за четыре дня! Арифметика для простачков: без «Груманта» на одних парусах крутились бы до сих пор у Сосновца.

В укромную, защищенную от ветров бухту мы вошли ночью, встали «на бочку». Для непосвященных в морскую терминологию поясню: «бочка» она и есть бочка, закрепленная мертвым якорем рядом с берегом. То есть обыкновенный швартовный буй, в качестве которого чаще всего и используют пустую, запаянную со всех сторон железную бочку.

В нескольких десятках метрах редкими огнями светились Дальние Зеленцы – поселок, название которого говорит само за себя. Правда, зелени на берегу нет и в помине, но и дорог – тоже. По иронии судьбы именно здесь находится Мурманский морской биологический институт Кольского центра Академии наук СССР, и добираются ученые мужи к своим лабораториям и письменным столам либо раз в две недели рейсовым катером, либо по тундре на гусеничном ходу. Надо же хоть первую часть названия поселка как-то оправдать...

Днем встали к причалу, длинные подгнившие дос-

ки которого запружинили и застонали под нашими ногами. Кто отправился разыскивать почту, чтобы дать весточку о себе родственникам, кто в магазин – поглазеть, чем же забиты прилавки столь отдаленных мест. Договорились с председателем сельсовета и о банке, которую нам пообещали организовать на другой день. Что ж, за отсутствием иных развлечений на чпрод Володя Панков дал команду перебрать продуктовые запасы. Наверное, и читателю будет небезынтересно узнать, что же находится в трюме коча.

Особая наша забота – бак литров на двести, под завязку наполненный еще в начале пути холодной онежской водицей. НЗ, качество которого проверяется ежедневно. Рядом с ним – несколько канистр с бензином для лодочного мотора и принайтованный к борту объемистый бочонок, в котором плавают два десятикилограммовых куска сливочного масла. На полках, вытянутых вдоль бортов, разместились картонные коробки с сахаром и конфетами, чаем и сухарями, пачками сушеных овощей и пакетами с вермишелью, банками сгущенного и пастеризованного молока, наборами супов, солью, консервами. Кстати, после недолгого совета было решено несколько коробок мясных консервов – нашей единственной «разменной монеты» – обменять в магазинчике на яблочный компот. Что и сделали, получив вдобавок свежий

хлеб и мешок картошки. Отведали и сливок с творогом – продукцию подсобного хозяйства академического института. Говорят, местная газета как-то сообщила, что, мол, биологи отстают по надою молока от других хозяйств района. Не знаю, как дальнезеленецкие коровы отреагировали на это серьезное обвинение, но лично меня больше интересовала основная деятельность морских ученых. С этой целью и состоялся визит членов экспедиции в двухэтажное здание института, архитектура которого, как утверждают краеведы, полностью повторяет облик первой биологической станции Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, открытой на Соловках в 1881 году.

Ничего не хочу сказать против конкретных людей, с кем удалось познакомиться и узнать их взгляды на баренцевоморские проблемы. Удручает одно: ученые могут лишь прогнозировать и констатировать возможные последствия, никоим образом не влияя на тактику и стратегию промышленников в лице Минрыбхоза и различных нефтедобывающих ведомств. Оценивая состояние сырьевых запасов моря как кризисное, они подкрепляют свои слова следующими цифрами: если еще недавно мировой вылов рыбы достигал 3–4 миллионов тонн в год, из которых на долю СССР приходилось до полутора миллионов, то за последние три года весь промысел рыбы в Баренцевом море сокра-

тился до 600 тысяч тонн. Рыбы просто нету-ти, ведь нашей стране надо было выполнять продовольственную программу, борясь за каждую лишнюю тонну, а норвежцам решать проблему занятости рыбаков. Что ж, вот и выполнили, вот и решили...

5 Председатель клуба «Полярный Одиссей» Виктор Дмитриев

Наутро нам повезло – рядом у причала ошвартовался небольшой крепыш – МРТК из Териберки. МРТК– это малый рыболовный траулер кормового траления для прибрежного промысла, которым руководит потомственный архангельский помор Владимир Петрович Рябинин. И поведал нам капитан, как просчиталось правление колхоза, купив эти суда аж в Ялте и перегнав их на Север. Задумка была хорошая: короткими, одно-двухсуточными рейсами снабжать местный рыбзавод треской да пикшей. Думали, что свои 5–6 тонн всегда наловят. Ан нет – не только людям, чайкам уже стало не хватать.

– Однако современным поморам бочонок свежей рыбки всегда выделим, – сказал капитан на прощание. И сдержал слово. На этом закончился наш натуральный обмен с жителями Дальних Зеленцов. А повеселевший Володя Вешняков, чья рука счастливо заживала, в первый же ужин после выхода в море нажарил отдохнувшей команде две сковороды свежей тресковой печени.

Из путевого блокнота

«8 июля. Вечер.

Ветер крутит – то нагонит дождевые тучи, то вытолкает их с небосвода взашей, освободив место неяркому арктическому солнцу.

По курсу остров Кильдин. Мешает встречное юго-восточное течение, уйти от которого можно лишь в сорока-пятидесяти милях мористее. Но решили пробираться „по кирпичикам“, то есть в максимальном приближении к берегу. Если выдерживать среднюю скорость до пяти узлов, то через неделю будем у острова Медвежий (теоретически). Идем лагом, насколько возможно маневрируем парусами, удерживая курс на запад при северном ветре. Дважды при крупной зыби волны перехлестнули через борт, прокатились по палубе коча.

Утром доели вчерашнюю уху. Слили тузлук из бочки с пересыпанной крупной солью и выпотрошенной треской. Настроение у команды благодущное: как-никак все пока идет нормально».

Не знаю, интересны ли читателю эти сделанные наспех заметки. Но без них мне самому трудно нынче проследить в общем-то однообразные походные будни. К концу первой недели плавания (веду отсчет времени от официального старта экспедиции в Архангельске) все мы пообвыкли в новой для себя роли средневековых мореходов. И стали намного сплочен-

нее, дружнее, внимательнее друг к другу. Осознав, что никто и ничто не выручит в критическую минуту, если не будет рядом надежной руки товарища.

В каждом маленьком замкнутом коллективе резко проявляются симпатии и антипатии, и ничтожное недоразумение может стать причиной для раздражения и нешуточной ссоры. Чем погасить их, какой огнестойкий раствор способен сцементировать экипаж? Наверное, только чувство ответственности за общее дело. И здесь надо отдавать должное нашему капитану.

Во-первых, Дмитриев сам был поставлен в довольно-таки неловкое положение, ведь значительную часть пути пришлось следовать на буксире за лодьей. И недоразумения в отношениях между капитаном «Груманта» Ростиславом Гайдовским и руководителем экспедиции Виктором Дмитриевым при таком раскладе событий были неизбежны: тот и другой считали себя опытными мореходами, хотя в манере поведения и в практике судовождения резко разнились. Говорун и балагур, Гайдовский при всей своей большей частью напускной лихости был профессиональным штурманом, а в свое время и самым молодым капитаном транспортных судов на Северном бассейне. И удачнее кандидатуры на его сегодняшнюю должность вряд ли кому удалось бы найти. Дмит-

риев же более прямолинеен, скромн, черты его характера как формального и неформального лидера неброски, а в будничных ситуациях и незаметны. Не имея штурманского диплома, Виктор обладает качествами, по которым и выбирались в досельные времена кормщики: ответственностью не просто за благополучный исход предприятия, но и за жизни товарищей; не поддающейся логике интуицией, основанной как на доскональном знании судоходных свойств построенных своими руками судов, так и на практическом опыте именно прибрежного плавания и связанных с ним опасностей. Наш капитан прекрасно понимал, что советами и распоряжениями, передаваемыми им по радиации на «Грумант», он только нервирует Ростислава. Но можно простить и Виктора, оказавшегося в роли ведомого в выстраданном и организованном им походе.

Во-вторых, Дмитриев смог очень удачно, на мой взгляд, разбить экипаж «Помора» на вахты, руководствуясь при этом весьма тонкими психологическими наблюдениями. Хотя выбор был невелик: три Володи, два Вити, Юра и Саша. Но о каждом по порядку.

Александр Скворцов по судовой роли числился заместителем начальника экспедиции по научной работе. И для него в нашем походе счастливо сочетались непосредственные научные изыскания, связанные с

основной деятельностью в НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, и увлечение парусным спортом. Высокий, атлетического телосложения москвич, он без лишних слов один ставил и убирал грот-парус, о чем я, канцелярская крыса, не мог и мечтать, путая поначалу шкоты с брасами.

С ним в паре стоял вахту наш «великий коми», как незлобливо прозвали мы рассудительного, всегда подчеркнуто вежливого сыктывкарца Володи Королева. Работая в Печорском пароходстве капитаном тральщика, он по состоянию здоровья осел на берегу, с головой ушел в общественную жизнь края, смело начертав на своей визитной карточке два слова: «краевед и путешественник». Думаю, что в длинные, тягучие часы между склянками им было о чем поговорить, хотя, должен заметить, профессионализм Скворцова и самодеятельные знания Королева не позволяли обоим быть запанибрата. А значит, в случае чего, и брать вину на себя, выручая товарища. Своеобразная дистанция во взаимоотношениях в данном сочетании служила надежным основанием для взаимной ответственности.

Владимир Панков мой земляк. Преподает в Мурманском высшем инженерном морском училище на кафедре физики. Мужик крайне башковитый, себе на уме, с четко выраженными привычками и складом

мысли. Сам напросился в одну вахту с Юрием Колышковым – незаметным и незаменимым в экипаже человеком. Легкий, мускулистый, Юра может подняться на руках на мачту или вползти на кончик бушприта, чтобы поправить запутавшиеся снасти и связать конец одному ему известным узлом. Есть такие люди, которые нарочно в общем строю стоят позади остальных. Как бы оберегая чувство собственного достоинства и иронично поглядывая на выскочек. Я говорю о Панкове и Колышкове, мурманчанине и петрозаводчанине, матросе и боцмане коча «Помор».

Наконец, наша с Дмитриевым вахта. О Викторе я уже рассказывал, о себе... Наверное, поставил меня капитан рядом с собой для подстраховки, как самого неумелого в подобных плаваниях человека. Постараюсь хоть этими заметками как-то компенсировать быструю беспомощность.

Ну а Володя Вешняков... Вновь как наяву вижу: вот он, мелко семеня, словно танцуя, перебегает по уходящей из-под ног палубе с бака на корму, Держа на вытянутых руках кастрюлю наваристого борща. Что ж, обед – дело святое. Примерно в четыре пополудни, в смену вахт, этот час был для всех нас временем не только физического, но и душевного отдыха. Усевшись поудобнее, травили байки, наливая по второй и третьей кружке чая из ведерного самовара.

Дмитриев нынче жалуется на кошмарные сны, основной причиной которых считает слишком благодушный настрой команды. Мол, привиделось после ночной вахты, что не по морю на парусах, а по берегу волоком тащим мы коч, спотыкаясь о кочки и царапая днище острыми камнями:

– Проснулся в холодном поту, глянул в оконце – нет, плещется, родимое, на сердце отлегло – отпустило. А ведь, ребята, случайностей может быть масса...

Так вот куда клонит капитан, недаром педвуз закончил – каждое слово, даже сон ему в лыко для нравоучительных речей. Кто о чем, а он вновь о бдительности да дисциплине. И зря – не дал пока никто из нас даже повода для серьезной взбучки. Хотя оно, конечно, правильно: знал бы где упасть – соломку подстелил. Вот оборвется буксир, а до берега метров тридцать, разве успеешь весла по бортам вставить, от скал отжаться? О парусе и не говорю, раз противняк дует. Тот же мыс, что у Кильдина в губу вдается, Могильным нарекли не зря. А озеро на берегу Мертвым называется...

Всегда интересно слушать байки Саши Скворцова. Нет, пожалуй, в Арктике мало-мальски известного острова, где бы не побывал он с экспедициями. Вот, например, рассказывал нынче о Вайгаче: изо дня в день один и тот же пейзаж – красиво, холодно, величаво, но

нет места в нем человеку с его страстями и надеждами... Идешь по тундре – а куда, зачем? Изба, рация, лодка – жизненный круг замкнулся. Шаг в сторону – и безвременье. Какой век, какая эпоха, ау-у!..

Или взять новомодную гипотезу, что человек зародился не где-то в субтропиках, а именно здесь, в высоких широтах. Мол, всякие там биомагнитные и прочие поля, которые испускаем и принимаем мы сами того не ведая, в масштабах планеты естественно сходятся в Заполярье. А чувство сопричастности с космосом, душевное равновесие, приходящее в Арктике, – шуточки? Звуки, запахи, великое однообразие, но подсознательно все время ловишь себя на мысли, что когда-то – когда? – ты уже это все чувствовал, видел, ощущал...

Однако выходим в Кильдинскую салму. Зыби почти нет. Чайки сидят на воде – к перемене ветра или просто ленятся лишний раз подняться? По левому борту проплывают три холма, три брата-богатыря, рожденные сползающим к морю ледником. Решаем встать на якорь, дождаться утра. Оно, как говорится, вечера мудренее.

Из путевого блокнота

«9 июля. 5 часов утра.

Не дождавшись рассвета, – хотя какие рассветы в разгар полярного дня? – снялись

с якоря. Не захотел Дмитриев отдохнуть – покемарить во время нашей капитанской вахты с нуля до четырех утра. Что ж, хозяин – барин.

Небо развиднелось. Пошли с отливом – на море почти полный штиль. Парус, как мужик с похмелья: то, надув щеки, пробежит – протянет коч что осталось сил, то обвиснет, отдыхая и цепляясь за грот-мачту. По курсу выплывает ступенчатая громада западной оконечности острова Кильдин с почти отвесной каменной стеной Ножовкой. С ней, помнится, связано какое-то предание – надо будет по возвращении посмотреть в своем архиве.

Ножовка ежеминутно меняет очертания: только что рельефно проглядывал профиль воина-великана с выпяченной верхней губой, а теперь стена похожа на доисторическое чудовище, которое в ужасе пятится от воды и приседает на мощный гофрированный хвост. Бежать некуда – вокруг море...

Сотнями лучей брызнуло в глаза солнце. Даль распахнулась, будто стоишь не на низкой падубе вровень с плещущей о борт волной, а вслед за чайкой поднялся на недостижимую высоту и купаешься в воздушных потоках. С бьющимся сердцем вглядываюсь в знакомый фарватер Кольского залива, силясь увидеть Мурманск и свой дом, окна нашей квартиры, оставленной без малого месяц назад. Понимаю, что напрасно, но

в такие минуты ждешь чуда.

Сегодня воскресенье, День рыбака. Как-то друзья-мурманчане планируют его встретить? Для меня же нет лучше подарка, чем это ощущение непередаваемого словами простора внутри себя и вокруг: по корме вчерашним днем прячутся в береговых распадках бывшие шторма и разочарования; по курсу виден легендарный полуостров Рыбачий с еще неосознанными тревогами и надеждами; справа бьющее в глаза солнце, на полпути к которому вот так же и сто, и двести лет назад ждал мореходов батюшка Грумант; слева – широкие ворота Кольского залива, над которыми в расступившихся облаках куском махрового полотенца зависла радуга. „Божьим оком“ называли это цветастое чудо поморы.

Что ж, в добрый путь».

6 Сыктывкарец Владимир Королев

Здесь, на Кольском заливе, начинались и заканчивались пути-дороги бесчисленных морских экспедиций. Уже в XIII столетии вышли на Мурманский берег первые ватаги новгородской вольницы, а пройдя многоверстным фьордом, оседали на наносном мысу слияния двух рек – Колы и Туломы. Рос и укреплялся на этом месте городок, оказавшийся впоследствии столь твердым орешком, что о него обломали зубы многие джентльмены удачи. Когда в 1556 году английский корабль с красноречивым названием «Ищу наживы» бросил якорь на рейде Колы, увидели иноземцы не менее тридцати русских парусных судов. И по свидетельству Стивена Барроу, все они были «намерены плыть на север для боя моржей и ловли лососевых рыб». Хотя и ошибается, верно, известный путешественник – семги-краснорыбицы и в самой Коле хватало всем вдоволь, а вот моржовый клык, действительно, был в цене и за ним-то отправлялись отважные мореходы и на полночный Грумант, и восточным ходом к матушке Новой Земле.

Западноевропейский письменный источник конца XV века сообщает, что людьми московских князей «под суровой звездой арктического полюса был от-

крыт большой остров». По-видимому, это был именно Шпицберген, и его первооткрывателями оказались жители Колы, ибо другой документ свидетельствует, что «...в лето 7113 (1605) года во граде Самаре был человек поморенин, именем Афанасий, рождение его за Соловками на Усть-Колы. И он сказал про многие дивные чудеса, а про иные слышал. И ездил он по морю на морских судах 17 лет, и ходил в темную землю, и тамо тьма стоит, что гора темная, издали по верх тьмы тоя видать горы снежные в красный день».

7 Капитан лодьи «Грумант» Ростислав Гайдовский

Западноевропейский письменный источник конца XV века сообщает, что людьми московских князей «под суровой звездой арктического полюса был открыт большой остров». По-видимому, это был именно Шпицберген, и его первооткрывателями оказались жители Колы, ибо другой документ свидетельствует, что «...в лето 7113 (1605) года во граде Самаре был человек поморенин, именем Афанасий, рождение его за Соловками на Усть-Колы. И он сказал про многие дивные чудеса, а про иные слышал. И ездил он по морю на морских судах 17 лет, и ходил в темную землю, и тамо тьма стоит, что гора темная, издали по верх тьмы тоя видать горы снежные в красный день».

Каждый, кто, помолясь, выходил из Кольского залива, неминуемо бросал взор на черную громаду Кильдина. Так что же за предание сохранилось о каменной стене острова? Говорят, какой-то горе-промышленник от жадности полез на нее за птичьими яйцами, а на половине возвышения пришел в великий ужас, глянув вниз. И не смея спуститься, влез до самого верху по ношу, перетыкая его из одной щели в другую. Отсюда и название – Ножовка...

Много легенд рассказывают о древней мурманской земле, что пустынно раскинулась по стрижку коча. Ветер протрезвел, делаем узла три при попутном юго-востоке. Рация постоянно на приеме – береговые службы буквально «пасут» нас, провожая к границе: «Я Восход-Цыпнаволоцкий, Восход-Цыпнаволоцкий. Кто следует на запад в шести милях от берега?»

8 Москвич Александр Скворцов

Цып-Наволок. Северо-восточная оконечность полуострова Рыбачий. В укромной бухте этого мыса раньше располагался огромный по тамошним меркам торговый городок на 937 дворов. Хотя кто нынче назовет мне столь же многолюдное село в Беломорье или на Мурмане? Избы, солеварни, амбары, церковь... Городок рос как на дрожжах. Еще бы – здесь для меновой и беспошлинной торговли до середины XVII столетия стояли десятки кораблей из Норвегии и Дании, Северной Германии и Англии. Их трюмы были забиты шерстяными тканями и полотном, медью, чугуном, солью, мукой, серебряной и золотой посудой, водкой, табаком, кофе, сахаром... В обмен брали рыбу, наполняя бочки зубаткой, палтусом, треской, которыми в те годы изобиловали воды Баренцева моря. Не случайно, именно здесь на островке Аникиева сохранился своеобразный каталог высеченных в скале «визитных карточек» именитых купцов. Добрая половина из них принадлежит «фленсбургам» – заморским гостям из маленького княжества Шлезвиг, входившего в ту пору в состав Датского королевства. Сравнительно небольшое число имен норвежских мореплавателей на Аникиевой плите объяснить легко: по-

сещение Рыбачьего было для норвежцев повседневным делом. А кому взбредет в голову высекать свое имя-прозвище рядом с домом? Для русских же людей, изведавших опасности и трудности плавания в далекую «дацкую сторону», благополучное возвращение к родным берегам становилось радостным и торжественным событием. И тут-то, на пути домой, ставили они свои незатейливые надписи, высекая полууставом на голом камне:

**Федор Ив. Лузгин стоялъ
шоль в русь 1869 года 29 июля**

9 Археолог Вадим Старков

Нет, не смогли мы зайти – посмотреть каменную летопись Аникиева острова – попутный ветер торопил вперед, к новым и, казалось, более заманчивым открытиям. Однако позволю себе еще раз пересказать именитых предшественников и процитировать замечательного русского писателя-этнографа С. В. Максимова, который в книге «Год на Севере» записал столетие назад поморскую легенду о морском разбойнике Аникиеве, чьим именем назван этот остров.

«– А слышал ли, твоя милость, про Анику? – завершил свой рассказ хозяин.

– Нет, не слышал.

10 Участник экспедиции Виктор Георги

– Разбойник, вишь, был... Жил он около промыслов на Мурмане и позорил всякого, так что кто что выловил – и неси к нему его часть, без того проходу не даст: либо все отнимет, а не то и шею накостиляет, пожалуй, и на тот свет отправит. Не было тому Анике ни суда, ни расправы. И позорил он этак-то православный люд, почитай, что лет много. Да стряся же над ним такой грех, что увязался с народом на промысел паренек молодой: из Корелы пришел и никто его до той поры не знавал... А тут и Аника пришел свое дело править: проголодался, знать, по зиме-то. „Давайте, – говорит, – братцы, мое; за тем-де пришел и давно-де я вас поджидаю.“ А парень-то, что приехал впервые, и идет к нему на встречу: „Ну уж это, – говорит, – нечча оставь ты думать: не видать-де тебе промыслов наших как ушей; не бывать плешивому кудрявым, курице петухом, а бабе мужиком“. Да как свистнет, сказывают, он его, Анику-то, в ухо: у народа и дух захватило! Смотрят, как опомнившись: богатыри-то бороться снялись и пошли козырять по берегу. То на головы станут, то опять угодят на ноги, и все колесом, и все колесом... Кувыркаются они этак-то, все дальше и дальше, и из глаз пропали, словно бы-де в океан

ушли. Стоит это народ-от, да Богу молится, а паренек как тут и был: пришел словно ни в чем не бывало, да и вымолвил: „Молись-де, мол, братцы, крепче ворога-то вашего совсем не стало: убил“, – говорит. Да и пропал паренек-то. С тем только его и видели. Аника-то тоже пропал...

– Ты этому веришь, Егор?

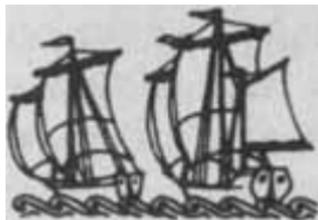
– В становище Корабельная Губа, подле Колы, островок экой махонький есть: зовут его Аникиным и кучу камней на нем показывают...

– Что же это такое?

– А, стало быть, Аники-то, мол, этого могила. Так и в народе слывет.»

Что любопытно: по свидетельству смотрителя Цыпнаволоцкого маяка еще в конце прошлого века действительно на горном кряже в обложенной по кругу камнями могиле были обнаружены останки мужчины огромного роста. Эту же легенду пересказывают датские хроники, подсказывая даже время единоборства – начало XVII столетия. И был разбойник не русским человеком, а иноземцем. Бились они по старонорвежскому обычаю, встав в выложенный из камней круг: поочередно ударяли друг друга в грудь, пока один не оказался за пределами круга. И Аникиев третьим ударом соперника был выброшен за каменную черту и повержен на землю, с которой ему уже не суждено бы-

ло подняться. Победитель скрылся, но полагают, что это был сосланный на Мурман за какие-то проказы боярский сын. А Аникиев мог быть выходцем из Шотландии, и прозвище, его образовано от имени Аннекин...

5. Норвежское море

Однако врут авторы многочисленных книжиц, популярно расписывая древних поморов, определяющих местоположение судна по звездам. Да, есть Большая Медведица, которая по-гречески зовется «Арктос», есть и Полярная звезда. Но не она служит путеводителем: за всю экспедицию мы ни разу не видели ни одной звезды. Ночи-то белые, ночи-то светлые, а зимой в плавание по арктическим морям не выходили. Значит, шли на солнце – вот он, единственный и верный ориентир в безбрежном просторе. Вслед за незаходящим солнцем, которое всегда там, впереди, где встречал мореходов желанный батюшка Груммант с его богатыми зверобойными промыслами и нехитрым мужским житьем-бытьем после длинных и трудных недель перехода. И, наверное, судовой быт средневековых поморов мало отличался от нашего.

Перелистну несколько страниц своего путевого блокнота. Хотя бы эти, от десятого июля.

«Днем была отличная погода: ветер несильный, попутный юго-восток. Поставили грот – скорость узла три. Небо безоблачное, лишь вдали над берегом небольшая „срока“ (можно сказать „хмарь“, „пасмурность“, но сам встречал в каком-то дореволюционном

издании это слово, очень точно передающее не только погодное явление, но и отношение к нему таких, как мы, мореходов).

У входа в фьорды крутоносые норвежские сейнеры ловят „кошельками“ селедку. Иногда подплывают к нам, и рыбаки приветливо-сдержанно машут руками. На гроте у коча развевается красный флаг с синим крестом в белой окантовке – как-никак идем норвежскими водами.

Палубу „Помора“ можно сравнить с небольшим деревенским двором: закипает самовар, на вантах подвываются крупные трещины – допдаек от териберских колхозников, разбросаны только что наколотые дрова для ночной протопки печки в общем кубрике, аккуратно собраны, в бухты концы рабочего такелажа. На люке трюма расставлены миски, кружки. Вечер, смена вахт, готовимся обедать.

На первое – уха (надоел суп с тушенкой). На второе – рыба жареная. И традиционный чай с сухарями.

Ребята расположились под парусом, в безветрии. Травят байки. Я прилег на корме, любясь светлым небом с длинными белыми облаками. Должно быть, к ветру. Одну руку свесил за борт – и вдруг кто-то довольно-таки ощутимо щиплет за палец. Послеобеденной дремы как не бывало – оказывается, это балуют летящие за кочем чайки. Отрезаю куски от развешен-

ной на вантах рыбы и кормлю с руки попрошаек. Чайки легонько и резко посвистывают, а схватив и проглотив очередной кусок, благодарят – „дай-дай-дай“. Их несколько десятков – сероватых светло-стальных летучих торпедок с белым брюшком и тремя черными полосками-окантовками на концах крыльев и на хвосте.

К, ночи ветер зашел с норда, а „срока“ растянулась от берега до горизонта. На нашей вахте, с полуночи, припустил крупный дождь. Срубили с парус, встали на буксир к „Груманту“. Все бы хорошо, но уж слишком болтает. Даже после ночной вахты трудно уснуть: тепло бросает из стороны в сторону и бьет о переборки. Лучинная „птица счастья“ беснуется над головой, выписывая уму непостижимые пируэты...»

Историки утверждают, что морской путь вдоль берегов Скандинавии был известен русским людям издавна. Вспоминают плавание из устья Северной Двины до норвежского города Тронхейма русского посольства во главе с дьяком Григорием Истомой, а также переход из Дании в Русь дипломатов Юрия Тарханиста и Василия Далматова в 1501 году. Красно речиво свидетельствует об этом и топонимика прибрежных мест, хорошо знакомых русским шкиперам. Поморские лоции не знают границ, называя Вардегуз Вагаевой губой, Баде-фьорд – Макорской, Конгс-

фьорд – Фониной губой, а «в ней острова, стоят под русской стороной за Малым Кукшином, а не за Высоким, внис идучи; от Малого Кукшина есть остров, от него есть в голомя поливуха...» И для нас, сегодняшних кочманов, пересечение государственной границы, разделившей воды единого моря, было чисто условным, больше – психологическим фактором. Преимущество в одном: выключили за ненадобностью коротковолновую радиостанцию «Причал», так как эфир был пуст. Оно и к лучшему – нечего зазря аккумуляторы сажать. А пока не столь далеко отбежали наши «Помор» и «Груммант» от русской земли, перескажу легенду о «Валитовом городище», закрепившем новгородские владения на Крайнем Севере.

Рассказывают, что Мурманскую землю привел под свою власть карельский владетель, посаженик Новгорода – Валит. И в знак победы над «немцами» Валит поставил «на Варенге, на побоище немецком, камень в высоту от земли более косые сажени, а около его... городской оклад в 12 сажен... А тот камень... и по сей день слывет Валитов камень». Запись этого предания сделана в конце XVI века в связи с претензиями Дании на земли, населенные саамами. Но был ли на самом деле Валит? Если от человека за пятьсот лет ничего не осталось, то, может, сохранились материальные следы его деяний? Если Валит фантастическая

личность, то, естественно, нет и городища. А если?..

11 У пассажирского причала в Мурманске

Исключает фальсификацию созданная для практических нужд «Книга Большому чертежу» – описание громадной карты Российского государства, составленное в 1627 году. И в нем приводятся такие сведения: «А промеж тех речек (Ровденьга и Ворьема) на море, на острову, близко к берегу Волитово городище. А от тех речек морским берегом до усть реки Печени 30 верст...» Теперь местоположение Валитова городища известно – губа Валитова в устье реки Ворьема. Приграничной и по сей день реки за полуостровом Рыбачий...

При нашем продвижении на запад вновь возникает вопрос о правильности выбранного маршрута. Честно сказать, вряд ли именно так, современным путем, достигали поморы Шпицбергена. Вернее предположить, что по мере освоения Белого моря, побережий Карского и Баренцева морей промышленники ставили становища прежде всего на Новой Земле. Им не было нужды открывать далекие края с целью наживы, грабежа и торговли. Кормились собственным трудом, добывая рыбу и птицу, меха и морского зверя. Так, охотясь, продвигались на север, до кромки льдов. И неожиданно наткнулись на землю, богатую моржо-

выми лежбищами. Кроме того, выход русских людей к Груманту – Шпицбергену с восточной стороны более оправдан и с точки зрения природно-климатической обстановки: маршрут Белое море – западный берег Новой Земли – кромка льдов – юго-восточные острова архипелага полностью совпадает с режимом господствующих летом течений и ветров. Мы же решили достичь поставленной цели, преодолев открытые водные пространства к северу от норвежского мыса Нордкин. Путь вдвое короче и в несколько раз опаснее. Но путь вполне реальный, раз бежит – торопится наш коч, сшитый по старым меркам Дедовским способом.

Из путевого блокнота

«11 июля.

Берем мористее, стараясь „оседлать“ северную ветвь Гольфстрима, уходящую от Скандинавии к Шпицбергену.

Событий особых нет. Справа, милях в пятнадцати, едва различимы очертания редких больших кораблей, идущих нейтральными водами. Слева грозный и величественный норвежский берег с белыми пятнами снега в каньонах, широкими фьордами и редкими селениями.

Чуть не поссорился с Володей Королевым из-за... викингов. Он, видите ли, защищает

и красочно расписывает гипотезу о плавании норманнских драккаров вплоть до русла Оби. А у меня на этот счет свое мнение...»

Наверное, я уже утомил читателя пересказом различных древних преданий, но в данном случае вопрос принципиальный: были ли викинги в Беломорье и почему вот уже второе тысячелетие историки и краеведы, повторяя друг друга, размещают легендарную страну Биармию где-то в районе современной Канда-лакши? Так что позволю себе поспорить, но не с Володей Королевым, обиженно отсевшим от меня к борту коча и что-то рассматривающим в бинокль в безбрежных волнах Норвежского моря, а с ленинградским краеведом Борисом Ивановичем Кошечкиным, чьи обширные познания в истории освоения Русского Севера всегда авторитетны и документально подтверждены. Но на этот раз, уверен, он ошибается. Впрочем, попробуем вникнуть во вполне логичные выводы моего заочного оппонента.

Впервые о походе норманнов в водах северных морей и об открытии там густонаселенной и богатой страны, получившей название Биармии, в 870–890 годах сообщил норвежский землевладелец и мореплаватель ярл Оттар. Кроме того, в саге об Эгиле, в целом исторически правдивой, рассказывается, как сын норвежского короля Эйрик Кровавая Секира в 10-20-

х годах десятого века совершил поездку в Биармию и вступил там в битву с местными жителями у реки Винны. Плюс к тому, в саге о походе дружинника Карли говорится, что Биармия – необычайно богатая страна. Основа ее богатства – пушнина. Эта же сага рассказывает об ограблении викингами биармийского святилища, когда Карли и его спутники увидели «курган, насыпанный из золота и серебра, смешанных с землей».

И рассказ Оттара, и записи древних скандинавских саг давно служат предметом тщательного изучения, раздумий и споров ученых, ищущих в них указаний местоположения загадочной страны, определение которого «является вопросом первостепенной важности для всего раннего периода русской истории». И чтобы отыскать след в полуполюгендарную Биармию, Б. И. Кошечкин пытается нанести маршрут викинга Оттара на географическую карту. Что ж, дело весьма интересное. Стоит, наверное, полностью процитировать автора, сделав по ходу повествования свои ремарки.

«Оттар жил на самой границе обитаемой в то время части Норвегии, на побережье Странда, невдалеке от современного Тронхейма. Оттуда драккары викингов двинулись на север и через три дня достигли широты, „дальше которой китоловы никогда не ездят“.

По счастью, древние источники сохранили опре-

деленные указания о географических пределах китобойного промысла норманнов. В согласии с этими указаниями, Оттар оказался в водах архипелага Лофотенских островов. Дальше открывался морской простор, еще неизвестный скандинавским мореходам.

Если прикинуть по карте расстояние от Странда до Лофотен, оно окажется равным 270–340 морским милям. Таким образом, находясь в плавании первые трое суток, Оттар и его спутники двигались со скоростью порядка ста миль в сутки. Следующий отрезок пути, от Лофотенских островов до мыса Нордкап, места, где, по рассказу Оттара, направление берега менялось на восточное, по протяженности примерно равен уже пройденному пути, и также был преодолен за три дня. Путь вдоль Мурманского берега Кольского полуострова отнял у мореплавателей четыре дня. Расстояние от мыса Нордкап до мыса Святой Нос, за которым следует поворот в Белое море, составило 400 миль. Таким образом, средняя скорость судов оказывается здесь той же. (То есть около пяти узлов, что вполне реально при попутных ветрах и благоприятных течениях, что, правда, на практике случается крайне редко. – В. Г.) Далее, по словам Оттара, поворот на юг – и пять дней пути, снова вдоль берега, вплоть до пункта, из которого „большая река вела внутрь страны“.

Многие исследователи, пытавшиеся восстановить ход плавания Оттара, считали, что река эта – Северная Двина. Но так ли это? Не основан ли этот вывод только на сообщениях норвежских саг, рассказывающих о более поздних морских походах викингов, когда они, возможно, действительно побывали на Двине?

Во время же плавания Оттара, как прямо следует из описания его путешествия, флотилия драккаров двигалась вдоль берега. И если с учетом этого важного указания повести маршрут норманнов не поперек Белого моря, а вдоль Терского берега, суда викингов окажутся не в устье Двины, а в Кандалакшском заливе, в его вершине. Пройденное от поворота на юг, от Святого Носа, расстояние составит при этом 450 миль. Разделив его на рассчитанную уже скорость судов, мы получим время, более близкое к пяти суткам, которые потратили викинги на этот переход, нежели то, которое потребовалось бы им, чтобы дойти до устья Двины, лежащего всего в 300 милях от Святого Носа.

Но где же „большая река“, что уходила „внутри страны“? Оказывается, и она на месте. Ведь вершина Кандалакшского залива (урочище Проливы) представляет довольно протяженную, с заметным течением протоку, соединяющую Канда-губу с самим заливом. У находящегося на ее фарватере создается полное впе-

чатление полноводной реки.

Итак, в результате тщательного анализа маршрута Оттара является новая гипотеза о положении загадочной страны, некогда достигнутой викингами. Однако требуются убедительные доказательства ее действительного положения на юге Кольского полуострова, а не в каком-нибудь ином месте. Тем более что изредка посещавшаяся иноземными пришельцами Биармия – не Троя, не знаменитый Винланд на побережье Ньюфаундлена, в поисках которых интуиция и логика были подкреплены многочисленными находками предметов материальной культуры. Ведь только текст одной из рунных грамот XI века как будто бы близко определяет ее местоположение „между Оулемаркией и Гандвикой“, то есть между Ботническим заливом и Белым морем.

Но подтверждения нашлись. (А далее мой оппонент нелогичен, выдавая изображения Биармии на западноевропейских географических картах за предметы материальной культуры многолюдной и богатой страны. – В. Г.) Дело в том, что если последнее плавание викингов на север состоялось в 1222 году, в первой четверти XIII века, то сама Биармия позднее изображалась на западноевропейских картах еще многие столетия. Наиболее древние из этих карт, относящиеся к третьей четверти XVI века, рисуют Кольский полу-

остров в виде перешейка между Баренцевым морем и „Белым озером“, контуры которого близки очертаниям Кандалакшского залива, но замкнуты на востоке. По всему перешейку тянется надпись „Биармия“.

Но вот в конце XVI – начале XVII столетия появилось новое семейство карт, созданных голландцами. Они составлялись уже в ту пору, когда западноевропейские купцы и мореплаватели становились частыми гостями на северных берегах Московского государства и голландские картографы обогатились новыми сведениями по географии Русского Севера. Теперь Белое море стало приобретать очертания, близкие к действительным. На этих картах Биармия как бы локализуется, приобретая свое более определенное и точное положение. Если раньше название „Биармия“ распространялось на весь Кольский полуостров, то теперь оно было конкретно отнесено к Кандалакшскому берегу.

Наиболее показательны в этом отношении две карты. Первая, „Карта Швеции и Норвегии с окружением“, труд крупнейшего картографа своего времени Герарда Меркатора, гравированная в Амстердаме в 1595 году. Биармия показана здесь на северном берегу Кандалакшского залива, в его западной части, между выступом берега, в котором нетрудно узнать Турий полуостров, и вершиной самого залива. Со стороны

Кольского полуострова она ограничена цепью гор, которым должны соответствовать массив горы Баранья Иолга, Кандалакшские и Колвицкие тундры. Продолжение горной цепи на восток, в удалении от берега, это, по-видимому, Кейвская гряда.

На другой голландской карте, Андриана Винна, Биармия показана там же, но еще более определено. Цепь гор на Кандалакшском берегу здесь разорвана, как бы давая место обширному низменному пространству, вероятнее всего долине реки Нивы. Таким образом, положение Биармии указано голландскими картографами в высшей степени конкретно.

Остается лишь вспомнить некоторые подробности, отмеченные в сагах и приобретающие значение в качестве дополнительных доказательств правильности реконструкции маршрута Оттара и сведений, касающихся самой Биармии. Жителей страны Оттар называет „терфиннами“, или „лесными финнами“. Это название всегда относилось к аборигенам Кольского полуострова. Отсюда идет и само старинное название полуострова – Терский наволок, Тре, Трь. На этом основании известный зарубежный исследователь проблемы Биармии М. Фосмер приходит к выводу, что „биармийцы относятся к карелам западно-финской группы, живущим У Кандалакшской губы“.

В какой же мере свидетельства древних саг о бо-

гатстве Биармии реальны? Ведь большинство исследователей подчеркивало преувеличенные представления о „чудесной стране“, в какую попали викинги.

Но это не совсем так. Норманнские мореплаватели, высадившиеся в Биармии, были выходцами из Халаганна – холодного и почти бесплодного края. Затем их путь лежал мимо суровых, лишенных Древесной растительности северных берегов Кольского полуострова. Однообразие тундры сопровождало их и во время пути вдоль Терского берега.

Но вот вскоре за варзугским устьем, в приближении к Турьему полуострову, природа неожиданно и резко изменилась. Сначала к берегу подступили сосново-еловые, а затем и красноствольные сосновые леса, полные зверья. На берегах прозрачных речек гнездились драгоценные бобры, а крупные лососи делали „свечи“, взметая мощные тела над кристально-прозрачной водой. Изменилось и море. Огражденное от ветров близкими берегами залива, оно стало тихим и ласковым. Там и здесь резвились касатки, тюлени в изобилии блаженствовали на прогреваемых солнцем каменных отмелях. Контраст с суровым севером был разителен.

Итак, большое количество данных свидетельствует в пользу того, что легендарная Биармия лежала на юго-западе современной Мурманской области».

Вот так, не более не менее – снаряжай хоть сейчас археологическую экспедицию в район Кандалакши и ты решишь наконец затянувшийся тысячелетний спор. Но почему никто не торопится сделать это и прославиться на весь мир, откопав легендарные святылища с золотыми и серебрянными монетами? Впрочем, уже знакомый читателям профессиональный археолог и писатель А. Л. Никитин однажды рискнул заняться раскопками... скандинавского поселения на Терском берегу. Что же из этого вышло?

– В течение трех последних веков каждый исследователь Русского Севера приступал к его истории с плаваний норвежцев вокруг Нордкапа и Святого Носа в Белое море, – начал рассказ Андрей Леонидович, поудобнее усаживаясь в кресле в своей уютной московской квартире и готовясь к обстоятельному повествованию, узнав, что я интересуюсь викингами.

– Грабежи и погромы, чинимые этими бандитами в Беломорье, уже при Иване IV казались аксиомой даже самым рьяным противникам признания варягов. Но чем шире и глубже открывал я Север, исходяв за годы экспедиций сотни и сотни верст, тем отчетливее видел, что аксиома не столь очевидна, как может показаться издалека, из читальных залов столичных библиотек и тиши рабочего кабинета. Ведь везде, где когда-либо побывали викинги, можно было обна-

ружить их явные следы – украшения, оружие, надписи, остатки поселений... Здесь же ничего подобного не было.

– Но ведь вы, Андрей Леонидович, все же раскапывали гробницу викинга под Пялицей?

– Да, и повторил ту же ошибку, как когда-то мой университетский учитель А. Я. Брюсов, а до него – Н. К. Рерих. Оба они копали на Соловецких островах «курганы», уверенные, как и я, в их скандинавском происхождении, и каждый раз приходилось признаваться в своей ошибке. Позднее, на острове Анзер, я видел тот самый «курган», с которого Рерих написал известный этюд, названный им «Памятник викингу».

– В чем же дело?

– Мой «курган» на речке Пялице был три метра с лишком в высоту и около двенадцати метров в поперечнике. Склоны его были тщательно выровнены, у основания вросли в землю валуны. И он являл собой внушительное зрелище, будучи... естественным холмом и составляя одно целое с площадкой над рекой. Но поверил я в это лишь на второй день раскопок, не обнаружив под холмом ни прослойки древней почвы, ни какого-либо иного свидетельства, что он – насыпан. То были не насыпь, а останец, сдержавший напор речного потока, который размыл на своем пути морену. Поток вымывал частицы песка и глины, оставляя

на теле холма естественный «панцирь» из валунов. Позднее, когда уже почти сформировавшийся холм оказался на краю морской террасы, за него принялись и морские волны. Противоборствующие морские и речные течения, приливно-отливные циклы так обточили и скруглили останец, что он стал действительно похож на классический курган. То же самое, как я мог потом убедиться, происходило и на Соловецких островах. Отсюда и иллюзия, что холмы укладывали человеческие руки...

– И эта ошибка стала крахом ваших надежд отыскать легендарную Биармию?

– Как раз наоборот! Неудачи закономерны, они неизбежны там, где ищешь калитку в неведомое. Загадочная страна лишь вновь отодвигалась в теньволшебных сказок, а я терял последнюю надежду найти доказательства плаваний скандинавов в Белое море. Но вдруг понял, что до тринадцатого века норвежцы никогда не бывали в Беломорье. Не бывали – и все тут!

– Почему?

– Да потому, что если бы хоть один норвежей в девятом, десятом или в одиннадцатом веках подозревал о существовании северного пути в Белое море, больше того, если бы он просто знал о самом существовании берегов Белого моря с их тучными

пастбищами, плодородной землей, прекрасным климатом, лесами, полными разнообразной дичи, обильными рыбой реками и озерами, множеством никем не заселенных островов, достаточно больших, как те же Соловецкие, – ни один из них не бежал бы из Норвегии в бесплодную, безлесую Исландию и дальше, в Гренландию, где каждое бревно ценилось почти на вес золота, а пастбища и плодородные земли были поделены намного раньше, чем приплыл в эти места последний переселенец!

Ведь и добираться в Белое море было много проще и безопаснее, чем отправляться в плавание по звездам в океан, не зная, куда тебя занесут буря или морские течения, к какой земле и когда ты пристанешь.

– Но как же мнения историков о местоположении Биармии? И как быть с рассказом ярла Оттара?

– Да, о Биармии писали все, кто затрагивал вопросы древних географических открытий на севере Европы. Строй громких имен и научных авторитетов внушительен, как македонская фаланга. Авторы ссылались друг на друга и подкрепляли свои позиции ссылками на статьи других. Однако чем дальше я вчитывался в научные труды и в комментарии к ним, тем яснее видел, что хожу по кругу: плавания викингов доказывались Биармией, а Биармия – плаваниями.

– Но ведь была точка отсчета – первое упоминание

об этой стране...

– Да, все начинали с плавания Оттара – он же Отер или Охтхер. Только вот говорил ли норвежец о Биармии и населявших ее бьярмах? Перечитав текст, я убедился, что очевидное – совсем не так уж очевидно, как представлялось мне раньше.

Внимание к тексту, к каждому его слову, всегда бывает вознаграждено. Тем более если не Доверять прежним переводам англосаксонского подлинника.

Во-первых, отметим, что перед королем Альфредом, который, якобы, записал рассказ Оттара, во время беседы находился не один Оттар, но и его товарищ Вульфстан. И рассказ Вульфстана о поездке на восток по Балтийскому морю непосредственно продолжает рассказ Оттара о его плавании вдоль побережья Норвегии на юг, в Данию. Другими словами, Оттар не просто рассказывал королю о себе и своем плавании на север: оба скандинава повествовали еще и о совместном плавании по Балтийскому морю.

Во-вторых, исправив весьма существенные ошибки в прежних переводах оригинала, я смог выделить из единого текста рассказ Оттара и фразы, с наибольшей вероятностью принадлежавшие Вульфстану.

– Что же осталось после этого от плавания на север в Биармию?

– Прежде всего, Оттар едет в «те края» всего лишь

на морскую охоту, а вовсе не грабить страну бьярмов или «беормов»! И путь его недолог: «чистого плавания» в одну сторону было всего пятнадцать дней – плавания медленного и осторожного, так как пробирался он в незнакомых водах.

Поскольку при перемене курса он должен был всякий раз ждать попутного ветра, можно заключить, что суденышко его было невелико, без достаточного количества гребцов и оснащено прямым парусом, что не позволяло Оттару маневрировать и идти галсами...

– Да, драккары викингов были, пожалуй, не мощнее нашего коча и оснащались одним прямым рейновым парусом площадью до семидесяти квадратных метров. На веслах же по открытому морю не пройдешь – даже и пытаться не стоит...

– Так вот, если верить практикам, а не теоретикам мореплавания, то Оттар вряд ли продвинулся дальше Варангер-фьорда. Скорее всего, он не дошел даже до Нордкапа, плутая в шхерах, не отдаляясь от изрезанного фьордами и усеянного островами северного побережья Скандинавии.

– Почему же плавание Оттара связывают со страной бьярмов?

– Не этот один, а множество вопросов обрушилось на меня. И оказалось, что в словарях северных наречий «беормы» – не этническое имя, а нарица-

тельное, географическое, обозначающее всего лишь «прибрежных жителей»!

– Как русское «поморы»...

– Другими словами, «Биармия» оказывалась просто «прибрежной страной». Стоило ли тогда ее искать, если каждый удачный набег на то или иное побережье Европы забрасывал викингов – по их представлениям – в ту самую «Биармию»!

– Почему же путь в Биармию лежит через север?

– Да, ситуация довольно-таки любопытная. С одной стороны, изучая скандинавские саги, я мог убедиться в устойчивости традиции северного пути в «страну бьярмов», что подтверждали и карты позднего средневековья, помещавшие Биармию в современном Финмарке. С другой стороны, я все больше убеждался в фиктивности этого пути. Скальды знали «страну бьярмов», но ничего не говорили о пути в нее.

Первым моим помощником и проводником по географии саг был самый богатый и влиятельный человек в Исландии начала XIII века Снорри Стурлусон, собравший и обработавший многие саги. Так вот он реальной Биармии уже не знал, а лишь весьма осторожно поддерживал существовавшую в его дни литературную версию, которая отправляла корабли викингов куда-то на север, отталкиваясь от рукописей рассказа. Оттара – весьма противоречивого, как мы вы-

яснили, рассказа!

Сформулировав этот вывод, я наконец-то увидел выход из тупика: «путь на север», который никуда не вел, получил разумное объяснение. Но вместе с тем у меня снова возникла надежда найти «страну бьярмов», тем более открыв для себя «восточный путь» викингов, который фигурировал в работах многих историков.

– Таким образом, «восточный путь» возвращал вас, Андрей Леонидович, из ледяных пустынь Севера, из областей, населенных карликами, чудовищами, великанами, полными коварства и волшебства «финнами» в реальное пространство культурного. европейского мира?

12 На коче «Помор»

– И в страну «беормов», о которых упоминал земляк Оттара Вульфстан! Путь этот был хорошо известен не только скандинавам и исландцам, но и другим западноевропейским купцам, торговавшим по берегам Балтийского моря с прибрежными жителями и отправлявшимися дальше, по среднерусским рекам и волокам – в Верхнюю и Среднюю Волгу, оттуда – в Великие Болгары и дальше, на Каспий, в страны Арабского Востока. По этому «восточному пути» на рынки балтийских городов, в сокровищницы датских, фризских, вендских, норвежских, шведских и английских королей поступали меха и то самое серебро, за которым так охотились викинги.

Обратившись к археологическим картам, на которых клады восточных монет и отдельные их находки отмечают торговые магистрали средневековья, я недоумевал, почему никто из моих предшественников, искавших Биармию, не догадался сопоставить эти, так бросающиеся в глаза факты? Что мешало? Предвзятость взгляда? Традиция? Между тем стоило бы помнить, что для скандинавов, если верить сагам, «страна бьярмов» была всегда синонимом «страны

серебра». Не мехов, которые они могли получать – и получали! – от саамов, населявших Финмарк и внутренние области Скандинавского полуострова, а именно серебра. Еще точнее – серебряных монет, за которыми викинги охотились в своих разбойничьих набегах.

– А на беломорском Севере, на всем протяжении Северной Двины, от Белого моря до Великого Устюга, ни археологи, ни счастливые кладоискатели не подняли ни одной серебряной монеты, восходящей к временам викингов. Нет у нас и никаких следов сколько-нибудь постоянной и обеспеченной жизни до начала новгородской колонизации.

– Вот именно!

– Так где же, на ваш взгляд, находилась легендарная Биармия?

– Будем искать относительно торговой магистрали раннего средневековья. Положенная на географическую карту ниточка восточного пути позволяет начать уже конкретные поиски загадочной страны к северу или к югу от нее. Исландские саги сообщают о набегах на «страну бьярмов» только со стороны моря. До входа в «реку Вину» викинги, как правило, нигде не пристают. Не приходится им и вытаскивать свои суда на берег или перетаскивать через волоки. Следовательно, поиски «страны бьярмов» можно ограничить тем

отрезком «восточного пути», который заключен между берегами Швеции и разветвленной дельтой Невы.

К югу от Аланских островов и Финляндии лежат земли Восточной Прибалтики. Туда, с «восточного пути», отходил к современному Таллинну маршрут, по которому следовали корабли датских рыцарей. Но возле Таллинна никакой большой реки нет, однако стоит податься немного на юг, и путешественник оказывается в Рижском заливе, куда впадает Даугава, в прошлом – Западная Двина. Двина – Вина? Или Вина – река Вянта, она же Виндава? А бьярмы – жители побережий Рижского залива и окрестных мест?

Таков единственный возможный и до неприличия логичный вывод!

Не в обиду ли ты на меня, уважаемый читатель, за столь длинный пересказ беседы с писателем Андреем Никитиным? Однако согласись, он во многом прав и намного симпатичнее тех историков и краеведов, что не прошли испытания пространством и временем, холодным бездушием моря или обманчиво-доступными лабиринтами гор. Ох как хотелось бы посмотреть на тех теоретиков, когда коч «Помор» и лодья «Грумант» взяли курс на чистый норд, в открытое море. А ведь вдумаясь: что было бы с современной историей, если б волей злого случая драккар викингов занесло в Белое море? И представим себе новгородских

ушкуйников, выходящих на побережье и встречающих там многолюдные колонии скандинавов, заполонивших великолепную пойму Двины, свободно промысляющих в шхерах Кандалакшского залива, добывающих семгу и речной жемчуг в широких реках побережий... Впрочем, стоит ли удивляться легкости, с которой на обзорной карте Европы из карманного атласа мира намечается путь викингов из Норвегии в Белое море? Разве можно познать за письменным столом смену ветров и течений у скрытого туманом и оставшегося за кормой Нордкапа? Или предусмотреть все опасности, подстерегающие морехода возле Святого Носа? Даже на борту современного теплохода невозможно испытать и сотой доли тревог и надежд, бередящих души затерянной в открытом море горстки людей...

Из путевого блокнота

«13 июля. 5 часов утра.

Божественная ночь: за вахту с запада на восток стянуло и слизнуло что корова языком всю небесную хмарь. Лишь выглянув, солнце стало пригревать, словно поднес к лицу сжатую в руках кружку с обжигающим чаем. Море в мелких складках волн, как заскорузлая кожа на тыльной стороне ладоней.

К концу вахты решили распалить самовар. Пока Дмитриев сидит на корме, облокотившись о

Румпель и мирно щурясь на катящийся навстречу новенький пятак солнца, я расщепляю сухую доску, заливаю самовар свежей водой. Лучина горит ровно, будто не на открытой всем ветрам палубе, а в деревенском доме, пока ещё все спят, а хозяйка возится у печки, разогревая завтрак.

Слышно, как под палубой в общем кубрике-кухарне переговариваются Володя Панков и Юра Колышков. Жмурясь, они друг за другом выползают на свет божий. Пьем подоспевший чай, наказываем ребятам не упустить за вахту хорошую погоду».

13 Диалог с чайками

Действительно, те несколько дней хода открытым морем были словно подарены нам судьбой. Держался устойчивый юго-восточный ветер – наш ветер. Выражаясь языком профессиональных яхтсменов – фордевинд, то есть с кормы относительно курса судна. Шли под одним большим гротом, который вбирал в себя упругую мощь ветра, не оставляя и слабого дуновения малому носовому фоку. Все бы хорошо, но при таком ходе надо быть предельно осторожным, стоя на руле: коч «рыскает», стремится развернуться боком, лагом к волне, которая накатывает с кормы, медленно проползает под днищем, молочной пеной изливает по бортам свою бессильную ярость. Хорошо!

Днем наблюдали любопытную картину зарождения водяного смерча. Невдалеке, с милю от коча, из бледного кучевого облачка опустилась к морю белесая «тумба» с черными змеистыми прожилками. Время от времени из нее вытягивались ножки-щупальца и захватывали гребни волн. Так продолжалось часа два, пока мы не убежали от греха подальше, оставив это чудо рождения без присмотра.

Море пустынно. Пропали и чайки, давно подавшись к берегу. И лишь на вторые или третьи сутки перехо-

да открытым морем появились вновь – но не те бело-снежные норвежские попрошайки, а массивно-агрессивные, крупные, грязно-бурые. Моряки их называют, кажется, бургомистрами.

Переговорили по радию с бегущим впереди «Грумантом», запросили координаты, принятые коротковолновиками Петром Стрезевым и Василием Заушициным. (Благодаря навигационному бую «Сарсат-Коспар» и наладив связь с коллегами из Москвы, они имели возможность раз в сутки точно определять наше местоположение.) В итоге оказалось, что пора уже готовиться к встрече с островом Медвежий. О нем в судовой лоции вычитал следующие строки: «Использование средств навигационного оборудования в описываемом районе в значительной степени затруднено влиянием различных факторов. Частые и сильные туманы, внезапно налетающие снежные заряды, магнитные бури, рефракция и другие явления порой совершенно не позволяют определить место судна».

Вот тебе на: а у нас на борту из навигационного оборудования лишь шлюпочный компас.

«У о. Медвежий нет хорошо защищенных и удобных якорных мест. Суда обычно останавливаются с подветренной стороны острова. На малых судах при знании местных условий плавания можно заходить в некоторые бухты.»

Мы же пока не знаем не то что местных условий, но и где он, этот омываемый водами трех морей остров Медвежий. Однако должен быть рядом – вдали заметили в волнах большой желто-красный буй. Где-то здесь затонула подводная лодка «Комсомолец». Капитан выдал по сто граммов из судового винного запаса – помянули ребят...

Из путевого блокнота

«14 июля. День.

Дмитриев утверждает, что число 13 для него счастливое. Что ж, вчерашний день тому прекрасная иллюстрация.

Не успел заснуть после ночной вахты, как кто-то будит, трясет за плечо. Поднимаюсь на палубу, оставляя Дмитриева в казенке. Пусть отдыхает.

Ребята все на ногах, сумрачные. Паруса убраны, штиль, густой туман. Рядом, едва различим в десятке метров, стоит как нарисованный „Грумант“. В воздухе витает запах солярки. Что случилось?»

А случилось то, чего больше всего надо опасаться мореходам: первый и, пожалуй, единственный раз за все плавание мы перестали понимать друг друга.

Ветер скис. Туман – не видно ни зги. Капитан лодьи Ростислав Гайдовский решил не рисковать, а, воспользовавшись удобным случаем, забрать с «Помора» аварийный запас солярки для движка – три мас-

сивные бочки, еще в Архангельске надежно принаитованные к грот-мачте. Но как осуществить эту операцию? Вручную не стоит и пробовать – даже в штиль наполненные под завязку бочки не перекачать с борта на борт. Надумали канистрами по веревке передавать на «Грумонт» топливо. Закачали и отправили ребята таким образом первые канистры. А с середины бочки резиновый шланг с подсосом уже не захватывает жидкость. Нанюхались солярки, перепачкались, разругались.

С грехом пополам наращиваем шланг и спускаем конец в трюм, почти к самому дну. Солярка побежала – едва успеваем подставлять пустые канистры. Минут через пять меняем друг друга: спертый трюмный воздух и пары солярки шибают в голову почище неразбавленного спирта. Но дело сделано. Бочки пусты. Заводим буксир на «Грумонт», который, чихнув несколько раз остывшим движком, медленно набирает ход...

Медвежий нам улыбнулся – на час-другой стряхнул со скал-вершин клочья тумана, блеснул на солнце заснеженными холмами. Вышли к нему очень точно. Погода разгулялась, потянул ветерок. Утренних обид как не бывало. Стали доставать и проветривать свои «парадные костюмы», выданные на команду спонсорами из «Спутника». За отсутствием других зрителей приплыли подивиться Дельфины – прыгали за кочем

несколько часов. И вдруг – ну как тут не верить приметам! – задул Усиливающийся северный ветер, горухом простучал по палубе град. Сглазили мы погоду. Оставалось одно: крепить спущенные паруса, встать на длинный буксир к «Груманту». До Шпицберге-на оставалось миль 150. Сутки небо было в овчинку. Каялись и казнили себя, что до конца не знаем слов простейшей молитвы. А то пасть бы на колени и прошептать – вымолвить с искренней надеждой на избавление: «Боже наш, просим, на тебя уповаем да поможешь нам всечасно и не оставишь в бедствиях на волнах морских и пошлешь нам ветры попутные и возвратимся в благополучии и с удачей к крову своему...»

Упал и разбился судовой барометр: теперь давление постоянное – самое низкое. Положил не нужный прибор на полочку за иконку Божьей Матери. Надежда на опыт и хладнокровие Ростислава Гайдовского, который в составе геологоразведочных экспедиций не раз бывал в эти краях, не понаслышке знает об особенностях прибрежных мест. Особенностях, которые для экипажей больших пароходов ни к чему, а для нас любая мелочь, случайность может стать последней.

Наверное, кто-то все же услышал наши само дельные, но искренние молитвы – ветер стих. Вновь пал туман – верный признак близкого берега. И вскоре мы его увидели – южную оконечность Западного Шпиц-

бергена с выступающим в море зубом острова Сёр-каппёя.

Сутки шли до Ис-фьорда. Льдин на воде почти нет, лишь изредка попадаются разноцветны стамухи. Но для нас они крайне опасны – хватило же пробоины в несколько сантиметров шириной для теплохода «Максим Горький», чтобы подать «SOS». Как раз в это время по транзистору поймали Всесоюзное радио. Передавали интервью с одесситами, решившими построить копии древних судов и, как мы, пуститься в плавание... «А какой будет толщина бортов? – спрашивал репортер. – Один из древнегреческих философов образно говорил, что она равна расстоянию между жизнью и смертью моряка.» «Думаю, что будет сантиметров десять», – отвечал наш начинающий коллега-южанин. «Ах-ах, как мало!» – восхищался репортер мужеству будущих покорителей морской стихии.

Дмитриев усмехнулся: «Это на Черном-то море десять... У нас на борта пошла доска в два с половиной сантиметра, а в носовой части коча, рассчитанного на плавание в ледовой обстановке, до шести – не больше. И вряд ли у поморов корпус судна был толще...»

Подходила к концу вторая неделя экспедиции. Радисты сумели связаться с Баренцбургом – нас ждали. И встречали с оркестром и хлебом-солью. А очеред-

ной номер местной газеты «Шахтер Арктики» вышел со стихами в нашу честь на первой странице. Начинались они так:

Холодный остров в удивлении застыл,
Взглянув печально на волну морскую.
Он видел это все, когда моложе был,
Там кочи плыли, побеждая и рискуя...
И заканчивались:
Удачи вам! Да будет с вами бог.
И пусть попутный ветер дует в спину.
На перепутье всех морских дорог
Пусть счастье никогда вас не покинет!

Первый вопрос, который мы задали, вступив на берег и попав в объятия полярников, был прозаичным: «Где здесь у вас баня?»

6. Шпицберген

Итак, Баренцбург встречал нас хлебом-солью. Для тысячи жителей поселка каждый корабль с Большой земли – событие, а тем более визит столь необычных деревянных судов. Поэтому практически все население высыпало на причал. Почти у каждого взрослого полярника в руках был фотоаппарат, и что любопытно, одной марки – «Зенит». Оказывается, своим приходом мы не только внесли разнообразие в будничную жизнь баренцбуржцев, но и помогли выполнить план местному промтоварному магазинчику, на складах которого пылились доставленные невесте когда зеркальные фотокамеры...

Кстати, о магазине. Он в поселке один, и товары в нем продаются по специальным талонам треста «Арктиуголь», так как вся зарплата полярников поступает на материк на сберкнижки. Ассортимент товаров в магазине не богат, как и в буфете, где продают сигареты, компоты, консервы. Впрочем, теплыми вещами и робой каждого жителя снабжает трест, а питание в поселке бесплатное – круглосуточно открыта столовая, где можно в любое время вкусно и сытно поесть. Запрет лишь на спиртное – в Баренцбурге сухой закон.

Новичка поначалу поражает монументальность,

что ли, тамошних построек: на вечной мерзлоте на свайных фундаментах высятся многоэтажные каменные жилые дома, построены великолепный Дворец культуры, спорткомплекс с плавательным бассейном. Станция космической связи позволяет смотреть передачи первой программы ЦТ. Короче говоря, здесь есть все условия для нормальной жизни и работы советских людей, добывающих на краю света каменный уголь. Манят шахтеров, в первую очередь, высокие заработки. В прошлом году, например, в среднем ежемесячно горняк-полярник получал по 1080 рублей. Соблазняют и довольно-таки комфортабельные условия жизни, о которых на материке многие могут только мечтать.

Приезжают – вербуются сюда на два года. Можно всей семьей – найдут работу для жены, а дети будут ходить в садик или учиться в местной школе.

Кто же они, откуда прибыли сегодняшние полярники?

В Баренцбурге в фойе столовой установлены три почтовых ящика. На одном надпись – Донецк, на другом – Ворошиловград, на третьем – прочие. Да, здесь в основном живут и трудятся потомственные шахтеры с Украины. И небезынтересно было наблюдать за их реакцией, когда, ожидая начала пресс-конференции с участниками нашей экспедиции, собравшиеся в клу-

бе люди смотрели по телевизору программу «Время». Передавали как раз очередной киносюжет о забастовках в Донецкой области, и слышались возгласы; «Да это же Петро! А вон Гришка стоит...»

Неоднозначно отнеслись полярники к действиям своих земляков. Во всяком случае не осуждающе, а с сочувствием и пониманием. Ну а рудникам в Баренцбурге и на Пирамиде забастовки вряд ли грозят: условия труда и быта, повторюсь, у людей хорошие. Хотя после августовских взрывов на шахте, унесших жизни пяти горняков, сейчас, как мне известно, на рудниках создано что-то вроде альтернативных профсоюзов...

Не буду рассказывать о природе Шпицбергена, а точнее, об отсутствии ее на архипелаге в привычном для нас виде. Об экзотике второго, самого высокоширотного арктического поселка планеты – Пирамиды, находящегося в 1100 километрах от Северного полюса. О неповторимых по своей красоте ледниках – обо всем этом можно прочитать в прекрасно иллюстрированных альбомах, изданных массовыми тиражами. Упомяну лишь о том, что поразило меня больше всего. Это – явное отличие между жизнью норвежских шахтеров в городке Лонгьир (портовый сбор 120 крон с каждого судна за сутки стоянки) и наших горняков. Нет, речь не идет о фирменном супермаркете, где можно купить все, что душа и тело поже-

лают. Я о другом: норвежцы живут проще и, как бы это сказать честнее, чем мы. Они без показной монументальности строят небольшие деревянные сборные дома со всеми удобствами, вплоть до теплых полов. Он на 78-м градусе северной широты пользуются всеми благами цивилизации, которые не ограничиваются калорийным питанием и жилищем, а гарантируются свободой передвижения – в поселке расположен единственный на Шпицбергене аэродром, есть такси, скоростные спасательные и пассажирские суда. Источится разрабатываемый сегодня угольный пласт – и без труда поселок буде перенесен в другой район. Разве что кирха, наверное, останется на месте – это прекрасное здание с высокой крышей самой северной в мире церкви.

Службы в кирхе проходят по воскресеньям, а в остальные дни она используется как своеобразный интерклуб, где можно отдохнуть, поdiskутировать, в чем мы убедились лично. Жена пастора Ингрид угостила нас блинами, предложила кофе. Сам пастор сыграл псалмы в полупустом зале с неподобной акустикой. А напоследок подарил каждому по Библии с дарственной надписью (книги на русском языке 1989 года издания)...

**Коч «Помор» и лодья «Грумант»
в фьордах Шпицбергена**

Так о чем я хотел сказать? Да, мы, русские, советские люди, в какой-то мере все же ущемлены тем фактом, что Шпицберген находится под суверенитетом Норвегии. И с присущим нам необузданным размахом и обидой стали строить бесперспективные промышленные поселки, тратя миллионы рублей. В одном из таких поселков – Груманте, законсервированном где-то в 60-е годы, мы были. Ощущение такое, как в кинофильме Тарковского «Сталкер»: брошенные полуразрушенные дома, обогатительная фабрика, эстакады непонятного назначения... Следы фантастической, никому не ненужной жизни на фоне отрешенных остроконечных заснеженных гор. Зачем они? Чтобы назло всем закрепиться – осесть здесь навсегда? Мол, запас карман не тянет... Пора бы менять эту поговорку и избавляться как от ненужных запасов, так и от необузданных широкомасштабных бредовых проектов, диктуемых ущемленным самолюбием высидящих «политиков». И слава богу, что этот величественный и обширный край, открытый русскими поморами, не принадлежит Советскому Союзу. Иначе раздавались бы здесь, как на Новой Земле, ядерные взрывы, были бы не один-два, а сотни таких заброшенных поселков, как Грумант.

...Однако достаточно рассуждений о сегодняшнем дне. Давайте представим себе, как жили на Шпиц-

бергене люди лет 200–300 назад. Такую возможность предоставил участникам нашей экспедиции сотрудник Института археологии Академии наук СССР, доктор исторических наук Вадим Федорович Старков, пригласив на место раскопок одного из поморских становищ.

Бухта Трюкхамме. Холмистая лента каменистой земли между водой и скалами метров в пятьсот шириной. Остатки фундаментов домов – всего 8-10 построек. Не промысловых временных избышек, а именно становищ для постоянных зимовок. Вокруг разбросаны крупные китовые позвонки. Специалисты находили и кости коров – ну как на далеком хуторе без деревенской кормилицы? Значит, везли сюда животных на палубах древних парусников, не забыв прихватить сена на зиму. Везли и дрова, и разобранные венцы срубов, ведь на островах нет деревьев. Да и гробы-хоровины сбивали из корабельного дерева...

– Для нас остается загадкой, почему все обнаруженные здесь захоронения парные, – рассказывает Старков. – И второй череп меньших размеров – детский или женский. Может, со смертью мужа насильственно умерщвляли супругу или она добровольно легла в гроб с отошедшим в мир иной хозяином?

– А в целом, – продолжает Вадим Федорович, – поморских захоронений обнаружено немного. И совсем

нет массовых. То есть можно предположить, что русские люди за годы обживания Груманта сумели акклиматизироваться, из поколения в поколение был выработан тип крепких и выносливых грумантанов, чувствовавших себя на ледовых островах как дома. Они могли уберечься от цинги, не в пример иностранцам, чьи общие могилы свидетельствуют или о кораблекрушениях, или об эпидемиях. О временных рамках могу сказать одно – селиться в этих краях люди начали с XV века. Питались в основном олениной. Были Дичь, рыба. Строились капитально: дом, как правило, разделен на две части: жилую и баню. Между ними теплые сени с продуктовыми запасами...

Среди интереснейших находок археологов есть и фрагменты старинных судов. Если сравнить их с нашим кочем, то те, древние, были помощнее. Хотя, наверное, ходили на Грумант в связке различные парусники – до двухсот судов, как утверждает Старков, приплывали сюда в иное лето. Но до нашей экспедиции все это были умозрительные заключения, а мы доказали возможность «грумантского хода» на практике. Уникальна находка на острове Земля Принца Карла довольно крупного фрагмента неизвестного до сих пор типа русского ледового судна. Если, исходя из конфигурации и общих пропорций морских кочей, вычислить его размеры, то длина составит 15–20 мет-

ров, а ширина 3,5–4,5 метра (у нашего «Помора» соответственно 12 и 4). Примечательно, что конструкция борта старинного парусника сплошь состоит из ряда шпангоутов – такое неизвестно в истории даже западноевропейского военного кораблестроения.

Получается, что открытый мореходами на небольших новоземельских кочах, соответствующих современному классу «река – море», впоследствии батюшка Грумант встречал суда, способные не только к длительному автономному плаванию, но и к регулярным походам в сложных ледовых условиях. Сколько же должно было пройти лет, чтобы открыть, обжить, доказать перспективность, сконструировать и построить специальные суда и наладить их регулярные «рейсы» в доселе неведомый далекий край? Край, острова которого ранее звались именами каких-нибудь Простиhiных и Старостиных, а теперь все больше Землями принцев и принцесс... Официальной датой открытия Шпицбергена считается 1596 год. В том году, 17 июня, во время одного из плаваний по северным морям в поисках «морского проходу в Индию и Китай» голландец Биллем Баренц увидел слева остроконечные горы («шпиц» – острый, «берг» – гора). Сведения о неизвестной ему земле он занес в судовой журнал и по возвращении домой сделал сообщение об открытии.

**Шпицберген, на раскопках
поморского становища**

Норвежцы и датчане, ничего не имеющие против Баренца, однако, не прочь считать, что первыми ступили на берега арктического архипелага их далекие предки викинги еще... в двенадцатом веке. Гренландцы же всерьез полагают, что раньше всех добрались сюда эскимосы с их ледяного острова. Пытались было снять лавры с Баренца предприимчивые британцы и вручить их своему земляку Хью-Уиллоуби, который за сорок три года до шпицбергенской одиссеи Баренца добрался до 72-го градуса северной широты.

Голландцы и норвежцы, датчане и гренландцы, представители туманного Альбиона были хорошими мореходами и бывали, конечно, в разное время на полярном архипелаге. Но ступали на его каменистые, выстуженные лютыми сквозняками берега далеко не первыми.

Человек пришел на полярный архипелаг, авторитетно заявили ученые, не в двенадцатом веке, как утверждают некоторые наши северные соседи, а только в середине XV столетия. Многочисленные находки представили свой возраст именно этой, а не иной другой датой. И все они заговорили на одном языке – русском.

Ученых заинтересовали остатки дома, некогда смотревшего низкими, приплюснутыми окошками в сторону реки Стаббэльва. Внутри целый клад: детали

поморского судна, остатки шахматной доски; надписи ножом на деревянных предметах, возвращают нам имена, казалось бы, безвозвратно ушедшие: Галахи Кабачева, Ивана Петрова, Вапы Панова. Палеографы, используя достижения науки и техники, с точностью установили: русская изба была срублена в 1556 году, за четыре десятилетия до того, как увидел Шпицберген Биллем Баренц.

В доме на берегу лагуны, примерно в полутора десятках километрах от Стаббэльвы, нашли текст, вырезанный на деревянном предмете: «Преставився мирининнь от города» («Умер житель города»). Этот пятистенок поморы сложили еще раньше, в 1552 году. В заливе Бельсунн прочитали надпись, выцарапанную на китовом позвонке, и имя «Ондрей». Много удач ждало исследователей в бухте Руссекайла, где жил около сорока лет «патриарх» Шпицбергена Иван Старостин: девятнадцать надписей найдено при раскопках, и третья часть из них датирована XVI веком, остальные более поздние.

Всего советские археологические экспедиции выявили около ста поморских поселений между 78 и 80 градусами северной широты. Поселки располагались по всему побережью в десяти-четырнадцати километрах один от другого, включали жилые, хозяйственные и подсобные помещения, культовые сооружения, на-

вигационные знаки в виде крестов.

Примерно такие же удачи ждали скандинавские экспедиции во главе с доктором Поулом Сименсоном в 1955 году и гляциологом Блейком в 1957 году.

О высокой культуре русских поморов говорят найденные шахматы и деревянные календари, покрытые филигранной резьбой кресты, вырезанный на трехгранной планке алфавит, кресала и украшения. Большой интерес представляют орудия промысла: гарпуны и копья, рогатины и ножи, ловушки и сети, крючки и ружейные кремни. Много найдено предметов утвари – из дерева, глины, бересты, кожи, железа, бронзы, фаянса, камня. Кроме всего прочего, они говорят о хорошо налаженном быте поморов, рассчитанном на месяцы и годы пребывания.

Но и это не все.

Археологические находки были дополнены архивными. Наиболее интересная из них – длинный список поморов-грумантланов и новоземельцев, призванных на военно-морскую службу в 1714 году по личному указу Петра I, которые составили потом костяк балтийских моряков и выиграли не одно сражение.

В Дании отыскалось письмо крупного географа Западной Европы Иеронима Мюнцера, датированное 14 июля 1493 года. В нем говорится не только об открытии русскими Груманта, но и о существовании на ар-

хипелаге русского поселения!

Там же, в Дании, заново прочли два письма адмирала Северина Норби, от 20 и 24 июня 1528 года, в которых утверждается, что русские к тому времени владели не одним, а двумя поселениями на Груманте, то есть с 1493 года не только не потеряли свои владения, но и расширили их.

В то же время ни нашими, ни иностранными экспедициями не найдено ни одного следа пребывания до Баренца кого-либо другого, кроме русских! Таким образом, снова и снова доказано, что Русские не только первыми добрались до далекого архипелага, но и долгое время оставались единственными его обитателями.

К сожалению, наши поморы не думали о приоритете и не делали заявок на свои географические открытия. Путешествия на Шпицберген, как и на остров Медвежий, Новую Землю, они считали естественными и обычными.

В XVII веке русские промыслы на Шпицбергене расширяются. Способствовали этому обилие рыбы и зверя, освоенность морского пути, в какой-то мере налаженный быт. Хотя ледяная пустыня неохотно впускала пришельцев в свои владения.

В 1743 году на остров Эдж (поморы называли его Малым Беруном) пришел в обычный рейс кормщик из

Мезени Алексей Химков с двенадцатилетним сыном Иваном и товарищами Степаном Шараповым и Федором Веригиным. Лодью свою не уберегли они, оторвало ее от берега и погубило разбушевавшееся море. Домой путь оказался отрезанным. Но поморы не пали духом. Приспособились без особого снаряжения добывать пищу, обогревать кров, и когда через шесть лет и три месяца вынужденного плена их сняло другое судно, они погрузили на его борт большое количество добытой ими пушнины, много мяса.

С 1747 года столичная коммерц-коллегия регулярно запрашивала в своей архангельской конторе сведения о промысле на Груманте и его интенсивности.

Таинственный архипелаг привлекает внимание не только промысловиков, но и ученых. Заинтересованным взглядом смотрит в его сторону великий русский ученый Михаиле Ломоносов. Но, к сожалению, он так и не узнает результатов первой русской научной экспедиции, которую возглавлял Василий Яковлевич Чижагов, а сам готовил и снаряжал. Она вышла в море через несколько дней после смерти Ломоносова. Чижагов провел серьезные исследования на Груманте, где за год до этого была создана специальная база, даже попытался пройти дальше – достиг 80 градуса 26 минут северной широты. В следующем году он поднялся еще выше на четыре минуты.

Русские власти начинают регистрировать суда, ходившие на Грумант, выдают «пропускные билеты». Благодаря этой статистике мы знаем сегодня, что в конце минувшего столетия только из Архангельска ежегодно отправлялись на Грумант семь-десять судов со 120–150 промышленниками. Становища возникали на острове Медвежий, а на Груманте количество русских зимовщиков достигает двух тысяч.

Приоритет России на Грумант ни у кого не вызывал сомнения. Но более дальновидные русские люди, чтобы избежать в будущем осложнений с правами, предлагали царскому правительству заселить архипелаг постоянным населением. Архивы сохранили прошения помора Чумакова (1805 г.), купца Антонова (1830 г.), прапорщика Фролова (1850 г.). Много раз обращались с такими просьбами Старостины. Однако в столице никого всерьез не взволновали их заботы.

В конце 50-х годов XIX века русские промыслы на архипелаге постепенно приходят в запустение. Сильный удар по ним нанесли англичане, которые летом 1854 года сожгли Колу, один из важнейших поморских центров того времени.

А претенденты на Грумант не заставили себя ждать. Англия и Голландия заключили сепаратное соглашение о разделе сфер влияния на Шпицбергене. Британцы «скромно» присвоили себе все запад-

ные, наиболее теплые заливы. Голландцам «любезно» уступили один из островов. Кое-что перепало немцам, датчанам, французам. Россия в этом неблагоприятном торге не участвовала.

Конечно, англичане внесли свой вклад в изучение и освоение Шпицбергена. Добирались сюда знаменитый Генри Гудзон, Джеймс Пул, Константин Джон Фипс, отец и сын Скоресби, Дэвид Бечан и Джон Франклин. Когда Шпицберген в начале нашего века стал стартовой площадкой для достижения Северного полюса, попытался отсюда достичь вершины планеты английский полярный исследователь Уильям Эдуард Парри.

Однако все это происходило на освоенных русскими поморами морских путях и берегах!

Особенно усердно добивались утверждения своих прав на Шпицберген норвежцы, хотя появились они там лишь в конце XVIII века. В 1793 году из Тромсе вышло на Шпицберген первое норвежское промысловое судно, да и то наполовину с русским экипажем, и добралось оно только до острова Медвежий.

Мы не умаляем заслуг норвежцев. Нам памятливы имена их соотечественников Фритьофа Нансена, Рауля Амундсена, Отто и Харальда Свердруппов и других. Но, как говорится, истина дороже.

В 1871 году шведско-норвежский посланник в Рос-

сии Биорштиерн обратился в МИД нашей страны с нотой, в которой извещал (!), что Швеция и Норвегия, объединенные в то время унией, намерены были присоединить Шпицберген к своим владениям. Нота вызвала резкий протест русской общественности. Эта бесцеремонность долго обсуждалась в периодической печати. А царское правительство и на этот раз не сделало серьезного шага для закрепления прав России над Шпицбергеном. Напротив, предложило статус... «ничейной земли» и тем самым фактически открыло дорогу на архипелаг другим странам.

Швеция и Норвегия ухватились за «ничейную» землю. За ними устремились на Грумант англичане, немцы – и даже американцы!

Вскоре в царском правительстве стали понимать, что законные интересы России в этом арктическом районе начинают ущемляться. На Грумант посылаются научные экспедиции. В 1898 году там побывали видные русские ученые А. А. Коротнев и Ю. Н. Семенкевич. В следующем году через льды севернее Шпицбергена дважды пытался пробиться к полюсу напролом русский ледокол «Ермак». В 1899–1901 годах на архипелаге работает экспедиция академика Ф. Н. Чернышева.

Ученые заявляют: ни в коем случае нельзя терять эти ледяные острова, подчеркивают львиную долю

России в их открытии и хозяйственном освоении.

В 1907 году, после расторжения унии со Швецией, Норвегия предлагает заключить международный договор о правовом положении Шпицбергена. Затем снова и снова поднимает этот вопрос, и Россия... дает согласие на участие в такой конференции.

1909 год. В МИД России проходит межведомственное совещание по подготовке к конференции. Высказывается явное сожаление об утрате Россией исключительного права на Грумант. Решено: летом отправить экспедицию в Арктику для проверки на месте сведений о заселении архипелага русскими и иностранцами. Но экспедицию не снарядили. Царское правительство продолжало ограничиваться заявлениями о своем приоритете на Шпицберген.

1911 год. В сентябре вышла на Шпицберген русская экспедиция под командованием В. Ф. Држевецкого. Корабли вскоре попали в шторм и возвратились назад. Попытка создать постоянное русское поселение на Шпицбергене – именно эту цель прежде всего преследовала экспедиция – не удалась.

1912 год. Экспедиция вышла из Александровска-на-Мурмане (ныне г. Полярный) на судне «Геркулес». Возглавлял ее талантливый ученый и полярный исследователь Владимир Александрович Русанов. Его прежние экспедиции, кроме всего прочего,

канского Союза) собрались в Париже и... отдали суверенитет над Шпицбергенем Норвегии. Нас даже не пригласили. Но они понимали, что устранить нашу страну от решений судьбы Шпицбергена невозможно, поэтому, несмотря на лютую ненависть к молодой Советской Республике, вынуждены были сделать оговорку: после признания русского правительства оно будет приглашено присоединиться к договору.

Наша страна решительно протестовала против такого бесцеремонного вмешательства в дела, к которым Россия имела непосредственное отношение. 12 февраля 1920 года была направлена соответствующая нота Норвегии. Но в 1924 году были установлены дипломатические отношения с Норвегией, и в интересах сохранения и укрепления добрососедских отношений с этой страной мы согласились на признание норвежского суверенитета над Шпицбергенем. И в 1925 году над полярным архипелагом подняли свой флаг норвежцы.

В довоенные годы к договору о Шпицбергене присоединились Австрия, Албания, Аргентина, Афганистан, Бельгия, Болгария, Венгрия, Венесуэла, Германия, Греция, Египет, Испания, Китай, Польша, Португалия, Румыния, Финляндия, Чехословакия, Чили, Швеция, Югославия и другие государства...

Да, не удержался и я от соблазна хоть кратко, но пе-

рассказать историю освоения Шпицбергена. Сегодня здесь нет моржей, этих морских слонов, чьи бивни длиной в руку человека считались «белым золотом» и были раньше самым ценным товаром. Канадский писатель Фарли Мак-Билл Моуэт утверждает, что в одном из сообщений древних русских рукописей говорится о московском князе, взятом в плен татарами. И выкуп за него был установлен в 114 фунтов золотом... или равным весом в моржовых клыках. Кость была не единственным ценным продуктом. Кожа моржа, выделанная из шкур, так прочна, что отражала мушкетную пулю и была лучшим материалом при производстве воинских щитов. И еще одно очень ценное для мореходов свойство шкуры: веревка, вырезанная из нее, после обработки моржовым жиром становилась столь же эластичной и долговечной, как и современные веревки из растительного волокна, а по прочности превосходила их. Так что канат из моржовой кожи с незапамятных времен считался наиболее предпочитаемой снастью в такелаже северных судов. Судов, чьи корпуса были пропитаны смолоподобной массой, получаемой путем выпаривания кипящего моржового жира. Это клейкое черное вещество использовали для замазывания корабельных швов и для защиты дощатой обшивки от вторжения корабельного червя.

Уже к XIII веку моржовые лежбища в Атлантическом

океане были варварски уничтожены человеком. Выжил этот морской зверь лишь в Арктике. Церковный летописец тех времен писал: «В северных краях водятся огромные рыбы, такие большие, как слоны, которых называют моржи, или русские моржи, возможно, из-за их сильных укусов; ибо, если они видят какого-либо человека на морском берегу и могут поймать его, они неожиданно нападают на него и разрывают его своими зубами... Головы у этих рыб напоминают своей формой бычьи, и шерсть у них толщиной в соломинку... Они могут с помощью своих зубов взбираться, как по приставным лестницам, к самым вершинам скал, чтобы получить возможность питаться свежей травой... Они очень быстро засыпают на скалах, тогда рыбаки делают все быстро, как только могут, и начинают у хвостовой части; они отделяют кожу от жира, в это место помещают очень прочные веревки и привязывают их к выступам скал или к деревьям. Затем они бросают в их головы камни из рогатки, для того чтобы поднять их и заставить спуститься, тем самым отдирая большую часть кожи, которая привязана к веревкам. При этом, будучи измотанными, испуганными и полумертвыми, они становятся ценной добычей, особенно из-за зубов, которые очень ценятся у скифов, московитов, русских и татар».

Как же добывали моржа русские поморы? Об этом

я задумался, выйдя на окраину Баренцбурга по узкой полосе песчаного пляжа между холодной водой Гренфьорда и слоистой скалой берега. Чуть дальше открывался покатый откос, уходящий в море. И представилось, как сюда, на отмель, выходит – выползает стадо моржей – огромных глыбообразных существ с пучеглазыми мордами, колючими усами, глубокими складками на щеках и подбородке. Выходящие из моря подталкивают передних клыками, чтобы получить свое место под солнцем. День кончается, летние северные сумерки сгущают тени, падающие на землю от моржей и раскиданных по откосу валунов. Ветер дует с горы, с берега, поэтому-то животные и не чувствуют подошедших со стороны моря людей.

Охотников человек десять, каждый сжимает в руке длинное копьё. В полном молчании они ползком приближаются к стаду и тихо, имитируя удары клыков, подталкивают палкой копьё животных подальше от моря. И когда этот обман открывается – по знаку вожака охотники начинают улюлюкать и шуметь как можно громче, колотя что есть мочи моржовые туши копьёми. Тем моржам, которые повернули от вершины к морю, мешают те, которых люди гонят по направлению к ним. Животные сталкиваются, наползают друг на друга, давят малышей. После этого начинается обыкновенное убийство: самых ретивых зака-

львают на месте, а тех, что уже выбились из сил и не пытаются ускользнуть в море, можно, подгоняя копьем, своим ходом гнать к лагерю, к становищу, где уже горят костры под гигантскими чанами для варки звериного сала...

Вид поселка Баренцбург

– Мы должны сюда добавить грохот прибоя и брызги пены, поднятые спасшимся моржом, рычание сотен охваченных паникой чудовищ, пойманных в ло-

вушку на берегу, – добавляет Фарли Моуэт, комментируя доклад офицера английского королевского флота, описавшего именно такой способ охоты на моржей в 1765 году. – Мы должны наглядно представить себе сцену в мрачной и ветреной темноте, освещенную только к эпилогу красными вспышками факелов. Мы должны еще ощутить, что чувствуют люди, совершающие резню, ползущие на руках и коленях и слишком хорошо знающие, что в любой момент они могут быть раздавлены черной лавиной мяса и костей...

С каждым днем нашего пребывания в гостях у полярников Шпицбергена все реальнее, как нарывающая заноза в пальце, тревожит мысль о необходимости возвращения домой. Да, мы достигли желанной цели, доказав всем и вся возможность плавания в Арктике на новоделах старинных парусников. И было бы нелепо на обратном пути потерпеть крах. И за байками судовых острословов, что, мол, программа выполнена, осталось лишь смоделировать кораблекрушение средневекового коча, так или иначе скрывалась тревога за благополучный исход нового, 680-ти мильного (если по прямой, как современные суда) пути до Мурманска. Утешало одно: если что, то, наверное, поставят нам в Баренцбурге памятник, как и экипажу невесть где сгинувшего парохода «Геркулес». Но лично для меня это было слишком слабым

утешением.

Да, время отправляться в обратный путь. Десять дней мы бороздили воды гигантского Ис-фьорда, гостя у приветливых полярников. Пора и честь знать. В эти дни я не вел дневника – события и впечатления наслаивались, переполняли чувства, мелькали, как в волшебном калейдоскопе детства: ледяной бело-зеленой рекой нависает над водой ледник Норденшельда; ребятишки-дошколята из поселка Пирамида собирают в лукошко малюхонные, самые северные в мире грибы; в норвежской кирхе висит модель парусной лодки – символ спасения человека в нашем грешном мире; в квартире земляков из Баренцбурга хозяйка как самый дорогой подарок ставит на стол блюдце с нарезанным свежим огурцом, выращенным на подоконнике за месяцы зимовки...

Вечером 22 июля на веслах отошли от причала, от ставшего почти родным берега с красными звездочками цветов северной камнеломки. Берега, в чьих недрах на угольных пластах навек окаменели следы диких динозавров и широколистных растений. Поселка, на улицах которого вместо голубей разгуливают чайки, а вместо собак – низкорослые доверчивые олени.

Поймав ветер, крепим по бортам шестиметровые весла и поднимаем парус. Грот пузатый, как баба на

сносях. Из-под самого носа набирающего скорость ко- ча улепетывают ленивые кайры, громко хлопая по во- де черными крыльями. Вот они – последние аплодис- менты Ис-фьорда...

Однако рано, оказывается, мы поддались сенти- ментальному настроению: прощания не состоялось. Под утро зачихал и заглох сорокасильный мотор «Гру- манта» – единственный, если не считать самовара, «паровой двигатель» экспедиции. Решили не риско- вать и вернуться в Баренцбург. Спасибо местным умельцам – управились с ремонтом за полутора су- ток. Но в понедельник, 24-го, выходить в море осте- реглись – плохая примета. Вышли во вторник, сразу после полуночи. И пора, наверное, мне рассказать по- подробнее о том, как товарищи по экспедиции оце- нивают наш поход. Ведь каждый из нас преследовал свои цели.

Летний пейзаж Шпицбергена

Владимир Пучкин (работник БММТ «Спутник» ЦК ВЛКСМ, кок лодыи «Груммант»): Молодежь должна от-

дышать активно, а не знакомиться с достопримечательностями тех или иных мест из окна автобуса или с палубы океанского лайнера. Почему бы не предоставить возможность людям за свои деньги быть не только пассажирами, а членами экипажей подобных судов и путешествовать, например, по Белому морю? Думаю, что желающие найдутся, хотя я и почувствовал всю «экзотику» похода на Грумант на собственной шкуре. Напомню, что «Спутник» работает по принципу «нон профит», то есть не ставит основной целью получение финансовой выгоды. И мы решили испытать пригодность старинного типа парусных судов для организации молодежных морских круизов: экологически чистых, физически активных, связанных с познанием истории.

Ростислав Гайдовский (заместитель начальника Арктической нефтегазоразведочной экспедиции Мингеологии СССР, капитан лодки «Грумант»): У нас утерян опыт плавания на маломерных судах. Удивительно, но факт: перевозка грузов, выполнение различных работ в прибрежных водах считается сложным и небезопасным делом. Но зачем платить бешеные деньги за использование вертолетов или другой современной техники, если можно именно в Арктике намного дешевле и эффективнее работать на малых судах? В этом я еще раз убедился, пройдя от Петроза-

водска до Шпицбергена. Сбор гагачьего пуха, промысел рыбы, водорослей, расчистка от плавника побережий – так или иначе все эти частные вопросы упираются в глобальную задачу возрождения отдаленных поморских деревень...

Владимир Панков (преподаватель Мурманского высшего инженерного морского училища, матрос коча «Помор»): В своей научной работе я занимаюсь физикой поверхности моря, и нынче смог с иного ракурса взглянуть на некоторые проблемы, далекие, казалось бы, от практического мореплавания. Ну а побывать на Шпицбергене – это мечта моего детства!

Александр Скворцов (сотрудник НИИ культуры, заместитель начальника экспедиции по науке): Для меня, как ученого и яхтсмана, этот переход сравним с творчеством. Коч – идеальное судно для ледового плавания, вобравшее в себя лучшее из искусства кораблестроения и кораблевождения древних поморов. В истории освоения высоких широт еще немало «белых пятен». И данная экспедиция органично вписалась в программу исследований историко-культурной среды Арктики морской комплексной экспедицией нашего института, программу, рассчитанную до 2000 года...

Однако достаточно рассуждений и давайте вернёмся на борт коча, которому еще предстоит переход от

Шпицбергена до Кольского залива.

Итак, мы вышли в море, хотя и получили радиogramму от мурманских синоптиков с пометкой «шторм всем судам»: «Циклон смещается к востоку от 74° северной широты со скоростью 30 км/час. 26 июля на юге Баренцева моря ветер 15–17 м/сек, видимость хорошая, в тумане 300–500 м, дождь, температура 3–8° тепла. Ветер западный, северозападный еще двое суток (для нас попутный. – В. Г.). На побережье Норвегии: ветер юго-западный, южный 15–17 м/сек. Высота волны 1–2 метра, на севере – 3 метра. Последующие двое суток ветер юго-западный, западный, местами туман». Вышли, рассчитывая под парусами успеть добежать до Медвежьего, а там, через два-три дня, глядишь и циклон уйдет в центральную часть Арктики... Опрометчиво? Наверное, да. Перелистну несколько страниц своего путевого блокнота.

«26 июля. 4 часа утра.

За кормой южная оконечность Шпицбергена. Отошли миль на 40, но горы все еще видны. Скорость до семи узлов, хотя работает один фок. Небо в голубых дырах – просветы как разводья солярки на воде. Целые сутки попутный ветер.

27 июля. 4 часа утра.

К. вечеру подошли к острову Медвежий.

28 июля. 4 часа утра.

Днем штиль. На севере светлая полоска неба,

впереди – черная хмарь, разодранная по краям на кучевые облачка, словно кто-то грязными руками заляпал хрусталь небесного свода.

Параллельным курсом прошел норвежский ракетный катер. Постоял рядом, а потом рванул к берегу со скоростью узлов в 50.

29 июля. Утро.

Увидели землю – до берега миль 80. Солнце красное. Сильная болтанка. Ветер попутный, но, очевидно, встречное течение: гребни волн белые, а перед ними вырастают маленькие фонтанчики, будто сотни невидимых бесенят занимаются серфингом – или как там правильно называют этот новомодный вид спорта? Типичный морской сувой.

29 июля. День.

Едва успели срубить грот – идем на одном малом фоке. Ветер усиливается. 18 метров в секунду, но в порывах сильнее! Волна высокая. Коч пока что „вписывается“ в нее: перекачивается с гребня на гребень, как на американских горках. И лишь слегка подрагивает всем корпусом. Капитан советует не оглядываться: за кормой жутковатая картина. Отпустил шкот и удерживаю его конец в руках, чтобы, если начнет заваливать судно, сразу уменьшить давление на парус. Встретили две яхты, следующие почему-то в открытое море.

29 июля. Вечер.

Прошли Варде. Скорость максимальная – до одиннадцати узлов. Вода пенится у самого борта, лижет планширь.

30 июля. 4 часа утра.

Проходим Рыбачий. Впервые за всю экспедицию видел восход солнца: в начале пути и в высоких широтах оно не садилось вовсе...»

Днем, после ночной вахты, и проснулся уже у входа в Кольский залив. Было воскресенье – праздник военных моряков. К вечеру подошли к причалу мурманского морского вокзала. После оформления недолгих таможенных формальностей ступили на берег. Первая новость, которую узнали: в Баренцевом море какие-то две яхты дали «SOS». Одну обнаружили перевернутой, другую пока ищут. А мы успели прошмыгнуть между двумя циклонами...

Послесловие

У Бориса Шергина есть маленькая притча, которой лучше, точнее всяких моих слов расскажет о том, что чувствует – переживает человек, вступив в единоборство с морем.

«По слову Великого Новгорода шли промышленные лоды во все концы Студеного моря-океана. Лоды Гостева сына Ивана ушли дальше всех. Гостев оследил нехоженный берег...

Вечно ходит солнце со востока на запад. Гуси и гагары с теплом летят б север, с холодами – в юг.

Так же обычаем сорок лет мерил Гостев Иван неизмерное море. Сочти этот путь и труд человеческий!

Уже честная седина пала в бороду Гостева, и тут прямой его ум исказила поперечная дума: „Берег я прибрал себе самый удаленный, путь туда грубый и долгий. Не сыскать ли промысел поближе, чтобы дорога была покороче...“

В таком смятении ума стоит Гостев у кормила лодейного: „Кому надобны неиссчетные версты моих пупеплаваний? Кто сочтет морской путь и морской труд?“

...Перед глазами бескрайнее море, волны рядами-грядами. И видит Гостев: у середовой мачты сто-

ит огнезрачная девица... Она что-то считает вслух и счет списывает в золотую книгу.

– Кто ты, о госпожа? – ужаснулся Гостев. – Что ты считаешь и что пишешь?

– Я премудрость божья, София Новгородская. Я считаю версты твоего морского хода. О кормщик! Всякая верста твоих походов счислена, и все пути твоих людей исчислены и списаны в книгу жизни...

18 Участники экспедиции „Путь на Грумант“ после возвращения в Мурманск со Шпицбергена

– Ежели так, о госпожа, – воскликнул Гостев, – то и дальше дальних берегов пойду и пути лодей моих удвою!»

Путь туда грубый и долгий... Кто сочтет морской путь и морской труд?.. И дальше дальних берегов пойду и пути лодей моих удвою!

...На днях получил от председателя клуба «Полярный Одиссей» Виктора Дмитриева программу новой экспедиции. Будущим летом впервые за последние одиннадцать лет наши суда – три новых древнерусских лодьи – возьмут курс из Петрозаводска не на север, в Арктику, а на юг: по рекам и каналам в Черное море, порты Румынии и Болгарии, затем – Стамбул, Афины, Никосия, Тель-Авив, пригород Каира – Гиза. Называться все это будет «Золотой Век», цель – моделирование экономических и культурных взаимосвязей исторического пути «из варяг в греки». Девиз: «Мир, флот, торговля соединяют народы и континенты». Эмблема экспедиции – кижский Преображенский собор и египетская пирамида...

Реально? После того, как мы сходили на Шпицбер-

ген и вернулись обратно, на мой взгляд – да.

Декабрь 1990 года

Вычитывая корректуру этой книги, уже сейчас, в январе 1991 года, могу сообщить: задуманная экспедиция от Кижей до Египта прошла успешно. Подробности? О них можно будет узнать из новой книги о дерзких морских походах членов петрозаводского клуба путешественников и исследователей «Полярный Одиссей».

30 к.

Виктор Георги

ПУТЬ НА ГРУМАНТ

